

РУССКАЯ ШКОЛА

ОБЩЕПЕДАГОГИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ШКОЛЫ И СЕМЬИ

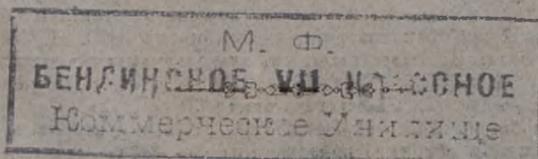
ИЗДАВАЕМЫЙ ЕЖЕМЪСЯЧНО ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

Я. Г. ГУРЕВИЧА.

ВТОРОЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

№№ 7 и 8.

ЮЛЬ и АВГУСТЪ 1891 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія И. Н. Скороходова (Надеждинская, 43).

1891.

СОДЕРЖАНИЕ.

1. Правительственные распоряженія.
2. Начальное образованіе и народныя училища въ Западной Европѣ и въ Россіи. VI. Народныя училища въ Россіи въ XIX ст. (Продолженіе). **Н. Х. Весселя.**
3. Годъ въ швейцарскомъ коллежѣ (изъ школьныхъ воспоминаній). **И. И. Мечникова.**
4. Тоже да не тоже. (Изъ воспоминаній учителя духовной семинаріи). **А. П. Хитрова.**
5. Литературныя и читательныя бесѣды. (Матеріалы для біографіи В. Я. Стоюнина). **Н. Ф. Арешева.**
6. Гигіена дѣтскаго возраста съ точки зрѣнія Ж. Ж. Руссо. Женщины-врача **М. И. Покровской.**
7. Картинки семейнаго воспитанія. (Изъ записокъ домашняго учителя). (Окончаніе). **А. К. Молотова.**
8. Приготовленіе учителей среднеучебныхъ заведеній въ Финляндіи. **А. А. Нейфельда.**
9. Источники сельско-хозяйственнаго знанія. I. Участіе народной школы въ дѣлахъ сельско-хозяйственнаго интереса. **М. В. Неручева.**
10. Профессиональное образованіе въ Финляндіи. **Я. В. Абрамова.**
11. Преподаваніе географіи въ послѣднее пятидесятилѣтіе и желательная постановка этого предмета въ нашихъ среднеучебныхъ заведеніяхъ. (Окончаніе). **А. П. Пуликовскаго.**
12. Спорные вопросы преподаванія математики. **Б. Т.**
13. Обзоръ мѣропріятій земствъ по народному образованію за 25-лѣтній періодъ времени. **А. М. Тютрюмова.**
14. Народное образованіе во Владимірской губерніи. **И. П. Бѣлоконскаго.**
15. Городскія и сельскія бібліотеки и читальни для народа по свѣдѣніямъ «Петербургскаго комитета грамотности». **В. В. Девеля.**
16. Къ вопросу о замѣнѣ классной системы преподаванія предметной въ городскихъ училищахъ. **Д-рева.**
17. **Критика и бібліографія:** 1) Чему и какъ учить на урокахъ роднаго языка въ начальной школѣ? Методика обученія грамотѣ, объяснительному чтенію, толковому изложенію мыслей, грамматикѣ, правописанію и церковно-славянскому чтенію. Руководство для учителей подготовительной и народной школы. Составилъ Д. Тихоміровъ. Изданіе 2-е. Москва. 1890 года. Цѣна 1 руб. 25 коп. **Г. И. Паульсона.** 2) Axel Key. Pubertätsentwicklung und das Verhältniss derselben zu den Krankheitserscheinungen der Schuljugend. (Половое развитіе и отношеніе его къ болѣзненнымъ явленіямъ школьнаго юношества). **Н. Б. З) Laurie. Lectures on the language and the linguistic method in the school, delivered in the university of Cambridge. 1899.** (Лори. Лекціи о языкѣ и о методѣ изученія языковъ въ школѣ, читанныя въ Кембриджскомъ университетѣ. 1890). **П. М. 4) Анастасіевъ, А. П.** Сборникъ стихотвореній, составленный для начальныхъ народныхъ училищъ и для домашняго обученія и съ приложеніемъ статьи: «Качества и условія хорошаго чтенія и объяснительныхъ примѣчаній къ стихотвореніямъ. Симбирскъ 1890. Ц. 45 к. **А. Н.**
18. **Обозрѣніе иностранныхъ педагогическихъ журналовъ.** 1) «Pedagogik Tidskrift», 1890; 2) «Vor Ungdom» («Наши дѣти»). 1890 г. **П. И. Леонтьева;** 3) «Krok», Casopis vespnyu veskeremu potřebám stredního školstva. 1890. («Шагъ», журналъ, посвященный всѣмъ нуждамъ средняго образованія). **М. Кр—аго.**
19. **Педагогическая хроника:** а) Хроника народнаго образованія **Я. В. Абрамова;** б) Народныя чтенія въ Тифлисѣ. **А. Пр—ва;** в) Отчетъ о возникновеніи и дѣятельности въ 1890—91 учебномъ году исторической секціи при учебномъ отдѣлѣ Общества распространенія техническихъ знаній въ Москвѣ. **Р. В.;** д) Въ Петербургскомъ комитетѣ грамотности. (Засѣданіе 14 мая 1891 г.). **А. К.;** е) Сербскія школы въ Старой Сербіи, Босно-Герцеговинѣ и южной Венгріи. **Кр—го;** ф) Письмо въ редакцію. **М. Сіазова.**
20. Листокъ объявленій.

РУССКАЯ ШКОЛА

ОБЩЕПЕДАГОГИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ШКОЛЫ И СЕМЬИ

ИЗДАВАЕМЫЙ ЕЖЕМЪСЯЧНО ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

Я. Г. ГУРЕВИЧА.

ВТОРОЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

№№ 7 и 8.

ІЮЛЬ и АВГУСТЪ 1891 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія И. Н. Скороходова (Надеждинская, 43).

1891.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 21-го іюня 1891 года.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ ПО УЧЕБНОМУ ВѢДОМСТВУ.

На подлинномъ Собственною ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО
ВЕЛИЧЕСТВА рукою написано:

«Быть по сему».

Въ Гатчинѣ.
4 мая 1891 г.

Правила о школахъ грамоты *).

§ 1. Школы грамоты суть школы начального обученія, открываемыя въ приходахъ городскихъ и сельскихъ, а равно и при монастыряхъ.

§ 2. Всѣ школы грамоты, какъ существующія уже, такъ и вновь открываемыя, подлежатъ исключительно вѣдѣнію и наблюденію духовнаго начальства. Попеченіе о школахъ грамоты въ приходахъ и руководство оными возлагается на мѣстныхъ священниковъ, или на тѣ лица, кои будутъ назначены для сего епархіальнымъ архіереемъ. Отвѣтственность за православно-церковное направленіе школы во всякомъ случаѣ возлагается на приходскаго священника.

§ 3. Школы грамоты могутъ быть учреждаемы членами причтовъ, монастырями, благотворительными учрежденіями, однимъ или нѣсколькими прихожанами, сельскими и городскими обществами и земствомъ.

§ 4. Мѣстные прихожане, желающіе открыть на свои средства школу грамоты, обращаются за совѣтомъ и указаніями къ приходскому священнику, на обязанность котораго возлагается пріисканіе для открываемой школы благонадежныхъ учителя и попечителя и забота о снабженіи ея необходимыми руководствами и учебными пособиями. Всѣ могущія возникнуть между приходскимъ священникомъ и устроителями школы недоразумѣнія разрѣшаются уѣзднымъ отдѣленіемъ епархіальнаго училищнаго совѣта, по докладу мѣстнаго о. наблюдателя.

§ 5. Лица и учрежденія, не принадлежащія къ приходу, желающія открыть одну или нѣсколько школъ грамоты въ приходѣ, обращаются съ своимъ предложеніемъ или въ уѣздное отдѣленіе епархіальнаго учи-

*) Церковно-приходская школа, іюнь 1891 г.

лицнаго совѣта, или къ мѣстному священнику и сообщаютъ при этомъ, гдѣ и на какія средства предполагается открыть школу.

§ 6. Въ школахъ грамоты обучаютъ священники, діаконы и другіе члены причта, а также свѣтскіе учителя, избираемые изъ лицъ православнаго исповѣданія, благочестивой жизни и знакомыхъ съ предметами начальнаго обученія. Избраніе учителей для школъ грамоты предоставляется учредителямъ оныхъ, по соглашенію съ приходскимъ священникомъ.

§ 7. Лица, имѣющія свидѣтельство на званіе учителя, допускаются къ учительству въ школѣ грамоты по удостовѣреніи въ нравственной ихъ благонадежности, съ доведеніемъ о семъ до свѣдѣнія уѣзднаго отдѣленія епархіальнаго училищнаго совѣта.

§ 8. Если избранное священникомъ или указанное учредителями школы лицо не имѣетъ свидѣтельства на званіе начальнаго учителя или учителя церковно-приходскихъ школъ, то священникъ предварительно удостовѣряется въ знаніи имъ молитвъ, священной исторіи, краткаго катехизиса и прочихъ предметовъ обученія въ школѣ грамоты, и если избранное священникомъ или указанное учредителями школы лицо окажется достаточно свѣдущимъ въ Законѣ Божіемъ и въ прочихъ предметахъ школы грамоты и нравственно благонадежнымъ, то приходскій священникъ даетъ такому лицу письменное разрѣшеніе на вступленіе въ должность учителя, о чемъ и доноситъ уѣздному отдѣленію епархіальнаго училищнаго совѣта. Лица, допущенныя къ учительству въ школахъ грамоты на основаніи сего § Правиль, не пользуются льготою по 63 ст. Уст. о воинской повинности.

§ 9. Учителя школъ грамоты, имѣющіе свидѣтельства на званіе начальнаго учителя или учителя церковно-приходской школы, пользуются всѣми присвоенными симъ званіямъ правами и освобождаются отъ отбыванія воинской повинности по 63 ст. Уст. о сей повин., съ тѣмъ, чтобы въ теченіе пяти лѣтъ со времени зачисленія ихъ въ запасъ уѣзднаго отдѣленія епархіальныхъ училищныхъ совѣтовъ представляли о таковыхъ учителяхъ въ подлежащія къ воинской повинности присутствія удостовѣренія о томъ, что означенные учителя школъ грамоты не оставили соотвѣтствующихъ ихъ званію занятій.

§ 10. Приходскіе священники ходатайствуютъ предъ уѣздными отдѣленіями объ утвержденіи въ званіи попечителей школъ грамоты тѣхъ лицъ, кои устроили таковыя школы, или оказываютъ имъ содѣйствіе своими матеріальными средствами, а общества и учрежденія, открывшія школы грамоты, сами избираютъ изъ своей среды попечителя школы. Попечители школъ грамоты утверждаются въ семъ званіи епархіальнымъ архіереемъ, по представленіямъ уѣздныхъ отдѣленій епархіальнаго училищнаго совѣта.

§ 11. Попечители школъ грамоты, вмѣстѣ съ приходскими священниками, заботятся: 1) объ устройствѣ удобнаго школьнаго помѣщенія и о доставленіи классныхъ принадлежностей, 2) о своевременномъ, по мѣстнымъ условіямъ, началѣ школьнаго ученія и о возможно исправномъ посѣщеніи школы учащимися, 3) о своевременной и исправной выдачѣ учителю положеннаго вознагражденія и 4) о возможно исправномъ посѣщеніи храма Божія учащимися, съ каковою цѣлью въ отдаленныхъ отъ

церкви деревняхъ можетъ быть учрежденъ добровольный нарядъ очередныхъ подводъ.

§ 12. Попечители школъ грамоты изъ крестьянъ пользуются преимуществами, предоставленными должностнымъ лицамъ волостнаго и сельскаго управления (пп. 1 и 2 ст. 124 Положенія о крестьянахъ 19 февраля 1861 г.).

§ 13. Попечители школъ грамоты, оказавшіе особое матеріальное и нравственное содѣйствіе преуспѣянію означенныхъ школъ, по засвидѣтельствванію о семъ членовъ уѣздныхъ отдѣленій, лично обозрѣвшихъ школы, и на основаніи журнальных постановленій сихъ отдѣленій, могутъ быть представляемы епархіальными преосвященными къ почетнымъ наградамъ.

§ 14. Предметы курса школъ грамоты составляютъ: Законъ Божій (краткая Священная Исторія Ветхаго и Новаго Завета и Краткій Катехизисъ), церковное пѣніе съ голоса, чтеніе церковно-славянское и русское, письмо и начальное счисленіе.

§ 15. Преподаваніе въ школахъ грамоты производится по руководствамъ, учебнымъ пособиямъ и вообще книгамъ, указаннымъ Святѣйшимъ Синодомъ и училищнымъ при Святѣйшемъ Синодѣ совѣтомъ. При названныхъ школахъ, по мѣрѣ средствъ, составляются учительскія и учебныя бібліотеки изъ книгъ, одобренныхъ и допущенныхъ училищнымъ совѣтомъ при Св. Синодѣ.

§ 16. Въ каждой школѣ грамоты должна быть классная книга, въ которую учитель вноситъ имена и фамиліи учащихся, отмѣчаетъ пропущенные ими уроки, съ объясненіемъ причинъ таковыхъ пропусковъ, и ведетъ записъ содержанія преподаваемыхъ уроковъ. Въ эту-же книгу священникъ, попечитель и наблюдатель, отъ времени до времени, вносятъ свои замѣчанія объ успѣхахъ учащихся и вообще о ходѣ школьнаго обученія.

§ 17. Опредѣленіе учебнаго времени въ школахъ грамоты въ теченіе года и составленіе распisanія недѣльныхъ уроковъ для сихъ школъ возлагается на уѣздныя отдѣленія епархіальныхъ училищныхъ совѣтовъ.

§ 18. По окончаніи учебнаго года, священникъ, совмѣстно съ учителемъ и попечителемъ школы и, по возможности, въ присутствіи сельскихъ властей и родителей учащихся, производитъ испытанія всѣмъ ученикамъ школы грамоты. Удовлетворительно выдержавшіе экзаменъ ученики и ученицы школъ грамоты получаютъ удостовѣреніе о знаніи ими пройденнаго курса, за подписью приходскаго священника, попечителя и учителя школы, съ приложеніемъ церковной печати. Уѣздныя отдѣленія заблаговременно снабжаютъ приходскихъ священниковъ бланками означенныхъ удостовѣреній. Удостовѣренія сія никакихъ правъ по отбыванію воинской повинности получившимъ ихъ ученикамъ не даютъ. Для полученія свидѣтельства на льготу по отбыванію воинской повинности ученики школъ грамоты могутъ подвергаться испытанію въ экзаменаціонныхъ комиссіяхъ духовнаго вѣдомства наравнѣ съ учениками церковно-приходскихъ школъ (Собр. узак. и распор. прав. 1889 г. № 31, ст. 272).

§ 19. Для успѣшнаго хода учебно-воспитательной части въ школахъ грамоты, приходскимъ священникамъ вмѣняется въ обязанность возможно частое посѣщеніе ихъ.

§ 20. При посѣщеніи школы грамоты священникъ испытываетъ учащихся въ пройденномъ, наблюдаетъ за преподаваніемъ учителя и ведетъ бесѣды по предметамъ Закона Божія. Особенное вниманіе со стороны священника должно быть обращено на церковно-воспитательную сторону школъ грамоты, какъ-то: благоговѣнное чтеніе молитвъ въ школъ, посѣщеніе учащимися храма Божія въ воскресные и праздничные дни, вѣкъклассное чтеніе книгъ и брошюръ наглядительнаго содержанія.

§ 21. Предъ началомъ и при окончаніи учебнаго года совершаются молебствія, на кои своевременно приглашаются сельскія власти и родители учащихся.

§ 22. Въ праздничные и воскресные дни предоставляется учителю устраивать вечернія чтенія въ школъ для учащихся и ихъ родителей. Чтенія эти сопровождаются пѣніемъ молитвъ и церковныхъ пѣснопѣній и производятся по указаніямъ и подъ руководствомъ приходскаго священника.

§ 23. Возлагаемыя сими Правилами на уѣздныя отдѣленія епархіальныхъ училищныхъ совѣтовъ обязанности по завѣдыванію школами грамоты въ тѣхъ уѣздахъ, гдѣ таковыя отдѣленія еще не открыты, возложить временно, впредь до открытія сихъ отдѣленій, на епархіальные училищные совѣты.

§ 24. Высшее управление всѣми школами грамоты и распоряженіе отпускаемыми на ихъ содержаніе суммами принадлежатъ Святѣйшему Синоду, который, въ развитіе настоящихъ правилъ, имѣетъ издавать особыя постановленія.

О резолюціи Государя Императора на докладъ г. Министра Народнаго Просвѣщенія относительно содѣйствія къ открытію при среднихъ учебныхъ заведеніяхъ пансіоновъ или общежитія при оныхъ для учащихся *).

Г. Министръ Народнаго Просвѣщенія, предложеніемъ отъ 28-го февраля 1891 г., за № 4.129, увѣдомилъ меня, что въ циркулярномъ предложеніи Министерства Народнаго Просвѣщенія отъ 7-го февраля сего года, за № 2.626, онъ просилъ меня обратиться особенное вниманіе начальствъ среднихъ учебныхъ заведеній и почетныхъ попечителей на крайнюю необходимость устраивать пансіоны или хотя-бы общежитія при мужскихъ гимназіяхъ, прогимназіяхъ и реальныхъ и промышленныхъ училищахъ, а также склонять къ содѣйствію сему благодѣлу мѣстныя общества.

О такомъ распоряженіи его сіятельство имѣлъ счастье всеподданнѣйше докладывать Государю Императору, и Его Величество на докладѣ его въ 10-й день февраля, собственноручно начертать соизволилъ: *«Радуясь этому доброму и полезному началу»*.

Но такъ какъ, при всемъ стараніи лицъ учебнаго вѣдомства къ открытію пансіоновъ, трудно, однако, разсчитывать, чтобы въ этомъ благодѣлу и полезномъ начинаніи могли послѣдовать большой успѣхъ безъ содѣйствія

*) Циркуляръ по Спб. учебн. округу № 4-й 1891 г.

генераль-губернаторовъ, губернаторовъ, предводителей дворянства, почетныхъ попечителей и другихъ властей, Министерству Народнаго Просвѣщенія не подчиненныхъ, то вмѣстѣ съ симъ Государь Императоръ Всемиловѣйше изволилъ разрѣшить сообщить означеннымъ лицамъ, что дѣло это пользуется одобреніемъ и сочувствіемъ Его Императорскаго Величества.

О вышеизложенномъ его сіятельство увѣдомилъ Министра Внутреннихъ Дѣлъ и вышепоименованныя мѣстные власти.

О семъ для свѣдѣнія объявляется по округу.

Высочайшее повелѣніе, циркулярно объявленное 30-го марта 1891 года министрамъ и главноуправляющимъ отдѣльными частями, о неуклонномъ исполненіи закона, воспреещающаго всякія приношенія начальствующимъ лицамъ и произвольное празднованіе юбилеевъ*).

Государю Императору благоугодно было обратить вниманіе на встрѣчающіеся часто случаи нарушенія закона, воспреещающаго всякія приношенія начальствующимъ лицамъ, а равно празднованіе юбилеевъ, безъ соблюденія установленныхъ для сихъ празднованій особыхъ условий.

По силѣ ст. 663 тома III уст. о службѣ гражд.: «Всѣ, такъ называемыя, приношенія начальствующимъ лицамъ отъ обществъ и сословій какъ въ совокупности, такъ и отдѣльно, подъ какимъ-бы то видомъ ни было, въ изъявленіе благодарности памятниками, выставленіемъ въ публичныхъ мѣстахъ портретовъ, адресами, вещами и денежными пожертвованіями, запрещаются».

Засимъ, согласно Высочайше утвержденному 6-го февраля 1876 года, положенію Комитета Министровъ, установлены сверхъ того слѣдующія правила, вошедшія въ составъ означенной 663 ст., по предложенію 1886 года:

1) Празднованіе юбилеевъ какъ лицъ, состоящихъ въ государственной службѣ, или занимающихъ должности съ утвержденія правительственныхъ учрежденій, а равно и благотворительныхъ заведеній и всякаго рода обществъ, состоящихъ въ вѣдомствѣ или непосредственномъ подчиненіи правительственныхъ учрежденій и лицъ, не допускается безъ предварительнаго разрѣшенія высшаго начальства.

2) Равнымъ образомъ, не допускаются безъ надлежащаго разрѣшенія никакія предварительныя распоряженія или подписки на пожертвованія по поводу празднованія упомянутыхъ юбилеевъ. *При этомъ безусловно воспрещаются всякаго рода сборы и подписки на пожертвованія въ средѣ лицъ, состоящихъ подъ начальствомъ или въ служебной зависимости отъ юбиляровъ.*

3) Безусловно воспрещается поименованнымъ въ п. 1-мъ лицамъ и учрежденіямъ празднованіе юбилеевъ въ произвольно избираемые для сего сроки. Дозволенными для такихъ празднованій сроками могутъ быть принимаемы: а) для лицъ—управленіе одною и тою-же частью, безъ пере-

*) Циркуляръ по Спб. учебн. округу № 4-й 1891 г.

рыва, не менѣ двадцати пяти лѣтъ, а равно состояніе на службѣ въ офицерскихъ чинахъ не менѣ пятидесяти лѣтъ и б) для учреждений, заведеній и обществъ—истечение полныхъ полустолѣтій ихъ существованія.

4) «Празднованіе юбилеевъ не должно служить поводомъ къ представленіямъ о наградахъ».

Не взирая на таковой ясный и опредѣлительный смыслъ закона, нарушенія онаго не только допускаются, но даже становятся какъ-бы обычнымъ явленіемъ; многія изъ нихъ оглашаются и въ печати. Празднуются юбилеи не только 25-ти-лѣтніе, но и въ другіе произвольно избираемые сроки, причемъ подносятся начальствующимъ лицамъ отъ имени подчиненныхъ подарки: личные и въ видѣ учреждаемыхъ по подпискѣ стипендій и пожертвованій, сооружаются иконы, читаются адреса и произносятся поздравительныя рѣчи. Нерѣдко такіа торжества устраиваются подчиненными, и безъ особаго разрѣшенія высшаго начальства, лишь при безмолвномъ согласіи того лица, коему посвящено празднованіе.

Такіа празднованія производятъ несомнѣнно развращающее дѣйствіе. Починъ въ подобныхъ дѣлахъ исходитъ, по большей части, отъ подчиненныхъ, отличающихся угодливостію и старающихся заслужить благоволеніе начальника и выгоды по службѣ; а когда заявляется предложеніе о подпискѣ на подарокъ или стипендію, прочіе служащіе принуждены бываютъ нести тяжкое для многихъ бѣдныхъ людей бремя подписки, изъ опасенія оскорбить начальство своимъ отказомъ,—и такимъ образомъ устраивается праздникъ, обременительный для всѣхъ, кромѣ нѣсколькихъ лицъ, находящихъ въ томъ свою выгоду и распространяющихъ въ служебной средѣ пагубное искусство лицемѣрія и лести.

Къ сожалѣнію, то же явленіе оказывается перенесеннымъ и въ среду учебныхъ заведеній: и здѣсь встрѣчается обыкновеніе подносить подарки начальству путемъ подписки, не только между учителями, но и между воспитанниками, причемъ нерѣдко совсѣмъ немущіе родители вынуждены вносить за своихъ дѣтей подневольную дань, дабы не подвергнуть ихъ невыгоднымъ послѣдствіямъ уклоненія или отказа. Объ этомъ не всегда доводится до свѣдѣнія высшаго начальства, такъ какъ все происходитъ негласно въ стѣнахъ заведенія; но неоспоримо, что подобнаго рода приношенія дѣйствуютъ самымъ развращающимъ образомъ какъ на учителей, такъ въ особенности на дѣтей, въвѣренныхъ ихъ попеченію.

Въ виду непрекращающихся нарушеній точнаго разума законоположеній о празднованіи юбилеевъ и воспрещенія упомянутыхъ въ сихъ законоположеніяхъ приношеній, Его Императорское Величество Высочайше повелѣтъ соизволилъ подтвердить по всѣмъ вѣдомствамъ, дабы начальствующія лица имѣли строжайшее наблюденіе за неуклоннымъ исполненіемъ дѣйствующихъ по означенному предмету постановленій, отнюдь не допуская какихъ-бы то ни было въ семъ отношеніи извѣтій или послабленій.

О таковой Высочайшей волѣ имѣю честь увѣдомить ваше высокопревосходительство для надлежащихъ распоряженій по ввѣренному вамъ, милостивый государь, вѣдомству.

Управляющій Собственною
Его Императорскаго Величества Канцелярію,
Стать-Секретарь (подписаль) Ренненкампфъ.

Циркулярное предложеніе гг. попечителямъ учебныхъ округовъ о законоучителяхъ въ учебныхъ заведеніяхъ (31-го марта 1891 года)*).

Оберъ-прокуроръ Святѣйшаго Синода въ январѣ сего года уведомиль меня, что Святѣйшій Синодъ, разсмотрѣвъ возбужденныя нѣкоторыми попечителями учебныхъ округовъ вопросы касательно примѣненія синодальнаго указа отъ 26-го марта 1890 г. за № 5 о неопредѣленіи законоучителями гимназій лицъ, состоящихъ священниками при церквахъ приходскихъ или при церквахъ благотворительныхъ учрежденій, между прочимъ, постановилъ просить Министерство Народнаго Просвѣщенія нынѣ-же сдѣлать распоряженіе объ увольненіи отъ законоучительскихъ должностей въ гимназіяхъ тѣхъ лицъ изъ приходскаго духовенства, которые выслужили установленный срокъ на пенсію, и о замѣщеніи имѣющихся открытыя вакансій другими правоспособными кандидатами.

По поводу такого постановленія было сообщено дѣйствительному тайному совѣтнику Побѣдоносцеву, что Министерство Народнаго Просвѣщенія затрудняется сдѣлать распоряженіе по сему предмету до конца текущаго учебнаго года, съ одной стороны потому, что, по увольненіи того или другаго законоучителя, весьма не легко тотчасъ-же найти на его мѣсто надлежащаго кандидата и, за невозможностью поручить уроки Закона Божія другимъ преподавателямъ, придется по необходимости прекратить на неопредѣленный срокъ преподаваніе этого важнаго предмета, а съ другой стороны, потому, что замѣна одного законоучителя другимъ въ срединѣ учебнаго года не можетъ вообще быть признана желательною и удобною въ интересахъ учебнаго дѣла.

Независимо отъ сего было объяснено, что изложенное опредѣленіе Святѣйшаго Синода оказывается неудобноисполнимымъ и по отношенію къ тѣмъ изъ законоучителей, которые по выслугѣ 25-лѣтняго срока, оставлены учебнымъ начальствомъ на службѣ на слѣдующія первое, второе, или третье пятилѣтіе, до воспослѣдованія упомянутаго указа, ибо въ примѣненіи къ нимъ указъ этотъ имѣлъ-бы обратное дѣйствіе.

Въ виду изложеннаго Министерство полагало тѣхъ законоучителей, которые подлежатъ увольненію, на основаніи означеннаго указа оставить въ должностяхъ однихъ—до окончанія текущаго учебнаго года, а другихъ до выслуги ими сроковъ, на которые они оставлены на службѣ.

Святѣйшій Синодъ, разсмотрѣвъ изложенныя выше соображенія Министерства въ связи съ имѣющимися въ центральномъ духовно-учебномъ управленіи свѣдѣніями о числѣ кандидатовъ духовныхъ академій, не получившихъ назначенія по духовно-учебному вѣдомству за недостаткомъ мѣстъ, не усмотрѣлъ затрудненій въ замѣщеніи законоучительскихъ въ гимназіяхъ вакансій могущихъ открытыя за увольненіемъ законоучителей, выслужившихъ пенсіонный срокъ. Признавая-же за симъ перемѣну законоучителей среди учебнаго года дѣйствительно неудобною, Святѣйшій Синодъ не встрѣтилъ препятствій къ оставленію на службѣ, до окончанія текущаго учебнаго года, законоучителей, подлежащихъ уволь-

*) Ж. М. Н. Пр. май 1891 г.

ненію, на основаніи помянутаго указа за № 5. Что-же касается предположенія Министерства Народнаго Просвѣщенія о томъ, чтобы законоучители, оставленные, по выслугѣ 25-лѣтняго срока, на службѣ учебными начальствами на пятилѣтія, продолжали законоучительскую службу до истеченія срока, на который оставлены, то, принимая во вниманіе, что вышеупомянутый синодальный указъ состоялся въ цѣляхъ возвышенія успѣховъ по Закону Божию въ гимназіяхъ и для предоставленія приходскимъ священникамъ и священникамъ благотворительныхъ учрежденій возможности всецѣло посвятить себя служенію духовнымъ нуждамъ вѣранныхъ имъ православныхъ паствъ, при чемъ въ указѣ не сдѣлано изъятія для законоучителей, выслужившихъ 25-ти-лѣтній срокъ и оставленныхъ на пятилѣтія, Святѣйшій Синодъ и нынѣ не изъявилъ своего согласія на предоставленіе таковымъ законоучителямъ означенной льготы, а потому опредѣлилъ: 1) законоучителей, подлежащихъ увольненію отъ службы, на основаніи указа отъ 26-го марта 1890 г. за № 5, оставить, согласно съ мнѣніемъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, въ занимаемыхъ ими должностяхъ до окончанія текущаго учебнаго года и 2) просить Министерство Народнаго Просвѣщенія сдѣлать распоряженіе объ увольненіи отъ службы при гимназіяхъ, по окончаніи текущаго учебнаго года, и тѣхъ законоучителей, которые, за выслугою пенсіоннаго срока, оставлены при гимназіяхъ на пятилѣтія.

О такомъ опредѣленіи Святѣйшаго Синода имѣю честь увѣдомить васъ, милостивый государь, для зависящихъ распоряженій.

О томъ, распространяется-ли на мужскія прогимназіи и реальныя училища дѣйствіе указа Святѣйшаго Синода о томъ, чтобы на должность законоучителей въ гимназіяхъ впредь не опредѣлять лицъ, состоящихъ священниками при церквахъ приходскихъ, или при церквахъ благотворительныхъ учрежденій *).

Г. Министръ Народнаго Просвѣщенія, предложеніемъ отъ 2-го февраля, за № 2.380, увѣдомилъ меня, что попечители нѣкоторыхъ учебныхъ округовъ обратились въ Министерство Народнаго Просвѣщенія съ просьбою о разъясненіи, распространяется-ли на мужскія прогимназіи и реальныя училища дѣйствіе указа Святѣйшаго Синода, 26-го марта 1890 г., за № 5, о томъ, чтобы на должность законоучителей въ гимназіяхъ впредь не опредѣлять лицъ, состоящихъ священниками при церквахъ приходскихъ, или при церквахъ благотворительныхъ учрежденій.

Вслѣдствіе сего Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія сдѣлано было сношеніе съ г. Оберъ-Прокуроромъ Святѣйшаго Синода, который нынѣ увѣдомилъ, что Святѣйшій Синодъ, принимая во вниманіе, что упомянутый синодальный указъ состоялся собственно по случаю пересмотра программъ преподаванія Закона Божія въ мужскихъ гимназіяхъ вѣдомства Министерства Народнаго Просвѣщенія и слѣдовательно, ближайшимъ образомъ,

*) Циркуляръ по Спб. учебному округу № 4-й 1891 г.

имѣлъ въ виду законоучителей сихъ учебныхъ заведеній, въ разрѣшеніе возникшаго по настоящему предмету вопроса, опредѣлилъ: 1) синодальный указъ отъ 26-го марта, за № 5, примѣнять только къ законоучителямъ мужскихъ гимназій и не распространять на четырехъ-классныя и шести-классныя прогимназіи, а равно на женскія гимназіи и прогимназіи, причемъ на законоучительскія должности въ гимназіи не должны быть опредѣляемы наравнѣ съ приходскими священниками и священники кафедральныхъ соборовъ и соборовъ, имѣющихъ приходы; 2) дѣйствіе сего указа не распространять также и на реальныя училища, за исключеніемъ тѣхъ изъ сихъ училищъ, при которыхъ имѣются свои церкви; въ таковыя училища законоучители должны быть опредѣляемы на тѣхъ-же основаніяхъ, какъ и въ гимназіи, такъ какъ училища, при существованіи церкви, могутъ дать достаточное содержаніе своему законоучителю.

О семъ для надлежащаго руководства объявляется по округу.

Циркулярное предложеніе гг. попечителямъ учебныхъ округовъ о времени начала лѣтнихъ каникулъ въ реальныхъ, городскихъ и уѣздныхъ училищахъ (26-го апрѣля 1891 года)*).

Высочайше утвержденнымъ 12-го іюня 1890 г. мнѣніемъ Государственнаго Совѣта на лѣтнія вакаціи въ гимназіяхъ, реальныхъ, городскихъ и уѣздныхъ училищахъ назначено два мѣсяца, и время начала сихъ вакацій предоставлено опредѣлять Министру Народнаго Просвѣщенія. Согласно сему, въ препровожденныхъ при циркулярномъ предложеніи Министерства Народнаго Просвѣщенія отъ 20-го минувшаго марта, за № 5.171, правилахъ объ испытаніи учениковъ гимназій и прогимназій, указано время начала лѣтнихъ каникулъ въ сихъ учебныхъ заведеніяхъ.

Что-же касается реальныхъ, городскихъ и уѣздныхъ училищъ, то въ таковыхъ пачало вакаціоннаго времени должно быть опредѣляемо примѣнительно къ гимназіямъ и прогимназіямъ, въ коихъ всѣ учебныя занятія оканчиваются въ первыхъ числахъ іюня мѣсяца, а приѣмные экзамены начинаются 8-го августа.

Объ этомъ имѣю честь сообщить вашему превосходительству для записанныхъ распоряженій.

Циркулярное предложеніе гг. попечителямъ учебныхъ округовъ о дополнительныхъ экзаменахъ воспитанникамъ гимназій и прогимназій (26-го апрѣля 1891 года)).**

Въ § 32 (п. 2) правилъ объ испытаніяхъ учениковъ гимназій и прогимназій 8-го декабря 1872 г. педагогическимъ совѣтамъ сихъ заведеній

*) Ж. М. Н. Пр. іюнь 1891 г.

***) Ж. М. Н. Пр. іюнь 1891 г.

предоставлялось, въ исключительныхъ случаяхъ, назначать дополнительный экзаменъ послѣ лѣтнихъ каникулъ тѣмъ воспитанникамъ, кои, будучи вообще исправными учениками, не могли явиться на испытаніе до каникулъ, или вынуждены были прервать оное; на основаніи же утвержденныхъ мною 12 марта сего года новыхъ правилъ объ испытаніяхъ, педагогическіе совѣты таковымъ правомъ не пользуются.

Принимая во вниманіе, что случаи подобнаго рода ежегодно повторялись въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, и имѣя въ виду, что допущеніе, при извѣстныхъ обстоятельствахъ, учениковъ къ дополнительнымъ экзаменамъ послѣ каникулъ представляется мнѣрою полезною и цѣлесообразною, я признаю необходимымъ разрѣшить педагогическимъ совѣтамъ гимназій и прогимназій, въ самыхъ рѣдкихъ и наиболѣе уважительныхъ случаяхъ, назначать дополнительный экзаменъ послѣ лѣтней вакаціи тѣмъ изъ воспитанниковъ, кои, не удовлетворяя требованіямъ, постановленнымъ правилами объ испытаніяхъ въ гимназіяхъ и прогимназіяхъ для перевода въ слѣдующій классъ безъ экзамена, но будучи, вообще, исправными учениками, не могли вовсе явиться на испытаніе или вынуждены были прервать оное.

Объ изложенномъ имѣю честь сообщить вашему превосходительству для зависящихъ распоряженій.

О назначеніи сверхштатныхъ учителей въ средне-учебныя заведенія *).

Подъемъ воспитательныхъ силъ въ нашихъ учебныхъ заведеніяхъ, преимущественно въ среднихъ, представляется дѣломъ неотложнымъ. Отъ лицъ, посвящающихъ себя педагогической дѣятельности, требуются не одни только знанія, но также умѣнье руководить обучающагося юношество, способность возбудить интересъ къ предмету ученія, вызвать любовь къ нему и помогать воспитанникамъ переходить отъ безсилія къ силѣ и отъ силы въ силу.

Такое руководство возможно не иначе, какъ при полномъ обладаніи не только научными свѣдѣніями, но и всѣмъ существомъ учащихся, степенью ихъ пониманія и воспримчивости къ излагаемому въ классѣ. Вышній контроль надъ занятіями учащихся самъ по себѣ недостаточенъ для успѣха дѣла; необходима совмѣстная работа учителя и ученика, плодотворная для того и другаго, оживляющая дѣло ученія и облегчающая достиженіе цѣли воспитанія.

Условіемъ для приобрѣтенія этихъ необходимыхъ качествъ воспитателя служить прежде всего призваніе къ дѣлу ученія. Но кромѣ того нуженъ навыкъ, дающій учителю указанія на ошибочность, тѣхъ или другихъ пріемовъ и на средства къ наилучшему достиженію задачъ воспитанія.

Между тѣмъ, молодые люди нерѣдко занимаютъ должности преподавателей среднихъ учебныхъ заведеній тотчасъ по окончаніи университет-

*) Циркуляръ по Спб. учебному округу № 4-й 1891 г.

скаго или институтскаго курса, не давши себѣ предварительно отчета объ обязанностяхъ, сопряженныхъ съ званіемъ воспитателя. Только немногіе изъ нихъ, обладая болѣе твердою волею, ограничиваются небольшимъ числомъ уроковъ, чтобы по крайней мѣрѣ имѣть время приготовиться къ нимъ надлежащимъ образомъ. Большинство-же съ перваго раза начинаетъ давать значительное число уроковъ, не сообразуясь ни съ своими силами, ни съ здоровьемъ, ни съ потребностью дальнѣйшаго самообразованія. Директоры среднихъ учебныхъ заведеній, сами не въ мѣру занятые преподаваніемъ, не имѣютъ времени руководить молодыхъ учителей и вводить ихъ постепенно въ новую для нихъ область дѣятельности. Неизбѣжныя послѣдствія такого порядка должны сказаться въ равнодушіи къ успѣхамъ учащихся, въ формальномъ отношеніи къ дѣлу, въ рутинѣ,—а это ведетъ къ пониженію уровня преподавательскихъ силъ, мѣшаетъ ихъ постоянному подъему.

Уставы гимназій и реальныхъ училищъ, равно какъ и министерскія распоряженія не только даютъ возможность устранить упомянутыя нежелательныя явленія въ учебномъ дѣлѣ, но и указываютъ мѣры къ достиженію результатовъ, болѣе благоприятныхъ для учащихся.

На первомъ мѣстѣ въ ряду этихъ мѣръ слѣдуетъ поставить институтъ сверхштатныхъ учителей.

Въ высшей степени желательно, чтобы лица, посвящающія себя педагогической дѣятельности, начинали при небольшомъ числѣ уроковъ и затѣмъ постепенно, пріобрѣтая необходимые навыки, испытывая свои силы и отдавая себѣ отчетъ въ своемъ призваніи, переходили къ болѣе трудной педагогической работѣ. Заявившіе свои способности сверхштатные учителя могутъ дать единственный контингентъ для замѣщенія штатныхъ учительскихъ мѣстъ и попечитель округа имѣть возможность дѣлать изъ нихъ выборъ, основываясь не на одномъ лишь дипломѣ объ окончаніи курса въ высшемъ учебномъ заведеніи, а на испытанной пригодности даннаго лица къ педагогическому дѣлу. Съ другой стороны молодые люди, которые убѣдились-бы послѣ вѣсколькихъ опытовъ въ томъ, что педагогическая дѣятельность не соотвѣтствуетъ ихъ наклонностямъ, имѣли-бы возможность, не теряя напрасно времени, избрать другаго рода службу. Наконецъ, при небольшомъ числѣ уроковъ, молодые люди были-бы въ состояніи выработать въ себѣ привычку серьезно относиться къ дѣлу, готовиться къ урокамъ, внимательно просматривать письменныя работы учащихся. Разъ пріобрѣтенная привычка останется навсегда и послужитъ залогомъ успѣшнаго преподаванія на будущее время. Институтъ сверхштатныхъ учителей устранить случайность при назначеніи на учительскія мѣста, и молодые люди получать увѣренность, что ихъ труды, знанія и способности будутъ оцѣнены надлежащимъ образомъ,—а это въ свою очередь приведетъ къ желательному повышенію уровня педагогическаго персонала.

Чтобъ облегчить сверхштатнымъ учителямъ ихъ матеріальное положеніе и ввести ихъ въ область воспитательной дѣятельности, представляется въ высшей степени полезнымъ соединять ихъ должность съ должностью помощниковъ классныхъ наставниковъ. Это вызоветъ немедленно болѣе близкія отношенія между учащими и учащимися; въ глазахъ послѣднихъ

помощникъ классныхъ наставниковъ явится дѣйствительнымъ воспитателемъ, который принимаетъ близко къ сердцу все касающееся воспитанниковъ, помогаетъ имъ совѣтами, знакомится съ вѣдѣнною обстановкою, дѣлитъ ихъ горе и радости, наблюдаетъ за растущею и слагающеюся жизнью юношества во всѣхъ ея проявленіяхъ, руководитъ и направляетъ дѣтскую мысль и чувство. Дѣло это нелегкое. Оно требуетъ высокаго образованія отъ воспитателя; но на немъ по преимуществу могутъ высказаться способности и призваніе педагога.

На основаніи вышеизложеннаго, предлагаю начальникамъ среднихъ учебныхъ заведеній принять въ руководство всѣ указанныя мною соображенія.

Поэтому, покорнѣйше прошу росписаніе уроковъ на будущій учебный годъ составить такимъ образомъ, чтобы въ каждомъ среднемъ учебномъ заведеніи оставалось свободными не менѣе 6-ти недѣльныхъ часовъ по одному изъ научныхъ предметовъ (кромѣ новыхъ языковъ), дабы эти часы могли быть предоставлены сверхштатному учителю, мною назначенному. Начальники учебныхъ заведеній не оставляютъ сверхштатныхъ учителей безъ необходимыхъ указаній и руководства, и подъ личною своею отвѣтственностью будутъ доставлять мнѣ свѣдѣнія о такихъ учителяхъ, дабы я могъ имѣть ихъ въ виду при открывающихся вакантныхъ мѣстахъ. Гг. начальствующие должны помнить, что отъ назначенія вполнѣ способныхъ учителей зависитъ успѣхъ вѣреннаго намъ дѣла и что ничего нѣтъ печальнѣе необходимости терять преподавателей, не стоящихъ на надлежащей высотѣ, потому только, что имъ своевременно не было указано на ихъ непригодность къ учебному дѣлу и они посвятили нѣсколько лѣтъ своей жизни преподаванію безъ пользы для учащихся и даже во вредъ имъ. Съ своей стороны я буду ставить въ заслугу гг. начальникамъ среднихъ учебныхъ заведеній ихъ труды по приготовленію способныхъ педагоговъ и имѣю въ виду назначать вновь на службу молодыхъ людей, за исключеніемъ крайнихъ случаевъ, не иначе, какъ въ должности сверхштатныхъ учителей.

О числѣ уроковъ, даваемыхъ директорами и инспекторами среднихъ учебныхъ заведеній *).

Постоянно увеличивающіяся требованія надзора и руководства учебно-воспитательнымъ дѣломъ должны отодвинуть на второй планъ непосредственную педагогическую дѣятельность начальниковъ среднихъ учебныхъ заведеній, т.-е. даваніе ими уроковъ.

Уставы гимназій и реальныхъ училищъ, признавая полезнымъ, чтобы директоры участвовали, наравнѣ съ прочими учителями, въ преподаваніи, ограничиваетъ однако количество даваемыхъ ими уроковъ и представляетъ ближайшее опредѣленіе этого количества попечителямъ учебныхъ округовъ.

При этомъ имѣлось въ виду, что на обязанности директоровъ лежатъ посѣщеніе уроковъ во вѣренномъ имъ учебномъ заведеніи, сношеніе съ

*) Циркуляръ по Спб. учебному округу № 4-й 1891 г.

родителями, хозяйственныя распоряженія по училищу, а иногда и по павсіюву, участіе въ обсужденіи педагогическихъ вопросовъ, дѣлопроизводство и проч.

Принимая во вниманіе многосложность этихъ обязанностей, серьезное исполненіе которыхъ требуетъ много времени и труда, я считаю необходимымъ для пользы дѣла установить съ будущаго учебнаго года, чтобы директоры среднихъ учебныхъ заведеній давали не болѣе шести уроковъ, инспекторы не болѣе двѣнадцати, а исполняющіе обязанности инспекторовъ не болѣе 18-ти.

Объ этомъ объявляю по округу къ исполненію.

Относительно того, кто можетъ быть допущенъ къ испытанію на право преподаванія счетоводства вообще и сельско-хозяйственнаго въ частности *).

На отношеніе мое отъ 18-го минувшаго февраля, за № 1.684, относительно того, могутъ-ли быть производимы испытанія для лицъ, не окончившихъ въ одномъ изъ указанныхъ предложеніемъ Министерства Народнаго Просвѣщенія отъ 31-го мая 1889 г., за № 9.223 **), коммерческихъ училищъ, и если могутъ, то гдѣ именно, какимъ порядкомъ и по какимъ предметамъ и программамъ, Департаментъ Народнаго Просвѣщенія, по приказанію его сѣятельства г. Министра, отношеніемъ отъ 12-го марта 1891 г., за № 4.686, увѣдомилъ меня, что установленныя ст. 147 св. зак. т. III уст. о служеб. прав. испытанія для полученія права преподаванія коммерческихъ наукъ производится лишь для окончившихъ курсъ въ С.-Петербургскомъ или Московскомъ коммерческомъ училищахъ; лица же, не окончившія курса въ одномъ изъ названныхъ училищъ, не могутъ быть допускаемы къ упомянутымъ испытаніямъ.

О семъ для надлежащаго свѣдѣнія объявляется по округу.

О назначеніи на должность классныхъ наставниковъ *).**

Институтъ классныхъ наставниковъ, въ высшей степени плодотворный, не оправдалъ однако всѣхъ возлагавшихся на него надеждъ. Причина этого заключается главнымъ образомъ въ формальномъ отношеніи къ дѣлу и въ недостаточномъ вниманіи при назначеніи на должность наставниковъ, исполненіе которой требуетъ не мало времени и труда.

Такъ, по смыслу уставовъ гимназій и реальныхъ училищъ, классными наставниками могутъ быть только штатные преподаватели, имѣющіе наибольшее число уроковъ въ данномъ классѣ. Это условіе дастъ наставнику возможность ближе ознакомиться съ вѣренными его попеченію воспитан-

*) Циркуляръ по Спб. учебному округу № 5-й 1891 г.

***) Предложеніе это помѣщено въ цирк. № 8-й 1889 г.

***) Циркуляръ по Спб. учебному округу № 5-й 1891 г.

никами, изучить их способности и характеръ, составить вѣрное понятие о каждомъ изъ нихъ. Поэтому совершенно неправильно—какъ это допущено вѣ въ некоторыхъ учебныхъ заведеніяхъ вѣвѣреннаго миѣ округа—назначать классными наставниками преподавателей, имѣющихъ въ этихъ заведеніяхъ всего не болѣе 6-ти уроковъ. Такое назначеніе находится въ прямомъ противорѣчій съ закономъ. Штатнымъ преподавателемъ можетъ считаться только лицо, дающее въ данномъ учебномъ заведеніи не менѣе 12-ти недѣльныхъ уроковъ. Это явствуетъ какъ изъ Высочайше утвержденнаго штатовъ среднихъ учебныхъ заведеній, такъ и изъ общаго положенія закона, по которому никто не можетъ получать пенсіи въ размѣрѣ, превышающемъ жалованье. А такъ какъ пенсіи преподавателямъ приурочены къ ихъ жалованью при 12-ти урокахъ, то очевидно, что для того, чтобы пользоваться всѣми правами штатнаго преподавателя, необходимо имѣть не менѣе нормальнаго числа уроковъ. Только при этомъ условіи преподавателямъ можетъ быть поручаема должность классныхъ наставниковъ, причемъ распределеніе ихъ по классамъ зависитъ отъ числа даваемыхъ въ данномъ классѣ уроковъ.

Равнымъ образомъ не согласно съ закономъ исполненіе обязанностей классныхъ наставниковъ въ нѣсколькихъ учебныхъ заведеніяхъ. Въ ст. 170 III тома св. зак. уст. о службѣ запрещается опредѣленіе къ двумъ и болѣе должностямъ въ одномъ и томъ-же вѣдомствѣ, при указаніи затѣмъ на возможность частныхъ изъ сего изъятій, дѣлается между прочимъ ссылка на Высочайше утвержденный 3-го января 1817 года всеподданнѣйшій докладъ Министра Народнаго Просвѣщенія. Но въ этомъ докладѣ рѣчь идетъ о преподаваніи профессорами и учителями учебныхъ предметовъ въ разныхъ классахъ и мѣстахъ; при этомъ Министерству предоставлено давать полное жалованье по разнымъ мѣстамъ или часть изъ назначаемыхъ окладовъ, смотря по способностямъ опредѣляемаго. Очевидно, что законъ 1817 года имѣетъ въ виду только выдачу вознагражденія преподавателю въ другомъ учебномъ заведеніи. На это указываетъ право Министра по своему усмотрѣнію измѣнять размѣръ вознагражденія, что по отношенію къ штатному жалованью немислимо.

Исполненіе обязанностей классныхъ наставниковъ въ двухъ учебныхъ заведеніяхъ, независимо отъ противорѣчія закону, вызываетъ крайнія неудобства и затрудненія: преподаватель не въ состояніи близко ознакомиться съ воспитанниками двухъ классовъ, а при дѣйстви правилъ объ испытаніяхъ 12-го марта сего года онъ не можетъ найти времени для присутствованія на всѣхъ экзаменахъ вѣвѣренныхъ ему въ нѣсколькихъ учебныхъ заведеніяхъ классовъ.

На основаніи настоящаго моего разъясненія, покорнѣйше прошу гг. начальниковъ среднихъ учебныхъ заведеній представлять миѣ на утвержденіе въ должности классныхъ наставниковъ исключительно штатныхъ преподавателей, то-есть, имѣющихъ не менѣе 12-ти недѣльныхъ уроковъ въ данномъ заведеніи и не занимающихъ должности наставниковъ въ другихъ училищахъ.

По вопросу о переводныхъ испытаніяхъ *).

Правилами объ испытаніяхъ, утвержденными его сіятельствомъ г. Министромъ Народнаго Просвѣщенія 12-го марта сего года, вмѣнено педагогическимъ совѣтамъ гимназій и прогимназій въ обязанность принимать во вниманіе всѣ имѣющіяся у нихъ данныя для оцѣнки успѣховъ учениковъ и предоставлено имъ право перевода въ высшіе классы безъ особаго испытанія. Этимъ распоряженіемъ живое дѣло ученія освобождено отъ нѣкоторыхъ формальностей, способныхъ вести къ его пониженію; вызвана личная энергія преподавателей; установлена болѣе тѣсная связь между учащими и учащимися; знакомство съ каждымъ ученикомъ въ отдѣльности выдвинуто на первый планъ; наконецъ, поднято серьезное значеніе педагогическихъ совѣтовъ.

Я увѣренъ, что педагогическое сословіе вѣрнннго мнѣ округа ста-
петъ на высоту возлагаемыхъ на него обязанностей и оказываемаго ему
довѣрія. Школьное ученіе, пребываніе въ школѣ имѣетъ цѣну лишь по
стольку, по сколько съ нимъ соединяется постоянство занятій, медлен-
ный, но прочный подъемъ знаній, усвоеніе новаго безъ оставленія про-
бѣловъ въ пройденномъ. Всякое поспѣшное подготовленіе къ экзаменамъ
не дастъ прочныхъ познаній; наскоро заученное не оставляетъ почти ни-
какихъ слѣдовъ.

Поэтому необходимо внушать учащимся и ихъ родителямъ весь вредъ
того нервнаго возбужденія, въ состояніи котораго приводятся наканунѣ
экзаменовъ всѣ ученики, небрежно или неровно работавшіе въ теченіе
года. Съ своей стороны педагогическіе совѣты должны также проник-
нуться мыслью о бесполезности подобнаго возбужденія для учениковъ,
которые постоянно работали въ теченіе года и познанія которыхъ не
подлежать сомнѣнію. Отвѣты такихъ учениковъ на экзаменѣ не измѣ-
няютъ сложившагося о нихъ мнѣнія, или только докажутъ возможность
какой-либо случайности; самые-же экзамены вызываютъ вредное для здо-
ровья напряженіе и чувство самолюбія или огорченія, пріучая къ раз-
счету на удачу. Все это нарушаеъ простоту воспитательнаго дѣла и
вноситъ въ него нежелательные элементы.

Формальные срочные экзамены не остаются безъ печальныхъ послѣд-
ствій для самаго ученія: преподаватели иногда невольно увлекаются же-
ланіемъ не столько обучить, сколько приготовить воспитанниковъ къ эк-
замену; показная сторона можетъ заслонить существо дѣла.

Умѣлый преподаватель всегда способенъ вѣрно оцѣнить знанія и сте-
пень умственной зрѣлости своихъ учениковъ не по отрывочнымъ отвѣ-
тамъ ихъ, а по тому, на сколько они усвоили себѣ всѣ существенныя
стороны предмета и воспитали въ себѣ силу мышленія. Поэтому необхо-
димо, не ожидая даже окончанія какого-либо отдѣла науки, возможно
чаще обращаться къ повторенію пройденнаго. Дѣти легко приобретаютъ
знанія, но легко и забываютъ ихъ. Доказательствомъ служить значи-
тельное число неудовлетворительныхъ отмѣтокъ за первую четверть учеб-
наго года. Вотъ почему необходимо въ особенности въ началѣ года оста-

*) Циркуляръ по Спб. учебному округу № 5-й 1891 г.

навливаться на элементахъ науки, безъ усвоенія которыхъ немислимъ успѣхъ послѣдующихъ занятій. Но и потомъ слѣдуетъ постоянно возвращаться къ пройденному, если въ знаніяхъ учениковъ замѣчаются какіе-либо пробѣлы; если окажется невозможнымъ пополнить ихъ въ классѣ то слѣдуетъ указать точно ученику или родителямъ, что именно должно быть усвоено учащимся немедленно.

При этихъ условіяхъ преподаватель будетъ имѣть не только къ концу года, но и въ теченіе всего учебнаго времени безошибочное мнѣніе о познаніяхъ учениковъ, а потому окажется совершенно излишнимъ безплодное напряженіе силъ учащихся ради экзаменовъ и выиграется время для спокойной и плодотворной работы ихъ. вмѣстѣ съ тѣмъ подвинется и дѣло воспитанія: учащіяся потеряютъ и дурную привычку откладывать занятія до конца года, самопадѣнно расчитывая навертатъ праздно проведенное время натугами непосѣдной работы, нервною бойкостью и удачею. Родители также примутъ мѣры, чтобы дѣти ихъ обращали цѣлый учебный годъ на занятія и чтобы ни одинъ мѣсяцъ этого года не проходилъ для нихъ безслѣдно.

Все вышеизложенное прошу принять въ руководство по вѣренному мнѣ округу во всѣхъ случаяхъ примѣненія § 36 правилъ объ испытаніяхъ 12-го марта 1891 года.

Объ открытіи частныхъ учебныхъ заведеній *).

Въ общей системѣ учебныхъ заведеній тѣ изъ нихъ, которыя учреждаются частными лицами, приносятъ несомнѣнную пользу и занимаютъ видное мѣсто. Повсюду типы существующихъ учебныхъ заведеній вырабатывались первоначально въ частныхъ училищахъ, которыя удовлетворяли нарождавшимся въ обществѣ потребностямъ образованія и согласовали свои учебные планы съ этими потребностями. Правительство пользовалось всегда матеріаломъ, добытымъ опытами отдѣльныхъ лицъ въ дѣлѣ образованія; частныя училища всегда предшествовали правительственнымъ, это важное значеніе частныхъ училищъ останется за ними навсегда. Они постоянно будутъ служить показателями того, въ чемъ нуждается общество, каналами, чрезъ посредство которыхъ въ правительственной учебной заведенія можетъ приходить живая струя обновленія.

Въ виду этого слѣдуетъ желать возможно большаго развитія частныхъ училищъ повсюду. Учебная власть не должна стѣснять ихъ и подводить подъ готовые опредѣленные типы: пусть каждый учредитель училища создаетъ свой учебный планъ, соблюдая только существующее въ законѣ опредѣленіе, а именно, чтобы въ каждомъ училищѣ преподавались Законъ Божій и русскій языкъ, а въ тѣхъ изъ нихъ, въ курсъ которыхъ входитъ исторія и географія, было обязательнымъ обученіе русской исторіи и географіи. Надзоръ учебнаго начальства долженъ сосредоточиваться на ходѣ и направленіи воспитанія и на томъ, чтобы преподаваніе

*) Циркуляръ по Спб. учебному округу № 5-й 1891 г.

всѣхъ предметовъ велось лицами опытными и знающими, согласно съ требованіями педагогики.

Къ сожалѣнію, у насъ содержатели частныхъ училищъ стараются о присвоеніи этимъ училищамъ всѣхъ правъ правительственныхъ учебныхъ заведеній; они добровольно отказываются ради этихъ правъ отъ всякой свободы, принимаютъ готовыя программы и обязательно подчиняются всякаго рода формальностямъ. На полученіе и удержаніе правъ направлены всѣ ихъ силы, которыя могли-бы получить болѣе плодотворное приложеніе. Частныя училища пытаются сдѣлаться буквальными копіями правительственныхъ и конкурировать съ ними. Существуютъ, конечно, хотя и рѣдкія, но тѣмъ болѣе сочувственныя исключенія изъ этого общаго порядка. Находятся дѣятели, особенно между женщинами, которые обладаютъ достаточною энергіею, чтобы противустоять господствующему теченію, сохранить за собою свободу труда на пользу образованія, пролагать новые пути въ этой области, чутко прислушиваясь и примѣняясь къ требованіямъ жизни. Такіе дѣятели особенно полезны въ настоящее время, когда вопросы о женскомъ и профессиональномъ образованіи только подняты и намѣчены и когда рѣшеніе ихъ можетъ найти желанный исходъ только путемъ опытовъ и усилій частныхъ лицъ. Но для успѣха дѣла необходимо отрѣшиться отъ простаго копированія существующихъ типовъ и отъ привлеченія въ школы посредствомъ разнаго рода служебныхъ правъ. Было-бы печально, если-бы учащіеся, готовящіеся въ школѣ къ практической дѣятельности, сбивались потомъ на торную дорогу канцелярскихъ служителей и учительницъ,—а это болѣе чѣмъ вѣроятно, подъ вліяніемъ присвоенныхъ училищами правъ. Было-бы также печально, если-бы правительство, при установленіи типовъ училищъ, не имѣло другаго матеріала, кромѣ опытовъ, сдѣланныхъ за границею при чуждыхъ намъ условіяхъ и задачахъ

Въ виду сказаннаго, покорнѣйше прошу всѣхъ, кому ввѣренъ надзоръ за училищами, поощрять открытіе частныхъ учебныхъ заведеній, разъясняя учредителямъ значеніе ихъ дѣятельности и предостерегая ихъ отъ бесполезнаго стремленія юридически стать наравнѣ съ правительственными училищами. Пусть содержатели направляютъ свои усилія на подъемъ воспитанія и обученія,—и родители оцѣнятъ эти усилія. Въмѣсто того, чтобы искать поддержки извнѣ, пусть они положатъ въ основу своихъ училищъ добросовѣстный трудъ, энергію и любовь къ дѣлу и отзывчивость на постоянно назрѣвающія нужды образованія. Для педагога по призванію открывается широкая и плодотворная дѣятельность въ руководствѣ частнымъ училищемъ и возможность сослужить службу отечеству. Съ другой стороны покорнѣйше прошу принять во вниманіе, что для частныхъ училищъ не обязательны учебные планы и программы хотя-бы аналогическихъ учебныхъ заведеній и что имъ представляется въ этомъ отношеніи довольно широкій просторъ; обязательны лишь указанныя мною выше опредѣленія закона и общія требованія педагогики.

Четырнадцатое присужденіе премій императора Петра Великаго, учрежденныхъ при Министерствѣ Народнаго Просвѣщенія *).

На соисканіе премій императора Петра Великаго, учрежденныхъ при Министерствѣ Народнаго Просвѣщенія, ученымъ комитетомъ, съ разрѣшенія его сіятельства господина Министра Народнаго Просвѣщенія на 1891 годъ назначена была, по разряду гимназій, группа: «математика, математическая географія и физика», съ предпочтительнымъ правомъ на премію по математической географіи. Къ назначенному положеніемъ о сихъ преміяхъ сроку, 1-го ноября 1890 года, представлено въ ученый комитетъ отъ авторовъ двадцать сочиненій (въ этомъ числѣ 19 печатныхъ и 1 въ рукописи съ печатными добавленіями). Для разсмотрѣнія этихъ сочиненій, съ разрѣшенія господина Министра, при основномъ отдѣлѣ ученаго комитета образована, подъ предсѣдательствомъ члена комитета А. Д. Путята, особая коммиссія, въ составъ которой избраны: члены ученаго комитета Н. И. Билибинъ и О. Д. Хвольсонъ, заслуженный ординарный профессоръ Николаевской академіи генеральнаго штаба генерал-майоръ Н. Я. Цивгеръ, профессоръ С.-Петербургскаго университета И. И. Воргманъ и приватъ-доцентъ того-же университета И. Л. Пташицкій.

Коммиссія, по разсмотрѣніи всѣхъ переданныхъ въ оную конкурсныхъ сочиненій, пришла къ заключенію, что два изъ нихъ, именно: «Курсъ прямолинейной тригонометрии и собраніе тригонометрическихъ задачъ» Н. А. Шапошникова и его-же совместно съ Н. К. Вальцовымъ «Собраніе алгебраическихъ задачъ» (въ двухъ частяхъ)—заслуживаютъ, каждое, преміи, и достоинства ихъ одинаковы. Первое изъ нихъ, не смотря на обнаруженныя въ немъ двѣ частности, не выдерживающія критики, есть наилучшій изъ всѣхъ изданныхъ до настоящаго времени русскихъ учебниковъ тригонометрии; а второе, хотя и имѣетъ въ своей второй части нѣкоторые недостатки (или недосмотры), не только не уступаетъ лучшимъ изъ имѣющихся у насъ другихъ сборниковъ алгебраическихъ задачъ, но и вполне заслуживаетъ во многихъ отношеніяхъ, въ особенности въ первой своей части, быть названнымъ образцовымъ. На основаніи такого своего заключенія, коммиссія признала справедливымъ исходатайствовать Н. А. Шапошникову большую премію императора Петра Великаго, присудивъ оную не за одно изъ двухъ названныхъ сочиненій въ отдѣльности, а за совокупность ихъ обоихъ. Коммиссія признала также заслуживающимъ малой преміи «Учебникъ физики» С. Ковалевскаго, такъ какъ учебникъ этотъ представляетъ цѣнный вкладъ въ нашу учебную литературу и въ значительной степени облегчать изученіе физики въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ; присужденію большой преміи за этотъ учебникъ препятствуетъ значительное количество замѣченныхъ въ немъ легко исправимыхъ промаховъ, неясностей и неудачныхъ выраженій.

Ученый комитетъ, обсудивъ вышеизложенное заключеніе коммиссии и представленныя ею подробныя рецензіи о разсмотрѣнныхъ ею сочиненіяхъ, опредѣлилъ:

*) Ж. М. Н. Пр. іюнь 1891 г.

1) Доценту Императорскаго Московскаго техническаго училища Н. А. Шапошникову: а) за его «Курсъ прямолинейной тригонометри и собраніе тригонометрическихъ задачъ. Изд. 3-е, исправленное. М. 1889», и б) составленный имъ съ преподавателемъ Коломенской гимназіи Н. К. Вальцовымъ «Сборникъ алгебраическихъ задачъ. Часть первая для III и IV классовъ. Изд. 2-е. М. 1889.—Часть вторая для V, VI, VII и VIII классовъ гимназій и соответствующихъ классовъ другихъ учебныхъ заведеній. М. 1890»,—не за одно изъ двухъ названныхъ сочиненій въ отдѣльности, а за совокупность ихъ обоихъ, присудить большую премію императора Петра Великаго (въ 2.000 рублей).

2) Преподавателю физики и химіи въ С.-Петербургскомъ 1-мъ реальномъ училищѣ С. И. Ковалевскому, за его «Курсъ физики. Часть I»,—присудить малую премію (въ 500 рублей).

3) Въ вознагражденіе трудовъ председателя комиссіи А. Д. Путяты и членовъ: Н. И. Вилибина, О. Д. Хвольсона, Н. Я. Цингера, И. И. Боргмана и И. Л. Пташицкаго по рассмотрѣнію вышеозначенныхъ сочиненій выдать имъ учрежденныя на этотъ предметъ золотыя медали.

Заключеніе ученаго комитета утверждено его сѣятельствомъ господиномъ Министромъ Народнаго Просвѣщенія.

Объявленіе отъ ученаго комитета Министерства Народнаго Просвѣщенія *).

Для сочиненій на соисканіе премій императора Петра Великаго, учрежденныхъ при Министерствѣ Народнаго Просвѣщенія, ученымъ комитетомъ, съ разрѣшенія его сѣятельства г. Министра Народнаго Просвѣщенія, назначенъ по *разряду гимназій* слѣдующій порядокъ:

На премію 1892 года—группа «языки нѣмецкій и французскій», съ предпочтительнымъ правомъ на премію систематической грамматики нѣмецкаго языка.

На премію 1893 года—группа «русскій языкъ съ церковно-славянскимъ и словесностью и логика; сюда присоединяется педагогика съ дидактикою и методикою примѣнительно къ гимназіямъ», съ предпочтительнымъ правомъ на премію по логикѣ.

На премію 1894 года—группа «исторія и географія, всеобщая и русская», съ предпочтительнымъ правомъ на премію книги для чтенія по исторіи среднихъ вѣковъ примѣнительно къ потребностямъ русской школы (Славяне и Византія).

Сочиненія для соисканія премій должны быть представлены въ ученый комитетъ Министерства Народнаго Просвѣщенія въ теченіе года, предшествующаго назначенію премій, но не позже 1-го ноября.

Учебныя руководства и пособия принимаются для соисканія премій какъ печатныя, такъ и въ рукописяхъ; но послѣднія будутъ подвергаться рассмотрѣнію лишь въ такомъ случаѣ, если онѣ окажутся написанными опрятно и разборчиво.

*) Ж. М. Н. Пр. іюнь 1891 г.

Сочиненія рукописныя, а также и печатныя, но безъ означенія имели автора, посылаются подъ какимъ-либо девизомъ, съ приложеніемъ къ рукописи пакета подъ тѣмъ-же девизомъ, гдѣ должны быть обозначены имя и фамилія автора, его званіе и мѣсто жительства.

О рекомендаціи восьми картинъ, изображающихъ подаваніе первой помощи въ несчастныхъ случаяхъ до прибытія врача *).

Издвненіемъ Ея Императорскаго Высочества Принцессы Евгеніи Максимилиановны Ольденбургской, изданы въ С.-Петербургѣ книгопродавцами Н. Фену и К^о восемь картинъ, изображающихъ подаваніе первой помощи въ несчастныхъ случаяхъ до прибытія врача. Содержаніе картинъ слѣдующее: 1) оживленіе утопленниковъ, 2) перевязка ранъ, 3) остановка кровотеченія на головѣ и туловищѣ, 4) остановка кровотеченія на рукѣ и ногѣ, 5) пособіе при переломахъ, 6) пособіе при ожогахъ и отмораживаніяхъ, 7) пособіе при укушеніи ядовитыми животными и 8) перевязка и переноска раненыхъ и тяжело больныхъ. Цѣна каждой картины 25 к.

Въ виду несомнѣнной пользы, которую должно принести какъ всему учащемуся юношеству, такъ въ особенности воспитанникамъ сельскихъ училищъ, наглядное ознакомленіе съ главными приѣмами подаванія первой помощи въ несчастныхъ случаяхъ, а равно принимая во вниманіе, что на поляхъ каждой картины помѣщенъ краткій объяснительный текстъ, доступный повиманію каждого, г. Министръ Народнаго Просвѣщенія, предложевіемъ отъ 3-го апрѣля 1890 г., за № 6.138, просить меня обратить вниманіе начальствъ подвѣдомственныхъ мнѣ среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній на упомянутое изданіе, для пріобрѣтенія такового въ фундаментальныя бібліотеки сихъ заведеній.

О семъ для свѣдѣнія объявляется по округу.

Опредѣленія ученаго комитета Министерства Народнаго Просвѣщенія **).

Опредѣленіями ученаго комитета Министерства Народнаго Просвѣщенія, утвержденными г. Товарищемъ Министра, постановлено:

— Книгу пресвященнаго *Иустина*, епископа Новомиргородскаго, викарія Херсонской епархіи, подъ заглавіемъ: «Православно-христіанское вѣроученіе или Догматическое Богословіе», въ двухъ частяхъ,—одобрить для ученическихъ бібліотекъ среднихъ учебныхъ заведеній Министерства, для учениковъ старшаго возраста.

— Книгу: «Сборникъ статей по истолковательному и назидательному чтенію четвероевангелія, съ бібліографическимъ указателемъ. Составилъ

*) Циркуляръ по Спб. учебному округу № 5-й 1891 г.

***) Ж. М. Н. Пр. іюнь 1891 г.

инспекторъ Симбирской духовной семинаріи *М. Барсовъ*. Въ двухъ томахъ: т. I, стр. 641; т. II, стр. 567. Симбирскъ. 1890. Цѣна 4 руб., съ пересылкою 5 руб.»—одобрить для пріобрѣтенія въ бібліотеки учебныхъ заведеній Министерства Народнаго Просвѣщенія.

— Книгу: «Учебная бібліотека Лѣтопись *Нестора*. Редакція и примѣчанія *В. А. Яковлева*. Спб. 1891. Стр. 87. Цѣна 35 коп.»—допустить въ ученическія бібліотеки, для средняго и старшаго возраста среднихъ учебныхъ заведеній.

— Книги: «Гай Юлій Цезарь. Записки о Гальской войнѣ. Книга I. Съ введеніемъ, примѣчаніями, 32 рисунками, съ 2 планами сраженій и картой Галліи. Объяснилъ *Сергій Манштейнъ*, преподаватель Императорской Николаевской гимназіи. Царское Село. 1891. Стр. 36+78. Цѣна 60 коп.» и

— «Овидій Назонъ. Избранныя стихотворенія. Съ введеніемъ, примѣчаніями, 56 рисунками и картою звѣзднаго неба. Объяснилъ *И. Немушилъ*, профессоръ Харьковского университета. Царское Село. 1891. Стр. 82+152. Цѣна 1 руб.»—рекомендовать въ качествѣ учебнаго пособия для гимназій и прогимназій.

— Книгу: «Винкельманъ и поздняя эпоха греческой скульптуры. Трудъ *Н. М. Благовѣщенскаго*. Спб. 1891»—рекомендовать для пріобрѣтенія въ фундаментальныя и ученическія (старшаго возраста) бібліотеки среднихъ учебныхъ заведеній Министерства и для наградъ воспитанникамъ сихъ заведеній.

— Изданіе: «Русская военная сила. Очеркъ развитія выдающихся современныхъ событій отъ начала Руси до нашихъ дней. Составлено группою офицеровъ Генеральнаго Штаба въ Москвѣ. Изданіе *И. Н. Кушнера*. Москва. 1888—1890»—одобрить для ученическихъ бібліотекъ среднихъ учебныхъ заведеній, для средняго и старшаго возраста.

— Книгу: «Нѣмецкая хрестоматія. Составилъ *Р. Гретманъ*. Часть I, для младшихъ и среднихъ классовъ. 3-е, исправленное изданіе. Москва. 1891. Стр. XII+231. Цѣна 75 коп.»—допустить къ употребленію въ среднихъ и младшихъ классахъ среднихъ учебныхъ заведеній, мужскихъ и женскихъ, въ качествѣ учебнаго пособия при изученіи нѣмецкаго языка.

— Книгу: «Систематическій сборникъ разказовъ для перевода съ русскаго языка на нѣмецкій *Ө. К. Андерсона*. Спб. 1890. Стр. VIII+156. Цѣна 50 коп.»—допустить къ употребленію въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, мужскихъ и женскихъ, въ качествѣ учебнаго пособия при изученіи нѣмецкаго языка.

— Изданный *М. Н. Глубоковскимъ* подъ заглавіемъ: «Наука и жизнь. Общеповятно-научный иллюстрированный журналъ за 1890 г.», №№ 52—одобрить для ученическихъ (старшаго возраста) бібліотекъ среднихъ учебныхъ заведеній Министерства Народнаго Просвѣщенія.

— Книгу: «Разборъ вѣроученія русскихъ штундистовъ *Д. Протоцова*. Тула. 1890»—одобрить для чтенія учениками старшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній.

— Книги: 1) «*П. Смирновскій*. Курсы систематическаго диктанта для среднихъ учебныхъ заведеній. Часть I. [Курсъ первый (для перваго класса) и второй (для втораго класса)]. Изданіе 7-е. Спб. 1890. Стр.

X+144. Цѣна 60 коп.» и 2) «*П. Смирновскій*. Курсы систематическаго диктанта для средних учебных заведеній. Часть II. Курсы третій (для третьяго класса). Спб. 1890. Стр. VIII+74. Цѣна 40 коп.—одобрить какъ учебное пособіе въ учебныхъ заведеніяхъ Министерства Народнаго Просвѣщенія.

— Книгу: «*П. Смирновскій*. Учебникъ русской грамматики для младшихъ классовъ средних учебных заведеній. Часть II. Элементарный синтаксисъ. Изданіе 4-е. Спб. 1891. Стр. VII+131. Цѣна 50 коп.»—одобрить какъ руководство для младшихъ классовъ средних учебных заведеній.

— Книгу: «Сочиненія князя *Д. П. Горчакова*. Москва. 1890. Стр. VII+180»—одобрить для ученическихъ библиотекъ средняго и старшаго возрастовъ средних учебных заведеній.

— Книжку: «Краткій синтаксисъ греческаго языка. Составилъ *Владимиръ Анпельротъ*, приватъ-доцентъ Императорскаго Московскаго университета и преподаватель 1-й и 5-й Московскихъ гимназій. Москва. 1891. Стр. 64. Цѣна 45 коп.»—одобрить какъ учебное руководство по греческому языку въ гимназіяхъ Министерства Народнаго Просвѣщенія.

— Книгу «*Memorabilia Xenophontis*. Воспоминанія Ксенофонта о Сократѣ. Объяснилъ *Я. Левенштейнъ*, инспекторъ Лазаревскаго института восточныхъ языковъ. Москва. 1891. Стр. 87+64. Цѣна 75 коп.»—рекомендовать въ качествѣ учебнаго пособія по греческому языку для гимназій.

— Книгу: «Начала алгебры. Учебное пособіе. Составилъ *П. М. Матковскій*, воспитатель Владимірскаго кадетскаго корпуса. Часть I. Кіевъ, 1890. Стр. IV+227. Цѣна 1 р. 50 коп.»—рекомендовать для основныхъ и ученическихъ библиотекъ средних учебных заведеній, мужскихъ и женскихъ.

— Книгу: «Натуральная таблица для возвышенія въ степень (2-ю и 3-ю) и для извлеченія корня (квадр. и кубич.). Составилъ *М. Гринбергъ*, преподаватель Могилевской губернской гимназіи. Могилевъ на Днѣпрѣ. 1890. Стр. XXIX+68. Цѣна 50 коп.»—одобрить для ученическихъ библиотекъ, для средняго и старшаго возрастовъ, средних учебных заведеній Министерства Народнаго Просвѣщенія.

— Книгу: «*А. Вороневскій*. Иллюстрированная учебная географическая хрестоматія. Часть третья. Европа. Спб. 1890. Стр. 190. Цѣна 1 р. 60 коп.»—одобрить для ученическихъ библиотекъ средних учебных заведеній, для младшаго и средняго возраста.

— Книги: 1) «Русско-Славянскій календарь на 1890 годъ. Изданіе С.-Петербургскаго славянскаго благотворительнаго общества. Петроградъ. 1890. Въ 4-ю д. л., стр. VI+176» и 2) «Славянскій календарь на 1891 годъ. Изданіе того-же общества. Петроградъ. 1891. Въ 4-ю д. л., стр. VI+168»—одобрить для приобрѣтенія въ фундаментальныя библиотеки среднихъ, а равно и въ библиотеки низшихъ учебных заведеній.

— Книгу: «*Histoire de Charles XII, Roi de Suède, par Voltaire*. Edition érudite. Съ примѣчаніями историческими и грамматическими издалъ *А. Алексеевъ*, преподаватель Царицынской Александровской гимназіи. Выпускъ четвертый. Спб. 1891. Въ 16-ю д. л., стр. 172. Цѣна 40 коп.»—

одобрить какъ учебное пособіе при преподаваніи французскаго языка въ среднихъ классахъ (V и VI) всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеній Министерства, мужскихъ и женскихъ.

— Книгу: «Историческая хрестоматія новаго періода русской словесности (отъ Петра Великаго до нашего времени). Въ двухъ томахъ: т. I отъ Петра I до Карамзина, стр. IV+457,—т. II (отъ Карамзина до Пушкина), стр. IV+481. Соч. А. Д. Галахова. Изданіе 6-е. Спб. 1891»—рекомендовать какъ учебное пособіе для среднихъ учебныхъ заведеній Министерства Народнаго Просвѣщенія: гимназій, мужскихъ и женскихъ, реальныхъ училищъ и учительскихъ институтовъ.

— Книгу: «*П. Н. Елашинъ*. Практическое птицеводство. Содержаніе и разведеніе птицъ въ русскихъ хозяйствахъ. Спб. 1891. Въ 8-ку; VI и 310 страницъ; съ 80 рисунками птицъ и принадлежностей птицеводнаго хозяйства и съ чертежами птичниковъ»—одобрить для учительскихъ библиотекъ реальныхъ, городскихъ и сельскихъ двухклассныхъ училищъ.

— Книгу: «*Н. Н. Кривенко*. Бесѣды о лошади. Краткія общедоступныя свѣдѣнія о содержаніи лошадей для крестьянъ, сельскихъ хозяевъ и коневодовъ вообще. Спб. 1890. Въ 8-ку, 100 страницъ, съ 6 таб. рисунковъ»—допустить для учительскихъ и ученическихъ библиотекъ городскихъ и сельскихъ двухклассныхъ училищъ, а также для библиотекъ начальныхъ народныхъ училищъ.

— «Книгу: Краткій учебникъ огородничества, размноженія растений и плодоводства, особенно для юга Россіи. *Э. К. Клаусена*. Часть I: Огородничество. Спб. 1891. Въ 8-ку, 57 страницъ. Часть II: Размноженіе растений естественнымъ и искусственнымъ путемъ. Спб. Въ 8-ку, 67 страницъ, съ 36 рисунками въ текстѣ»—одобрить для библиотекъ городскихъ и сельскихъ двухклассныхъ училищъ, а также для библиотекъ начальныхъ народныхъ училищъ, особенно-же двухклассныхъ сельскихъ училищъ, находящихся въ районахъ Одесскаго и Кавказскаго учебныхъ округовъ.

— Книгу инженера-технолога *Л. А. Боровича*. «Работа паровой машины, ея зависимость и опредѣленіе. Элементарное руководство къ теоріи паровыхъ машинъ для лицъ, незнакомыхъ съ высшей математикой. Брянскъ. 1890»—допустить къ употребленію въ промышленныхъ училищахъ въ видѣ учебнаго пособія.

— Книгу: «Жизнь и труды М. П. Погодина. *Николая Барсукова*. Книга четвертая. Спб. 1891. Страницъ VIII+145. Цѣна 2 руб. 50 коп.»—рекомендовать для фундаментальныхъ и ученическихъ (для старшаго класса) библиотекъ гимназій и реальныхъ училищъ.

— Книги: «1) Классная историческая хрестоматія съ толкованіями. Отъ Петра Великаго до новѣйшаго времени. Составилъ *П. Полевой*. Изданіе 2-е. Спб. 1891. Стр. 288+22+VII. Цѣна 75 коп.—2) Библиотека школьныхъ классиковъ. *П. Н. Полеваго*. Школьный Шекспиръ. Изданіе 2-е. Съ рисунками и портретомъ Вилліама Шекспира. Спб. 1891. Стр. LXXVIII+177. Цѣна 1 руб.»—допустить къ употребленію: первую какъ учебное пособіе, а вторую въ ученическія библиотеки для высшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній.

— Книгу: «Этимологія русскаго языка для среднихъ учебныхъ за-

веденій. Составилъ *Николай Шнигелъ*, преподаватель Ревельской губернской гимназій. Ревель. 1890. Стран. 182»—одобрить для фундаментальныхъ и ученическихъ (всѣхъ возрастовъ) библиотекъ учебныхъ заведеній Дерптскаго учебнаго округа и вообще учебныхъ заведеній Россіи, въ которыхъ скопляется значительное число учащихся изъ нѣмцевъ.

— Книги: 1) «Латинская этимологія. Составилъ *Г. Пертесъ*. Обработали *Г. Данненбергъ* и *В. Лихтаровичъ*. Рига. 1890»—2) «Латинскія упражненія для младшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній. Составилъ *Г. Пертесъ*. Приспособили *Данненбергъ* и *Лихтаровичъ*. Ч. I и II. Рига. 1890».—3) «*Г. Пертесъ*. Словарь съ этимологическими объясненіями къ латинскимъ упражненіямъ. Обработали *Данненбергъ* и *Лихтаровичъ*. Части I и II. Рига. 1890»—допустить въ качествѣ учебныхъ руководствъ для младшихъ классовъ гимназій и прогимназій Министерства Народнаго Просвѣщенія.

— Изданіе: «Исторія государства Россійскаго въ изображеніяхъ державныхъ ея правителей, съ краткимъ пояснительнымъ текстомъ. Рисунки профессора исторической живописи Императорской академіи художествъ *В. П. Верещагина*. Спб. 1890. Цѣна 6 руб. (для учебныхъ заведеній понижена на 30%, безъ пересылки)»—рекомендовать для пріобрѣтенія въ фундаментальныя и ученическія библиотеки среднихъ учебныхъ заведеній, мужскихъ и женскихъ, а также и для выдачи въ награду за успѣхи воспитанникамъ.

— Книгу: «Учебникъ минералогіи. Часть описательная (физиологія минераловъ). Съ 690 политажами въ текстѣ. Адъюнкта горнаго инженера *Г. Лебедева*. Спб. 1891. Страницъ отъ 321 до 645. Цѣна 2 руб. 50 коп.»—рекомендовать для пріобрѣтенія въ фундаментальныя библиотеки среднихъ учебныхъ заведеній Министерства Народнаго Просвѣщенія.

— Книги: 1) «Греческая этимологія по *Кэи*. Составилъ *И. Страховъ*, преподаватель лицея Цесаревича Николая. Изданіе 2-е. Москва. 1889. Страницъ 148. Цѣна 75 коп.»—2) Краткій синтаксисъ греческаго языка. Составилъ *И. Страховъ*, преподаватель лицея Цесаревича Николая. Москва. 1888. Цѣна 50 коп., страницъ 76»—одобрить какъ руководства по греческому языку для гимназій и прогимназій Министерства Народнаго Просвѣщенія.

— Книгу: «*Ἀνάβασις Ἐνεργῶντος*. Походъ Кира Младшаго. Сочиненіе *Ксенофонта*. Объяснилъ *Я. Левенштейнъ*, инспекторъ Лазаревскаго института восточныхъ языковъ. Изданіе 2-е, вновь обработанное и исправленное. Съ картою Малой Азіи. Москва. 1891. Страницъ VIII+126. Цѣна 1 руб. 20 коп.»—одобрить въ качествѣ учебнаго пособия по греческому языку въ гимназіяхъ Министерства Народнаго Просвѣщенія.

— Книгу: «Теоретическій и практический курсъ ариметики. Учебникъ для среднихъ учебныхъ заведеній, городскихъ и уѣздныхъ училищъ. Составилъ *Ө. В. Гедде*. Спб. 1891. Часть I: Числа цѣлыя и дроби, страницъ 160. Цѣна 50 коп.—Часть II: Отношенія, пропорціи, тройныя правила, страницъ 104. Цѣна 50 коп.»—допустить какъ учебное пособие при преподаваніи ариметики въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ.

— Брошюру: «Методы рѣшенія арифметическихъ задачъ, съ историческими примѣненіями и подробнымъ рѣшеніемъ типическихъ задачъ.

Составилъ *Р. Киричинскій*, преподаватель Бѣльской гимназіи. Ревель. 1890. Страницъ 38»—одобрить какъ учебное пособіе при прохожденіи ариеметики въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ Министерства Народнаго Просвѣщенія.

— Брошюры: 1) «Дѣленіе всѣхъ угловъ отъ 0 до 180° на три равныя части. Изобрѣтенное инженеръ-подполковникомъ *П. С. Нечошнымъ*. Симферополь. 1888», и 2) «Приложеніе къ дѣленію угловъ на три равныя части посредствомъ шаблона (углодѣлителя). *П. С. Нечошина*. Симферополь. 1890»—предложить вниманію преподавателей и допустить въ ученическія бібліотеки среднихъ учебныхъ заведеній.

— Брошюру: «*Н. Вальцовъ*. Образцы письменнаго рѣшенія задачъ по математикѣ на экзаменахъ зрѣлости, съ разнообразными указаціями относительно расположенія вычисленій и характера объясненій. Для старшихъ классовъ гимназій. Москва. 1890. Страницъ 24. Цѣна 20 коп.»—допустить въ качествѣ учебнаго пособія при прохожденіи ариеметики въ VIII классѣ гимназій.

— Книги: «*Richard Kalnin*, Lehrer an der St. Annen-Schule zu St.-Petersburg:

1. Methodisch geordnete Aufgaben für das Kopf und Tafelrechnen, Einleitung (für Unterrichtende) und ausführliche Behandlung der vier Species in Zahlenraume von 1 bis 10. S. VII+54. Preis 30 kop.

2. Methodisch geordnete arithm. Aufgaben für das Tafelrechnen. Erstes Heft (Kursus der B. Klasse). S. VI+26, Preis 25 kop.—Zweites Heft (Kursus der ersten Klasse). S. 80. Preis 35 kop.—Viertes Heft (Kursus der dritten Klasse). S. 86—XXVIII. Preis 60 kop.

3. Die wichtigsten arithmetischen Regeln nebst Musterbeispielen. S. 80. Preis 60 kop. St.-Petersburg. 1890»—одобрить какъ весьма полезныя учебныя пособія при прохожденіи ариеметики въ тѣхъ учебныхъ заведеніяхъ, въ которыхъ преподаваніе ведется на нѣмецкомъ языкѣ.

— Книгу: «*Николай Михайловичъ Пржевальскій*. Біографическій очеркъ. Составилъ *Н. Ѳ. Дубровинъ*. Съ 4 портретами Н. М., 3 автографами, 2 фототипіями и отчетною картою четырехъ его путешествій. Спб. 1890. Страницъ II+602+411. Цѣна 5 руб.»—рекомендовать для фундаментальныхъ и ученическихъ, высшихъ классовъ, бібліотекъ среднихъ учебныхъ заведеній.

Опредѣленія особаго отдѣла ученаго комитета Министерства Народнаго Просвѣщенія *).

Опредѣленіями особаго отдѣла ученаго комитета Министерства Народнаго Просвѣщенія, утвержденныхъ г. Товарищемъ Министра, постановлено:

— Издаваемый въ С.-Петербургѣ ежемѣсячный иллюстрированный журналъ для дѣтей младшаго возраста «Игрушечка» за 1890 годъ (цѣна 3 руб. съ пересылкою)—допустить въ ученическія бібліотеки младшаго возраста среднихъ учебныхъ заведеній.

*) Ж. М. Н. Пр. июнь 1891 г.

— Книгу: «Крутиковъ. Разказъ *А. Г. Коваленской*. Изданіе С.-Петербургскаго комитета грамотности. Изд. 4-е. Спб. 1890. Цѣна 10 коп.»—допустить въ учебныя бібліотеки народныхъ училищъ и для публичныхъ народныхъ чтеній, съ тѣмъ, чтобы при слѣдующемъ изданіи разказъ этотъ былъ тщательно пересмотрѣнъ и исправленъ со стороны изложенія.

— Книгу: «Лошадь въ крестьянскомъ хозяйствѣ. Москва. 1890. Въ 12-ю д. л., 107 стр. Цѣна не обозначена»—одобрить для учительскихъ бібліотекъ народныхъ училищъ.

— Изданныя Вятскою губернской земскою управою брошюры: 1) «Необходимость свѣдѣній о томъ, какъ предохранять жизнь и здоровье домашнихъ животныхъ. Составилъ *В. Пинегинъ*. Вятка. 1889» и 2) «О чумѣ рогатаго скота. Составили ветеринарные врачи Вятскаго губернскаго земства *П. Мошлевскій* и *И. Братчиковъ*. Вятка. 1889»—одобрить для учительскихъ бібліотекъ народныхъ училищъ.

— Книгу: «Вредныя насѣкомыя и мѣры для борьбы съ ними. Руководство для сельскихъ хозяевъ, народныхъ учителей и учительскихъ семинарій. Составилъ *К. Л. Брамсонъ*. Часть 1-я. Насѣкомыя, вредныя для большей части культурныхъ растений, для полеводства, луговодства и огородничества. Съ 2-мя таблицами рисунковъ. Екатеринославъ. 1881. Въ 8-ю д. л., 176 стр. Цѣна 1 руб.»—одобрить для учительскихъ бібліотекъ низшихъ училищъ.

— Составленныя *Ав. Ѳ. Соколовымъ* книги: 1) «Церковно-славянская азбука и первая книга для церковно-славянскаго чтенія. Спб. 1890. Въ 8-ку, 87 стр. Цѣна 25 коп.» и 2) «Методика начальнаго обученія церковно-славянскому языку. Спб. 1890. Въ 8-ку, 45 стр. Цѣна 25 коп.»—одобрить первую для употребленія въ народныхъ училищахъ, а вторую для учительскихъ бібліотекъ тѣхъ-же училищъ.

— Книгу: «Краткая грамматика новаго церковно-славянскаго языка, съ приложеніемъ образцовъ изъ св. писанія Богослужебныхъ книгъ. Для городскихъ и сельскихъ училищъ. Составилъ *А. Преображенскій*. Изд. 2-е. Москва. 1890. Въ 8-ку, 83 стр. Цѣна 30 коп.»—допустить къ употребленію въ низшихъ училищахъ, съ тѣмъ, чтобы въ слѣдующемъ изданіи были сдѣланы указанныя ученымъ комитетомъ исправленія.

— Книгу: «Элементарный курсъ грамматки для городскихъ и сельскихъ начальныхъ училищъ. Составилъ *П. Козыревъ*. Москва. 1890. Въ 16-ю д. л., 139 стр. Цѣна 15 коп.»—допустить къ употребленію въ низшихъ училищахъ, съ тѣмъ, чтобы при слѣдующемъ изданіи книга эта была исправлена согласно указаніямъ ученаго комитета.

— Составленныя *Н. Я. Некрасовымъ* книги: 1) «Сборникъ ариметическихъ примѣровъ и задачъ. Выпускъ 1. Примѣры и задачи на числа любой величины. Спб. 1890. Въ 8-ку, 32 стр. Цѣна 10 коп.» и 2) «То-же. Выпускъ 2. Задачи и примѣры на числа любой величины. Спб. 1890. Въ 8-ку, 50 стр. Цѣна 15 коп.»—допустить къ употребленію въ начальныхъ училищахъ въ качествѣ учебнаго пособія.

— Книги: 1) «Земля-кормилица. Сборникъ пѣсенъ, стиховъ, пословицъ и загадокъ. Составилъ *И. Горбуновъ-Посадовъ*. № 93. Москва. 1890. Въ 16-ю д. л., 135 стр.», 2) «Три смерти. Разказъ *Льва Тол-*

стаго. № 100. Москва. 1890. Въ 16-ю д. л., 35 стр.» и 3) «Перепелка. Разсказъ *И. С. Тургенева*. № 102. Москва. 1890. Въ 16-ю д. л., 16 стр.» (Цѣны не обозначены)—допустить въ ученическія бібліотеки народныхъ училищъ.

— Книги: 1) «Басни *И. А. Крылова*. Съ біографіею автора, написанною *П. А. Плетневымъ*. 25-е полное изданіе. Съ рисунками *И. С. Панова*. Спб. 1891. Въ 8-ку, XXIV+303 стр.» и 2) «Басни *И. А. Крылова*. 26-е полное изданіе. Спб. 1891. Въ 12-ю д. л., 253 стр.»—допустить въ ученическія бібліотеки среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній.

— Изданный С.-Петербургскимъ Фребелевскимъ Обществомъ разсказъ для дѣтей младшаго возраста «Макаръ. *Клавдій Лукашевичъ*. Спб. 1889. Въ 8-ку, 34 страницы, съ рисунками. Цѣна 50 коп.»—одобритъ для ученическихъ бібліотекъ среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній.

— Изданные С.-Петербургскимъ Фребелевскимъ Обществомъ иллюстрированные разсказы для дѣтей младшаго возраста: 1) «Веселая зима. *О. Т. Сергѣевской*. Спб. 1888. Въ 8-ку, 38 страницъ. Цѣна 50 коп.» 2) «Бѣлячекъ. *А. М. Сливщикова*. Спб. 1886. Въ 8-ку, 47 страницъ. Цѣна 50 коп.» и 3) «Лиса Патрикѣевна. *А. М. Сливщикова*. Спб. 1889. Изд. 2-е. Въ 8-ку, 31 страница. Цѣна 50 к.»—допустить въ ученическія бібліотеки среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній.

— Книгу: «Новая азбука. Графа *Л. Н. Толстого*. Изданія 15-е и 16-е. Москва. 1889 и 1890. Въ 8-ку, 95 страницъ. Цѣна 20 коп.»—допустить къ употребленію въ народныхъ училищахъ съ тѣмъ, чтобы при слѣдующемъ изданіи она была пересмотрѣна и исправлена.

Приказы по военно-учебнымъ заведеніямъ *).

4 мая 1891 года. № 27. Послѣ перваго-же извѣстія изъ Японіи о томъ, что Рука Всевышняго охранила драгоцѣнную жизнь Государя Наслѣдника отъ страшной опасности, во всѣхъ столичныхъ военно-учебныхъ заведеніяхъ и въ Главномъ ихъ Управленіи совершены были благодарственныя молебствія. Вслѣдъ затѣмъ и отъ подвѣдомственныхъ мѣъ провинціальныхъ заведеній стали поступать телеграммы съ выраженіемъ одушевляющаго всѣхъ воспитанниковъ и служащихъ чувства живѣйшей радости о спасеніи Цесаревича.

Волею Монарха поставленный во главѣ военно-учебнаго вѣдомства, я счелъ отраднѣйшимъ долгомъ своимъ повергнуть на благовозрѣніе Государыни Императрицы единодушныя проявленія такого чувства—всеподданнѣйшимъ донесеніемъ слѣдующаго содержанія:

«Ея Императорскому Величеству».

«Въ настоящую минуту, когда всѣ рускія сердца переполнены тревожнымъ опасеніемъ и усердною молитвой за Государя Наслѣдника, питомцы военно-учебныхъ заведеній держатъ повергнуть къ стопамъ Вашимъ, Всемилостивѣйшая Государыня, выраженіе одушевляющихъ cadaго изъ

*) Педаг. сборникъ, іюнь 1891 г. Часть официальная.

них благоговѣйныхъ чувствъ. Вѣруя въ святое обѣтованіе Спасителя: *«Просите и получите, чтобы радость ваша была совершенна»*, всѣ воспитанники и наставники этихъ заведеній единоподно возсылаютъ горячія мольбы о спасеніи Царственного Сына Вашего Величества и твердо уповаютъ, что Милость Божія, столь явно благодѣющая Россіи, охранитъ Цесаревича на всѣхъ путяхъ Его».

Сегодня Ея Величеству благоугодно было осчастливить меня и вѣренныя мнѣ заведенія нижеслѣдующими милостивыми словами отвѣтной депеши:

«Генераль-лейтенанту Махотину».

«Отъ всей души благодарю васъ и всѣ военно-учебныя заведенія за чувства и пожеланія, выраженные въ телеграммѣ. Извѣстія, полученные отъ сына, благодаря Бога, хороши».

«МАРІЯ».

Не отлагая ни минуты, спѣшу объявить по вѣренному мнѣ вѣдомству о таковой Монаршей къ намъ милости и радостномъ для всѣхъ русскихъ извѣстїи.

Вмѣстѣ съ тѣмъ предписываю начальникамъ Петербургскихъ и Московскихъ военно-учебныхъ заведеній прочесть этотъ приказъ воспитанникамъ и чинамъ каждаго изъ нихъ въ наступающій-же день рожденія Государя Наслѣдника Цесаревича, послѣ литургїи и благодарственного молебствїя; во всѣхъ прочихъ военно-учебныхъ заведенїяхъ настоящій приказъ долженъ быть прочтенъ, въ присутствїи воспитывающихся и служащихъ, тотчасъ по полученїи печатныхъ его экземпляровъ.

30 апрѣля 1891 г. № 25. По примѣру прошлаго года, при Главномъ Управленїи военно-учебныхъ заведеній, въ періодъ времени съ 1 іюня по 20 августа, будутъ открыты временные курсы для изученїя: а) теорїи физическихъ упражненій, б) гимнастики съ подвижными играми, в) фехтованія, г) плаванія и д) ручного труда, съ цѣлью подготовленія офицеровъ-воспитателей кадетскихъ корпусовъ для руководительства различными отраслями физическаго образованія.

Для занятій на этихъ курсахъ предписываю директорамъ кадетскихъ корпусовъ, за исключенїемъ 3 Московскаго и Финляндскаго, командировать въ Петербургъ къ 1-му іюня текущаго года по одному офицеру-воспитателю, изъ числа не участвовавшихъ на сихъ курсахъ въ прошломъ году *въ качествѣ обязательныхъ слушателей*.

Командированные офицеры-воспитатели, за время съ 1-го іюня по 20-е августа, будутъ пользоваться суточными деньгами въ размѣрѣ 2-хъ рублей въ день и квартирными деньгами изъ оклада по положенію для офицеровъ-воспитателей. На проѣздъ до Петербурга и обратно имъ должны быть выданы: для слѣдованія по обыкновеннымъ дорогамъ—прогонныя деньги, а для проѣзда по желѣзнымъ дорогамъ и водянымъ сообщенїямъ—предложенїя. Слѣдующимъ по предложенїямъ, кромѣ того, выданы будутъ суточные деньги по положенію.

Вмѣстѣ съ симъ, по возможности, не возбраняемо будетъ и добровольное участіе на курсахъ лицъ воспитательнаго и учебнаго состава ка-

детскихъ корпусовъ, но безъ производства въ этомъ случаѣ какихъ-либо денежныхъ отпусковъ. При этомъ офицерамъ-воспитателямъ, занимавшимся на курсахъ въ прошломъ году, предоставлено будетъ принять участіе во всѣхъ занятіяхъ; допущеніе-же прочихъ добровольныхъ участниковъ къ занятіямъ ручнымъ трудомъ, а также отчасти фехтованіемъ и плаваніемъ, будетъ находиться въ зависимости отъ количества имѣющихся пособій, отъ размѣра помѣщений и отъ времени, какое можно будетъ удѣлить для нихъ, сверхъ часовъ, опредѣленныхъ для лицъ, прибывшихъ на курсы по назначенію.

Ближайшія заботы по организациі курсовъ, равно какъ и завѣдываніе курсами, по ихъ открытіи, возлагаю на состоящаго при Главномъ Управленіи военно-учебныхъ заведеній полковника Бутовскаго.

Циркуляры по военно-учебнымъ заведеніямъ *).

9-го мая 1891 г. № 20. Временное управленіе казенныхъ желѣзныхъ дорогъ, принимая во вниманіе, что въ мѣстныя управленія сихъ дорогъ поступаютъ ходатайства воспитанниковъ различныхъ учебныхъ заведеній о выдачѣ билетовъ на проѣздъ по казеннымъ желѣзнымъ дорогамъ по пониженному тарифу, съ разрѣшенія Министра Путей Сообщенія, признало цѣлесообразнымъ выработать нижеслѣдующіе, имѣющие быть опубликованными въ одномъ изъ ближайшихъ №№ «Сборника Тарифовъ Россійскихъ желѣзныхъ дорогъ», тарифы на проѣздъ по казеннымъ желѣзнымъ дорогамъ учащихся и учащихся:

«Учащіе и учащіяся во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ—мужскихъ и женскихъ (въ университетахъ, академіяхъ, институтахъ, консерваторіяхъ, семинаріяхъ, гимназіяхъ, корпусахъ, мореходныхъ классахъ, а равно и школахъ: начальныхъ, городскихъ, сельскихъ, ремесленныхъ, техническихъ, сельскохозяйственныхъ и др.), при предъявленіи надлежащихъ удостовѣреній ихъ начальствъ, по всѣмъ казеннымъ желѣзнымъ дорогамъ перевозятся за 25⁰/₁₀₀ дѣйствительной стоимости пассажирскаго тарифа II и III классовъ».

Временное управленіе казенныхъ желѣзныхъ дорогъ, сообщая вышеизложенное Главному управленію, присовокупило, что 1) свидѣтельства на проѣздъ по пониженнымъ тарифамъ учащихся и учащихся могутъ быть выдаваемы не иначе, какъ по предъявленіи во Временное управленіе казенныхъ желѣзныхъ дорогъ или въ мѣстныя управленія сихъ дорогъ удостовѣренія отъ начальства подлежащаго учебнаго заведенія, при чемъ къ такому удостовѣренію должна быть приложена печать заведенія, и 2) по полученіи свидѣтельствъ на льготный проѣздъ, таковыя должны быть обмѣниваемы, при отправленіи, въ станціонныхъ кассахъ уже на самые билеты.

О вышеизложенномъ объявляется по военно-учебнымъ заведеніямъ для свѣдѣнія и руководства.

*) Педаг. сборникъ, май и іюнь 1891 г. Часть официальная.

14-го марта 1891 г. № 14. Главный начальник военно-учебных заведений разрешил допустить въ число сборниковъ и хрестоматій, которыми можно пользоваться при преподаваніи французскаго языка въ старшихъ классахъ кадетскихъ корпусовъ, изданное штатнымъ преподавателемъ Михайловскаго-Воронежскаго кадетскаго корпуса статскимъ совѣтникомъ Герстомъ сочиненіе Вольтера «La bataille de Poltava et la captivité de Charles XII en Turquie».

Цѣна означенной книги 30 коп.; главный складъ у автора: Воронежъ, Садовая улица, № 1.

Циркулярное предложеніе г. и. д. главноуправляющаго Собственною Его Императорскаго Величества канцеляріею по учрежденіямъ Императрицы Маріи мѣстнымъ начальствамъ заведеній сего вѣдомства (24 января 1891 г., № 1.432).

Имѣю честь препроводить при семъ, для свѣдѣнія и руководства, копіи съ трехъ выписокъ изъ журнала общаго собранія опекунскаго совѣта учреждений Императрицы Маріи отъ 26 октября минувшаго года, по вопросамъ о порядкѣ исчисленія наградныхъ кредитовъ по смѣтамъ вѣдомства и о производствѣ пенсіонныхъ вычетовъ съ развѣздныхъ денегъ.

Выписка изъ журнала общаго собранія опекунскаго совѣта учреждений Императрицы Маріи отъ 26 октября 1890 г.

а) *Слушали:* Докладъ о порядкѣ исчисленія наградныхъ кредитовъ.

Положили: Имѣя въ виду, что въ настоящее время, при исчисленіи мѣстныхъ наградныхъ кредитовъ, принимаются во вниманіе только жалованье, содержаніе, столовыя (гдѣ таковыя положены взамѣнъ содержанія) и поурочная плата, и что если-бы наградной кредитъ исчислялся соответственно другимъ видамъ довольствія, то эти кредиты были-бы чрезмерно велики, опекунскій совѣтъ полагалъ необходимымъ соблюдать и на будущее время тѣ общія правила, которыя приняты уже нынѣ при исчисленіи наградныхъ кредитовъ, т.-е. исчислять мѣстные наградные кредиты изъ суммъ, положенныхъ по штатамъ на жалованье, содержаніе, столовыя (гдѣ таковыя положены вмѣсто содержанія) и на поурочную плату.

Посему опекунскій совѣтъ положилъ: исчислять по смѣтѣ вѣдомства учреждений Императрицы Маріи мѣстные наградные кредиты изъ суммъ, положенныхъ по штатамъ на жалованье, содержаніе, столовыя (гдѣ таковыя положены вмѣсто содержанія) и на поурочную плату, разъяснивъ при этомъ, что наградные кредиты, положенные по штатамъ нѣкоторыхъ заведеній безъ опредѣленнаго указанія, кому именно таковыя предназначаются, должны поступать въ награду исключительно лицамъ, получающимъ оклады менѣе 400 руб., а равно и прислугѣ.

б) *Слушали*: Докладъ о порядкѣ исчисления наградныхъ кредитовъ заведеній вѣдомства учрежденій Императрицы Маріи.

Положили: При разсмотрѣніи настоящей дѣла, опекунскій совѣтъ пришелъ къ тому заключенію, что изъ числа служащихъ въ заведеніяхъ вѣдомства, по своимъ обязанностямъ, должны быть отнесены къ начальствующимъ слѣдующія лица: въ столичныхъ и въ губернскихъ женскихъ институтахъ—начальницы, помощницы ихъ, инспектрисы, директора по хозяйственной части (въ двухъ Николаевскихъ сиротскихъ институтахъ), инспекторы классовъ, помощники ихъ (въ двухъ Николаевскихъ сиротскихъ институтахъ), члены совѣтовъ по учебной и хозяйственной частямъ (въ губернскихъ женскихъ институтахъ), главныя надзирательницы класса учительницъ французскаго языка при С.-Петербургскомъ Николаевскомъ сиротскомъ институтѣ и Александринскаго сиротскаго дома, старшія надзирательницы Николаевскихъ женскихъ училищъ (въ С.-Петербургѣ и Москвѣ), главныя воспитательницы малолѣтнихъ отдѣленій Николаевскихъ сиротскихъ институтовъ (въ С.-Петербургѣ и Москвѣ), въ женскихъ гимназіяхъ столичныхъ—начальники гимназій и помощникъ С.-Петербургскихъ и Царскосельской женскихъ гимназій, въ губернскихъ—начальники и главныя надзирательницы; въ мужскихъ учебныхъ заведеніяхъ—директоры, инспектрисы (въ училищѣ глухонѣмыхъ); въ Маринскихъ женскихъ училищахъ—завѣдывающіе училищами; въ воспитательныхъ заведеніяхъ—директоры, помощники директоровъ, начальники округовъ, завѣдывающіе учебною частію, главныя врачи; въ больницахъ и родовспомогательныхъ заведеніяхъ—директоры (главные доктора) и помощники ихъ; а посему положилъ: при опредѣленіи мѣстныхъ наградныхъ кредитовъ не принимать въ расчетъ оклады всѣхъ означенныхъ выше лицъ.

в) *Слушали*: Докладъ о производствѣ пенсіонныхъ вычетовъ съ развѣздныхъ денегъ и объ исчисленіи награднаго кредита на сіи деньги.

Положили: На основаніи Высочайшихъ повелѣній 30 января 1871 г. и 6 февраля 1888 г. 6% вычету подлежатъ все денежное довольствіе служащихъ, т.-е. всѣ суммы, на ихъ содержаніе отпускаемыя. Между тѣмъ, деньги на развѣзды, какъ присвоенныя по штатамъ нѣкоторымъ должностямъ, такъ и выдаваемые нѣкоторымъ служащимъ по отдѣльнымъ распоряженіямъ начальства, предназначены спеціально на покрытіе точно опредѣленныхъ издержекъ по развѣздамъ съ служебными цѣлями, и потому не могутъ считаться содержаніемъ служащихъ.

Въ виду сего и принимая во вниманіе, что на основаніи циркулярнаго предложенія главнаго управленія вѣдомствомъ отъ 28 марта 1875 г. за № 2.623 кредитъ на награды и пособія слѣдуетъ исчислять со всего количества содержанія служащихъ, опекунскій совѣтъ полагалъ, что наградный кредитъ не долженъ быть исчисляемъ съ развѣздныхъ денегъ, такъ какъ онъ не составляютъ содержанія и не должны по сему подлежать и вычету въ пенсіонныя средства. Въ виду сего общее собраніе опекунскаго совѣта, согласно съ мнѣніемъ Московскаго присутствія, изложеннымъ въ журналахъ отъ 20 апрѣля и 21 сентября текущаго года, положило: 1) не производить установленныхъ пенсіонныхъ вычетовъ съ положенныхъ по штатамъ и отдѣльнымъ распоряженіямъ развѣздныхъ денегъ, 2) при опредѣленіи мѣстныхъ наградныхъ кредитовъ не принимать

вовсе въ расчетъ разѣздныхъ денегъ, 3) вслѣдствіе принятаго опекупскимъ совѣтомъ способа ичисления кредитовъ на ежегодныя пособія и оклады лицъ духовнаго званія съ начисленіемъ вычетовъ, открывать кредиты на разѣздныя деньги также съ начисленіемъ вычетовъ и 4) въ виду того, что смѣты нѣкоторыхъ изъ заведеній вѣдомства учреждений Императрицы Маріи на 1891 г. уже рассмотрѣны, настоящее положеніе привести въ исполненіе съ 1892 г.

Объ измѣненіи сроковъ выдачи пенсій изъ главнаго казначейства.

Его Императорское Величество воспослѣдовавшее мнѣніе въ общемъ собраніи Государственнаго Совѣта, объ измѣненіи сроковъ выдачи пенсій изъ главнаго казначейства, Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

Подписаль: предѣдатель Государственнаго Совѣта *МИХАИЛЬ*.

4 марта 1891 г.

Мнѣніе Государственнаго Совѣта.

Выписано изъ журналовъ Соединенныхъ Департаментовъ Государственной Экономіи и Законовъ Января и общаго собранія 18 февраля 1891 года.

Государственный Совѣтъ, въ Соединенныхъ Департаментахъ Государственной Экономіи и Законовъ и въ общемъ собраніи, рассмотрѣвъ представленіе Министра Финансовъ объ измѣненіи сроковъ выдачи пенсій изъ главнаго казначейства, *мнѣніемъ положилъ*:

Примѣчаніе 1 къ ст. 231 устава о пенсіяхъ (свод. зак., т. III, по прод. 1890 г.) изложить слѣдующимъ образомъ:

«Выдача пенсій изъ главнаго казначейства производится въ слѣдующіе сроки: 1) пенсіи изъ окладовъ до 100 р. въ годъ—по третямъ года впередъ: пенсіи изъ окладовъ отъ 100 до 1.000 р.—помѣсячно, начиная съ 12 числа того мѣсяца, за который причитается пенсія, пенсіи же свыше 1.000 р.—съ перваго числа слѣдующаго мѣсяца; 2) въ февралѣ мѣсяцѣ пенсіи изъ годовыхъ окладовъ отъ 100 до 1.000 руб. выдаются двумя днями равнѣ установленныхъ сроковъ и 3) предъ праздниками Рождества Христова и Св. Пасхи пенсіи по всемъ окладамъ выдаются: а) за декабрь мѣсяцъ, начиная съ 1 числа мѣсяца, и б) когда праздникъ св. Пасхи бываетъ не позднѣе 10 апрѣля, пенсіи за мартъ выдаются съ 1 марта; когда же этотъ праздникъ наступаетъ позже 10 апрѣля, то пенсіи за мартъ выдаются въ общеустановленные сроки (п. 1), а пенсіи за апрѣль съ 1 числа этого мѣсяца. Дѣленіе на болѣе частныя разряды пенсіонеровъ, получающихъ пенсіи менѣе 1.000 руб. въ годъ, назначеніе для каждаго изъ сихъ разрядовъ опредѣленныхъ дней, съ которыхъ начинается выдача пенсій, и вообще принятіе въ вышеуказанныхъ предѣлахъ времени другихъ подсобныхъ мѣръ къ облегченію пенсіонеровъ и чиновъ главнаго казначейства предоставляется усмотрѣнію Министра Финансовъ».

Подлинное мнѣніе подписано въ журналахъ предѣдателями и членами.

(Собр. узак. и распор. пр. 1891 г., № 30, ст. 335).

Опредѣленія учебнаго комитета, состоящаго при Собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи по учрежденіямъ Императрицы Маріи *).

Опредѣленіемъ учебнаго комитета состоящаго при Собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи по учрежденіямъ Императрицы Маріи, утвержденнымъ господиномъ и. д. главноуправляющаго сею канцеляріею постановлено: рекомендовать для обязательнаго приобрѣтенія въ фундаментальныя библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній вѣдомства Императрицы Маріи:

1) *Теорію поэзіи въ историческомъ развитіи у древнихъ и новыхъ народовъ*. Составилъ адъюнктъ Московскаго университета *Стенанъ Шевревъ*. Изданіе 2-е. Спб. 1887 г. Цѣна 2 руб.

2) *Исторію поэзіи*. Того-же автора. Томъ I, изданіе 2-е. Спб. 1887 г. Цѣна 2 р.

3) *Исторію русской словесности*. Того-же автора. Части I и II, изданіе 3-е. Спб. 1887 г. Цѣна 3 руб. Части III и IV, изданіе 2-е. Спб. 1878 г. Ц. 3 руб.

*) Женское образованіе, мартъ 1891 г. Правит. распоряженія.

Начальное образованіе и народныя училища въ Западной Европѣ и въ Россіи.

VI.

Народныя училища въ Россіи въ XIX столѣтіи.

(Продолженіе).

Въ 1856 г. пишущій эти строки поступилъ (по окончаніи курса въ С.-Петербургскомъ университетѣ, по факультету восточныхъ языковъ) наставникомъ въ домъ свѣтлѣйшаго князя А. М. Горчакова, назначеннаго въ то время министромъ иностранныхъ дѣлъ. Время пребыванія моего въ этомъ домѣ (съ 15-го іюня 1856 г. по 15-е іюня 1859 г.) счастливымъ образомъ совпало съ тѣмъ временемъ, когда зачались у насъ всѣ великія реформы прошлаго царствованія, первымъ и величайшимъ актомъ котораго было освобожденіе крестьянъ отъ крѣпостной зависимости. Слѣдя, по мѣрѣ возможности, съ самаго начала за ходомъ реформъ, я заносилъ въ свой дневникъ все, что имѣло какое-либо отношеніе къ дѣлу народнаго образованія и что я имѣлъ возможность узнавать по этимъ и другимъ вопросамъ государственной жизни какъ отъ самого кн. Горчакова, такъ и отъ близко стоявшихъ къ дѣлу реформъ прошлаго царствованія лицъ, каковыми были Н. А. Милютинъ, кн. В. А. Черкасскій, Ю. О. Самаринъ, А. В. Головинъ. Благосклонное вниманіе и довѣріе ко мнѣ со стороны покойнаго кн. Горчакова давало мнѣ въ это время возможность представлять на его усмотрѣніе свои соображенія относительно различныхъ вопросовъ, касавшихся преимущественно вопросовъ народнаго образованія, а также, по порученію его, составлять записки по этимъ вопросамъ.

Такъ, напр., будучи пораженъ тѣмъ, что церковь въ дѣлѣ народнаго образованія оставалась совершенно въ сторонѣ, что тогда совершенно упускалось изъ виду то благотворное вліяніе, которое могли

и должны-бы имѣть сельскіе приходскіе священники на освобожденныхъ крестьянъ въ отношеніи религіозно-нравственнаго вліянія на крестьянъ послѣ освобожденія ихъ отъ крѣпостной зависимости, я нѣсколько разъ высказывалъ эти соображенія въ разговорахъ съ Н. А. Милютинымъ, Ю. О. Самаринимъ, кн. В. А. Черкасскимъ и А. В. Головинимъ (игравшимъ, какъ извѣстно, большую роль во всѣхъ зачинавшихся государственныхъ преобразованіяхъ). Они, соглашаясь со мною въ принципѣ, находили, однако, что прежде всего надо разсѣчь крѣпостной узелъ, что надлежащее улучшение скуднаго матеріальнаго положенія сельскаго духовенства и учрежденіе начальныхъ школъ при всѣхъ приходскихъ церквахъ потребовало-бы многихъ милліоновъ рублей, которыхъ не откуда взять, тѣмъ болѣе, что на выкупъ крестьянскихъ земельныхъ надѣловъ потребуется болѣе милліарда, и что, наконецъ, едва-ли наши сельскіе священники, при тогдашнихъ условіяхъ своего образованія, могутъ приобрѣсти религіозно-нравственное вліяніе на крестьянъ.

Въ 1857 году мнѣ довелось неофициальнымъ образомъ принять нѣкоторое участіе въ трудахъ въ комитетѣ по раскольниковымъ дѣламъ, учрежденномъ подъ предсѣдательствомъ митрополита Григорія, бывшаго архіепископа казанскаго. Князь Горчаковъ былъ назначенъ членомъ этого комитета, сообщилъ мнѣ программу его и просилъ собрать возможно скорѣе свѣдѣнія по исторіи нашего раскола и различныхъ другихъ сектъ, и о мѣрахъ, которыя принимались противъ нихъ. Я составилъ записку на основаніи сочиненій Григорія, «Исторія русскаго раскола» Макарія (1855), «Studien ueber Russland» Гакстгаузена и изслѣдованій Новицкаго о молоканахъ и духоборцахъ (Кіевъ, 1830) и въ заключеніе предложилъ слѣдующія двѣ главныя мѣры для прекращенія распространенія раскола и другихъ религіозныхъ сектъ въ народѣ: 1) предоставить старообрядцамъ, молоканамъ и духоборцамъ открыто отправлять свое богослуженіе и 2) улучшить положеніе православнаго приходскаго духовенства и учредить школы при всѣхъ приходскихъ церквахъ и монастыряхъ, дабы приходскіе священники могли наставлять народъ въ истинахъ православія и учить дѣтей въ приходскихъ школахъ Закону Божию съ объясненіемъ богослуженія истинной православной церкви, что, представляя самое вѣрное средство противъ распространенія раскола и другихъ религіозныхъ лжеученій, является еще крайне необходимымъ въ виду предстоящаго освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости. Высокопреосвященный Григорій пожелалъ познакомиться со мною и удостоилъ меня продолжительной бесѣды, въ которой выразилъ свое полное сочувствіе и одобреніе пред-

ложенной мною второй мѣрѣ, говорилъ, что и комитетъ признаетъ эту мѣру самую дѣйствительною, но что скорое осуществленіе ея едва ли возможно, по неимѣнію денежныхъ средствъ.

Почти въ то-же время князь Горчаковъ передалъ мнѣ сообщенную ему, какъ и другимъ министрамъ и главноуправляющимъ, копію со всеподданиѣйшаго доклада Министра Народнаго Просвѣщенія «по нѣкоторымъ вопросамъ относительно народнаго образованія». Въ этомъ докладѣ, состоящемъ изъ семи пунктовъ, были изложены нѣкоторыя соображенія о возстановленіи классическаго учебнаго курса уваровскихъ гимназій 1828 года, измененнаго въ 1850 году, съ сохраненіемъ въ немъ и реальныхъ наукъ, «насколько нужно для жизни»; объ учрежденіи особыхъ спеціальныхъ или промышленныхъ реальныхъ училищъ и среднихъ женскихъ учебныхъ заведеній, открытыхъ для всѣхъ сословій и, въ п. 7, впервые въ официальномъ актѣ, было сказано слѣдующее объ общегосударственномъ значеніи *общаго образованія*, которое должно предшествовать всякому спеціальному образованію и должно подлежать вѣдѣнію Министерства Народнаго Просвѣщенія: «движимое высокими государственными соображеніями, правительство наше всегда заботилось о сосредоточеніи разнородныхъ стихій и частей государства въ одинъ плотный, крѣпкій составъ, въ которомъ должны слиться многія рѣзкія оттягивающія разности нравственныхъ и общественныхъ убѣжденій и интересовъ, всѣ мѣстные провинціальныя патріотизмы и влеченія. Этой великой цѣли невозможно достигнуть иначе, какъ постепенно, и притомъ *мырами не административными, а нравственными, сближая умы, племена и сословія единствомъ внутреннихъ началъ, которыя зависятъ отъ одного общаго плана воспитанія и отъ одной системы управленія въ сферѣ народнаго образованія*. Къ сожалѣнію, должно сказать, что этому великому, всеобъемлющему и необходимому единству препятствуютъ многообразныя раздробленія и отчужденія другъ отъ друга нашихъ воспитательныхъ учреждений, подчиненіе ихъ разнымъ вѣдомствамъ. Почти каждое изъ министерствъ имѣетъ въ кругу своемъ учебныя заведенія на особыхъ основаніяхъ, руководствующіяся правилами, несоображенными съ духомъ и постановленіями общаго воспитанія и образованія въ Имперіи, коего органомъ предназначено быть Министерству Народнаго Просвѣщенія. Поводомъ къ этому разъединенію духовныхъ силъ народа въ важнѣйшомъ дѣлѣ, какое только можетъ занимать правительство,—въ общемъ воспитаніи и образованіи, полагается обыкновенно потребность каждаго вѣдомства въ спеціальныхъ дѣятеляхъ. Убѣжденный въ глубинѣ души моею сознаниемъ необхо-

димости общаго плана воспитанія для государства, опираясь на очевидныхъ свидѣтельствахъ опыта, подтверждающихъ эту вѣковѣчную истину всѣхъ образованныхъ странъ въ мірѣ, осмѣливаюсь сказать, что достиженіе специализма путемъ разбѣдиненія и общихъ воспитательныхъ учреждений есть мѣра, несогласная съ истинными началами государственной пользы и даже несоотвѣтствующая видамъ и цѣли, для которой принимается. *Всякое специальное образованіе утверждается на общемъ, которое, предшествуя ему, развиваетъ умственные силы учащихся и приготавливаетъ ихъ къ послѣдующему разумному усвоенію тѣхъ особенныхъ знаній и направленія, какія должны составлять специальный кругъ ихъ занятій и какія согласны съ ихъ способностями и внутреннимъ призваніемъ.* Это общее образованіе есть не иное, какъ то, которое правительство считаетъ *единымъ для всѣхъ по духу, и началамъ, съ соотвѣтственными степенями, которое оно признало народнымъ—именно общее начальное народное и общее-же среднее гимназическое образованіе.* Съ другой стороны признано за неоспоримую педагогическую истину, что *ничего нѣтъ вреднѣе, какъ смѣшивать въ одномъ и томъ-же заведеніи общее образованіе съ специальнымъ;* они обыкновенно взаимно подрываютъ другъ друга, мѣшаютъ сосредоточенію особыхъ умственныхъ силъ учащихся и приучаютъ ихъ къ разсѣянію и къ поверхностному усвоенію какъ общихъ, такъ и специальныхъ знаній. При изъясненіи неудобствъ, отъ нарушенія единства общаго образованія происходящихъ, нельзя умолчать о цѣлыхъ обширныхъ частяхъ Россійской Имперіи, гдѣ воспитаніе и умственное развитіе изъяты отъ вѣдѣнія и вліянія той правительственной силы, которая по своему назначенію обязана нецѣлью болѣе всего *о гармоніи и единствѣ началъ* въ высокому дѣлѣ общаго, всенароднаго воспитанія и образованія. *Я разумью Царство Польское и Закавказскій край»* *).

Я написалъ по этому докладу довольно обширную пояснительную записку, въ которой, въ подтвержденіе справедливости высказаннаго въ докладѣ мнѣнія о значеніи общаго образованія, привелъ устройство училищныхъ системъ въ Пруссіи, Австріи, Швейцаріи и Франціи, рассмотрѣлъ смѣшанное общеобразовательное и специальное учебное устройство тогдашнихъ нашихъ институтовъ: инженеровъ путей сообщенія, горнаго, технологическаго, лѣснаго и др. и изложилъ свои

*) Этотъ замѣчательный восподданнѣйшій докладъ А. С. Норова не былъ обнародованъ и напечатанъ только въ дополнительномъ томѣ къ первымъ четыремъ томамъ сборника постанов. по Министерству Народнаго Просвѣщенія (1803—1864), изданномъ въ 1867 году.

соображенія о преобразованіи этихъ закрытыхъ учебно-воспитательныхъ заведеній въ высшія исключительно спеціальныя училища, въ которыя могли-бы поступать молодые люди, окончившіе успѣшно курсы гимназій или другихъ соотвѣтствующихъ среднихъ учебныхъ заведеній. Князь Горчаковъ передалъ эту записку подлежащимъ министрамъ и, вѣроятно, вслѣдствіе сего я получилъ приглашеніе принять участіе, въ качествѣ эксперта, въ преобразованіи нашихъ спеціальныхъ училищъ, начавшемся въ томъ-же 1857 году. Въ слѣдующемъ году я получилъ отъ А. В. Головина «соображенія о преобразованіи морскихъ учебныхъ заведеній» въ рукописи и рукописный экземпляръ «проекта положенія о женскихъ училищахъ вѣдомства Министерства Народнаго Просвѣщенія» *), съ просьбою «откровенно высказать мнѣніе о нихъ». Такимъ образомъ, я сдѣлался экспертомъ-педагогомъ и началъ усердно изучать исторію училищъ въ западно-европейскихъ государствахъ и въ Россіи, причемъ особенно занимали меня *народныя училища*, которыхъ тогда у насъ почти не было и которыя, по моему убѣжденію, съ освобожденіемъ крестьянъ, должны были получить быстрое распространеніе и сдѣлаться общимъ основаніемъ русской училищной системы. Въ 1859 году я написалъ первую статью для печати «Мысли о необходимости народной системы образованія и о предварительныхъ для того занятіяхъ», которую А. В. Головинъ предложилъ напечатать въ «Морскомъ Сборникѣ», гдѣ была напечатана въ 1857 году извѣстная статья Н. И. Пирогова «Вопросы жизни», доказывавшая необходимость воспитывать и образовывать хорошихъ людей, а не чиновниковъ, инженеровъ, купцовъ и т. п., но я предпочелъ напечатать свою статью въ неофициальномъ педагогическомъ журналѣ, и она появилась въ октябрьской книжкѣ «Журнала для воспитанія», при чемъ я познакомился съ Г. И. Паульсономъ, съ которымъ мы тогда-же предположили издавать педагогическій журналъ спеціально для начальнаго воспитанія и обученія и для народныхъ училищъ. Въ концѣ того-же года было положено основаніе «педагогическому обществу», въ формѣ разрѣшенныхъ министромъ, по ходатайству бывшаго въ то время попечителемъ учебнаго округа И. Д. Деянова, частныхъ собраній педагоговъ во 2-й гимназій, учредителями которыхъ были: П. Г. Рѣдкинъ (предсѣдатель), А. С. Воронцовъ (вице-предсѣдатель), И. Б. Штейнманъ, К. И. Май, А. Я. Любиль (члены), Г. И. Паульсонъ и я (секретари). Въ началѣ 1860

*) Этотъ проектъ былъ Высочайше утвержденъ 30 мая 1858 года. Сборн. пост. по Мин. Нар. Пров., т. III.

года нашему собранію было предложено, частнымъ образомъ, разсмотрѣть «проектъ общеобразовательныхъ учебныхъ заведеній», составленный въ ученомъ комитетѣ главнаго правленія училищъ. Высказанныя мною замѣчанія, принятыя собраніемъ, касались главнымъ образомъ проектированнаго устройства системы начальныхъ училищъ. Этотъ проектъ, какъ увидимъ ниже, не осуществился. Съ января 1861 года началъ издаваться журналъ «Учитель», подъ редакціею Г. И. Паульсона и моею, въ которомъ я писалъ, главнымъ образомъ, передовыя статьи о народныхъ училищахъ, выясняя ихъ религіозно-нравственное, экономическое и вообще государственное значеніе, доказывая необходимость самаго ревностнаго участія сельскаго приходскаго духовенства въ начальномъ народномъ образованіи и устройства прежде всего школъ грамотности и Закона Божія при всѣхъ приходскихъ церквяхъ. По моему-же предложенію, законоучитель Маріинскаго женскаго института, вскорѣ затѣмъ августѣйшихъ дѣтей вел. княг. Маріи Николаевны, священ. Д. П. Соколовъ помѣщалъ въ каждомъ номерѣ «Учителя» рассказы изъ священной исторіи ветхаго и новаго завѣта подъ общимъ заглавіемъ «Бесѣды съ дѣтьми о вѣрѣ и нравственности христіанской», доставлявшія не мало хлопотъ со стороны духовной цензуры, но удостоившіяся, по изданіи ихъ отдѣльною книгою, одобренія митрополита московскаго Филарета. Въ первомъ-же году «Учитель» имѣлъ до 2.000 подписчиковъ, значительное число которыхъ составляли сельскіе священники, учителя приходскихъ училищъ. Въ это-же время, по распоряженію епархіальныхъ архіереевъ, стали возникать народныя училища, учреждаемыя духовенствомъ, и въ нѣкоторыхъ епархіяхъ, особенно въ Кіевской, число ихъ, судя по отчетамъ, быстро достигло значительной цыфры. вмѣстѣ съ этимъ возникла мысль о передачѣ всѣхъ народныхъ школъ въ вѣдѣніе духовенства.

Историческій очеркъ народныхъ училищъ въ Пруссіи, Австріи и Франціи показалъ намъ, какое вредное, постоянно задерживающее вліяніе на развитіе народнаго образованія имѣло какъ соперничество въ этомъ дѣлѣ протестантскаго и католическаго духовенства съ другими правительственными вѣдомствами и городскими и сельскими обществами, такъ и стремленіе его забрать народную школу въ свои руки. У насъ ничего подобнаго не могло и не можетъ быть. Православная церковь и православное духовенство никогда не противодѣйствовали распространенію здраваго начальнаго образованія въ народѣ и никогда не выражали стремленія подчинить своему вѣдѣнію всѣ народныя училища. Напротивъ того, наше православное духовенство, какъ

мы видѣли, всегда было готово, по мѣрѣ средствъ своихъ, содѣйствовать устройству народныхъ школъ, безъ малѣйшей претензiи на исключительное завѣдыванiе ими. Если-же наше сельское духовенство не могло сдѣлать многого въ этомъ дѣлѣ, то причина сего заключалась и до сихъ поръ заключается въ крайне недостаточномъ матеріальномъ обезпеченiи большинства сельскихъ священниковъ. Слѣдовательно, у насъ можно было-бы развѣ только *искусственно* создать задерживающія распространенiе народныхъ училищъ пререканiя между духовенствомъ, правительственными вѣдомствами и городскими и сельскими обществами.

18 iюля 1862 года, по представленiю Министра Народнаго Просвѣщенiя, Высочайше былъ назначенъ особый комитетъ изъ членовъ со стороны Министерствъ: Государственныхъ Имуществъ, Удѣловъ, Внутреннихъ Дѣлъ, Финансовъ и Народнаго Просвѣщенiя, а также православнаго духовнаго вѣдомства «для составленiя *общаго плана* устройства состоящихъ въ *разныхъ вѣдомствахъ* приходскихъ, начальныхъ, сельскихъ и другихъ элементарныхъ школъ и училищъ во всѣхъ мѣстахъ Имперiи, съ подчиненiемъ ихъ всѣхъ въ учебномъ отношенiи Министерству Народнаго Просвѣщенiя». Составленный комитетомъ проектъ общаго плана былъ представленъ 15 ноября того-же года въ Государственный Совѣтъ, на разсмотрѣнiи котораго въ то-же время находился вышеупомянутый проектъ устава общеобразовательныхъ училищъ, внесенный бывшимъ Министромъ Народнаго Просвѣщенiя Ковалевскимъ. По всеподданнѣйшему докладу Государю Императору въ совѣтѣ Министровъ, 18 января 1862 года, обоихъ этихъ проектовъ, Высочайше было повелѣно: проекты сiи разослать для разсмотрѣнiя по всему нашему учебному вѣдомству и разнымъ лицамъ, по выбору Министра Народнаго Просвѣщенiя (А. В. Головнина) и сообщить ихъ въ переводѣ на англійскiй, французскiй и нѣмецкiй языки извѣстнѣйшимъ иностраннымъ педагогамъ; причемъ въ разрѣшенiе возникшаго вопроса: въ чемъ вѣдѣнiи должны находиться народныя училища, состоялось Высочайшее повелѣнiе: 1) «Учрежденныя нынѣ и впредь учреждаемыя духовенствомъ народныя училища оставить въ завѣдыванiи духовенства, съ тѣмъ, чтобы Министерство Народнаго Просвѣщенiя оказывало содѣйствiе преуспѣянiю оныхъ по мѣрѣ возможности», и 2) «Оставить на обязанности министерства учреждать во всей Имперiи, по сношенiю съ подлежащими вѣдомствами, народныя училища, которыя и должны оставаться въ его вѣдѣнiи, причемъ слѣдуетъ пользоваться содѣйствiемъ духовен-

ства во всѣхъ случаяхъ, когда министерство признаетъ сіе нужнымъ и когда духовенство найдетъ возможнымъ оказать ему содѣйствіе» *).

Между тѣмъ особыя обстоятельства западныхъ губерній потребовали неотлагательнаго учрежденія тамъ народныхъ школъ и вслѣдствіе сего попечители Виленскаго и Кіевскаго учебныхъ округовъ приступили, на особо отпущенныя имъ небольшія денежныя средства, къ учрежденію нѣкотораго числа этихъ школъ, и въ 1863 году были изданы, разсмотрѣнныя въ особомъ западномъ комитетѣ, правила для народныхъ школъ Виленскаго учебнаго округа, а потомъ и для трехъ губерній Кіевскаго округа. Независимо отъ общаго дѣла о народныхъ училищахъ, въ іюнѣ 1862 года послѣдовало распоряженіе о закрытіи воскресныхъ школъ, которыя начали учреждаться частными лицами и обществами съ 1857 года, причемъ Высочайше было повелѣно составить для этихъ школъ новыя правила, на основаніи коихъ онѣ могли-бы быть возобновлены. По исполненіи сего министерствомъ немедленно были потребованы соображенія всѣхъ попечителей учебныхъ округовъ о томъ, какія правила они находятъ нужными для воскресныхъ школъ. Наконецъ, въ сентябрѣ того-же года послѣдовало новое Высочайшее повелѣніе *о соединеніи составленія правилъ для народныхъ училищъ съ правилами для воскресныхъ школъ*, съ тѣмъ, чтобы Министерство Народнаго Просвѣщенія, по начертаніи этихъ правилъ, внесло оныя въ совѣтъ Министровъ, обсудивъ ихъ предварительно въ особомъ совѣщаніи изъ слѣдующихъ лицъ: генералъ-адъютанта графа С. Г. Строгонова, Министровъ: Государственныхъ Имуществъ, Внутреннихъ Дѣлъ и Народнаго Просвѣщенія и оберъ-прокурора Св. Синода.

Разсмотрѣніе всѣхъ собранныхъ въ Россіи матеріаловъ, вмѣстѣ съ полученными отъ заграничныхъ педагоговъ, по вышеозначеннымъ проектамъ устава общеобразовательныхъ учебныхъ заведеній и общаго плана народныхъ училищъ было возложено на ученый комитетъ главнаго правленія училищъ, подъ предсѣдательствомъ А. С. Воронова, съ порученіемъ составить проекты положенія о народныхъ училищахъ, вмѣстѣ съ правилами для воскресныхъ школъ, и новыхъ уставовъ университетскаго и гимназическаго. Приглашенный въ качествѣ эксперта, я внесъ особую записку о необходимости устройства въ Россіи цѣльной системы мужскихъ и женскихъ общеобразовательныхъ учи-

*) Какъ выше приведенныя, такъ и ниже слѣдующія свѣдѣнія заимствованы изъ представленія въ Госуд. Сов. Министра Народнаго Просвѣщенія А. В. Головина, съ проектомъ положенія о народныхъ училищахъ (Сборн. постан. по Мин. Нар. Просв., т. III).

лицъ и мѣстныхъ профессиональныхъ школъ (учительскихъ семинарій, музыкальныхъ, рисовальныхъ, врачебныхъ, коммерческихъ, земледѣльческихъ, разныхъ техническихъ, ремесленныхъ и т. п.), причѣмъ народныя школы должны были составлять общее основаніе всей училищной системы, и прежде всего, по моему мнѣнію, слѣдовало устроить при всѣхъ приходскихъ церквахъ въ Имперіи школы грамотности, т. е. обученія чтенію по книгамъ гражданской и церковно-славянской печати, письму и Закону Божію. Записка была представлена управлявшему министерствомъ А. В. Головнину, который, пригласивъ меня къ себѣ, выразилъ полное сочувствіе моей запискѣ, но сказалъ, что для разсмотрѣнія вопроса объ устройствѣ *цѣльной* училищной системы онъ долженъ былъ-бы войти съ новымъ всеподданнѣйшимъ докладомъ (что онъ считаетъ неудобнымъ, такъ какъ только-что испросилъ Высочайшее повелѣніе о составленіи въ ученомъ комитетѣ означенныхъ проектов).

При составленіи проекта положенія о народныхъ училищахъ, особенно подробно обсужденію были подвергнуты слѣдующіе вопросы:

I. Въ какомъ отношеніи должны находиться между собою различныя правительственныя вѣдомства по завѣдыванію дѣлами народныхъ школъ и въ какомъ отношеніи должны состоять частныя общества и лица по этимъ-же дѣламъ къ вѣдомствамъ правительственнымъ?

По этому вопросу признано было, что «для дальнѣйшаго развитія народныхъ училищъ необходимо принять мѣры, способныя прекратить существующій нынѣ антагонизмъ по дѣламъ учебнымъ какъ между отдѣльными правительственными вѣдомствами, такъ и между училищами правительственными и частными, и направить усилія всѣхъ различныхъ органовъ, дѣйствующихъ на пользу народнаго просвѣщенія, къ одной общей цѣли; лучшею для сего мѣрою казалось-бы учрежденіе въ каждомъ уѣздѣ особаго попечительнаго училищнаго совѣта, завѣдующаго дѣлами народнаго элементарнаго образованія всего уѣзда, изъ членовъ отъ Министерствъ Внутреннихъ Дѣлъ и Народнаго Просвѣщенія, отъ духовнаго вѣдомства и изъ представителей тѣхъ вѣдомствъ и обществъ, которыя содержатъ свои школы».

II. Слѣдуетъ-ли подчинить все народныя училища одному общему уставу, или допустить для разныхъ училищъ мѣстныя отступленія?

Признано было полезнѣе допускать нѣкоторыя отступленія, не нарушающія главныхъ общихъ основаній, но требуемыя мѣстными условіями и соображеніями, какъ въ учебномъ, такъ и въ административномъ и хозяйственномъ отношеніяхъ.

III. *Слѣдуетъ-ли во всѣхъ народныхъ училищахъ Имперіи постановить непремѣннымъ условіемъ обученіе на русскомъ, т.-е. великороссійскомъ языкѣ, или необходимо допустить и мѣстные языки и нарѣчія?*

По этому вопросу признано было необходимымъ постановить, чтобы во всѣхъ тѣхъ областяхъ, гдѣ русскій языкъ не есть природный языкъ населенія (Польша, Остзейскій край), или гдѣ употребляются русскія нарѣчія, рѣзко отличающіяся отъ великороссійскаго языка, именно: въ Малороссіи и Бѣлороссіи, объясненіе предметовъ въ народныхъ училищахъ начиналось на туземномъ языкѣ или мѣстномъ нарѣчіи, а затѣмъ уже дѣлался постепенный переходъ къ великороссійскому языку, на которомъ слѣдуетъ и продолжать ученіе.

IV. *Должно-ли народное обученіе быть основано на началахъ обязательности, или предоставлено свободному выбору обществъ и частныхъ лицъ?*

Послѣ весьма подробнаго обсужденія этого вопроса, причемъ были рассмотрѣны и приняты въ Пруссіи, Франціи и Англіи системы, признано было *невозможнымъ* введеніе въ Россіи въ то время обязательнаго начальнаго обученія и распространеніе народныхъ училищъ посредствомъ обязательнаго содержанія ихъ обществами, и постановлено было «изыскивать другіе къ тому способы, въ числѣ которыхъ наиболѣе практическимъ казалось привлеченіе къ дѣлу народнаго образованія дѣятельности обществъ и частныхъ лицъ посредствомъ поощрительныхъ мѣръ и даже пособій со стороны правительства въ случаяхъ необходимости».

V. *Слѣдуетъ-ли поддерживать въ народныхъ училищахъ ученіе даровое, безъ всякой платы, и давать обучающимся въ нихъ особыя преимущества?*

Признано было полезнымъ установленіе хотя самой ничтожной платы за обученіе въ народныхъ училищахъ, но съ тѣмъ, чтобы назначеніе этой платы было предоставлено тому вѣдомству, обществу или лицу, на счетъ которыхъ учреждено и содержится училище *). Проектъ положенія о народныхъ училищахъ, составленный ученымъ комитетомъ, былъ сообщенъ на рассмотрѣніе вышеозначенныхъ лицъ и затѣмъ поступилъ въ Государственный Совѣтъ. Высочайшее утвержденіе *положенія о начальныхъ народныхъ училищахъ* послѣдовало 14

*) Обсужденіе этихъ и другихъ вопросовъ подробно изложено въ представленіи Министра Народнаго Просвѣщенія въ Госуд. Сов. проекта положенія о народныхъ училищахъ (Сборн. постанов. по Мин. Нар. Просв., т. III, стр. 1.259—1.275).

іюля 1864 года. По этому положенію: I. «Начальныя народныя училища имѣють цѣлю утверждать въ народѣ религіозныя и нравственныя понятія и распространять первоначальныя полезныя знанія» (ст. 1). II. Къ начальнымъ народнымъ училищамъ причислены: 1) вѣдомства Министерства Народнаго Просвѣщенія: а) приходскія училища въ городахъ, посадахъ и селахъ, содержимыя на счетъ мѣстныхъ обществъ и частью на счетъ казны и пожертвованія частныхъ лицъ, и б) народныя училища, учреждаемыя и содержимыя частными лицами разнаго званія. 2) Вѣдомства Министерствъ Государственныхъ Имуществъ, Внутреннихъ Дѣлъ, Удѣльнаго и Горнаго. 3) Вѣдомства духовнаго: церковно-приходскія училища, открываемыя православнымъ духовенствомъ, и 4) всѣ вообще воскресныя школы, учреждаемыя какъ правительствомъ, такъ и обществами и частными лицами для образованія лицъ ремесленнаго и рабочаго сословія обоюга пола, неимѣющихъ возможности пользоваться ученіемъ ежедневно (ст. 2). III. Предметы учебнаго курса слѣдующіе: Законъ Божій (краткій катехизисъ и св. исторія); чтеніе по книгамъ гражданской и церковной печати, письмо, первыя четыре дѣйствія ариѳметики и, гдѣ представится возможность, церковное пѣніе. Преподаваніе всѣхъ предметовъ совершается на русскомъ языкѣ (ст. 3 и 4). IV. Въ народныя училища принимаются дѣти всѣхъ состояній, безъ различія вѣроисповѣданія, и обоюга пола тамъ, гдѣ не представляется возможности имѣть отдѣльныя училища мужскія и женскія. Воскресныя-же школы учреждаются исключительно лишь для учащихся одного пола (ст. 6 и 7). V. Установленіе платы за ученіе и освобожденіе отъ оной зависитъ отъ усмотрѣнія тѣхъ вѣдомствъ, обществъ и частныхъ лицъ, которыя содержатъ училища (ст. 8). VI. Размѣръ содержанія и порядокъ отчетности о начальныхъ народныхъ училищахъ устанавливаются тѣми вѣдомствами, обществами и частными лицами, на счетъ которыхъ училища содержатся (ст. 11). VII. Законъ Божій можетъ быть преподаваемъ только приходскимъ священникомъ или-же особымъ законоучителемъ, съ утвержденія епархіальнаго начальства. Прочимъ предметамъ могутъ обучать также священно-церковно-служители или-же лица, которыя получили на званіе учителя или учительницы особое разрѣшеніе уѣзднаго училищнаго совѣта, по представленіи удостовѣренія въ доброй нравственности и благонадежности отъ лицъ, совѣту извѣстныхъ. Наблюденіе за религіозно-нравственнымъ направленіемъ во всѣхъ начальныхъ народныхъ училищахъ и воскресныхъ школахъ возлагается на мѣстнаго приходскаго священника, который сообщаетъ свои замѣчанія учителю и лицамъ, завѣдывающимъ училищемъ, а если-бы его замѣ-

чанія не были приняты, доносить о томъ уѣздному училищному совѣту (ст. 15, 16 и 17). VIII. Для завѣдыванія начальными народными училищами учреждаются въ каждомъ уѣздѣ—*уѣздный* и въ каждой губерніи—*губернскій* училищные совѣты. Въ обѣихъ столицахъ, по ближайшему соглашенію попечителей учебныхъ округовъ съ мѣстными генераль-губернаторами, учреждается нѣсколько уѣздныхъ училищныхъ совѣтовъ для завѣдыванія начальными народными училищами и народными школами. Училищные совѣты состоятъ: *уѣздный*—изъ членовъ отъ Министерствъ Народнаго Просвѣщенія и Внутреннихъ Дѣлъ, православнаго духовнаго вѣдомства, двухъ членовъ отъ уѣзднаго земскаго собранія и по одному отъ тѣхъ вѣдомствъ, которыя содержатъ у себя начальныя народныя училища. Въ тѣхъ городахъ, гдѣ есть народныя училища, содержимыя на счетъ городскихъ суммъ, въ училищномъ совѣтѣ состоитъ еще членъ отъ городского общества. Члены уѣзднаго училищнаго совѣта избираютъ изъ среды своей председателя на два года; завѣдываніе дѣлопроизводствомъ совѣта возлагается на штатнаго смотрителя училищъ. *Губернскій* совѣтъ составляютъ: епархіальный архіерей, какъ первенствующій членъ совѣта, начальникъ губерніи, директоръ училищъ и два члена отъ губернскаго земскаго собранія. Въ случаѣ его отсутствія или болѣзни епархіальнаго архіерея, мѣсто его занимаетъ викарный, гдѣ онъ есть, а гдѣ его нѣтъ, тамъ старшее въ городѣ духовное лицо; но въ семъ послѣднемъ случаѣ председательство въ совѣтѣ принадлежитъ губернатору (ст. 18, 19 и 22).

Н. Вессель.

(Продолженіе будетъ).

ГОДЪ ВЪ ШВЕЙЦАРСКОМЪ КОЛЛЕЖѢ.

(Изъ школьныхъ воспоминаній).

Послѣ того, какъ я прожилъ цѣлый годъ въ Швейцаріи въ полнѣйшемъ бездѣйствіи, гуляя и набираясь силъ на чистомъ воздухѣ, приходилось снова подумать объ ученіи: черезъ годъ надо было возвращаться въ Россію—продолжать прерванныя на два года болѣзнью занятія. Ознакомясь съ программами нѣсколькихъ заведеній, между которыми надо было выбирать, и остановившись на одной изъ нихъ, я составилъ списочекъ тѣхъ пробѣловъ, которые надо было пополнить, чтобы удовлетворить требованіямъ программы. Теперь оставалось рѣшить, куда обратиться за подготовкой. Мнѣ было тогда четырнадцать лѣтъ—слѣдовательно, мнѣ предстояло пройти, приблизительно, курсъ четвертаго класса нашихъ гимназій. Желательно было, чтобы онъ былъ пройденъ на русскомъ языкѣ и по русскимъ учебникамъ, во избѣжаніе трудныхъ иногда переучиваній, впопыхахъ, передъ самымъ экзаменомъ. Мы жили въ Монтрэ, менѣе чѣмъ въ верстѣ отъ насъ, въ Кларансѣ, существовало въ то время нѣкое училище, именовавшееся, по вывѣскѣ: «Pensionnat Russe! A. Parchet». Объ этомъ заведеніи говорилось, что оно—настоящая русская гимназія, перенесенная на чужеземную почву: оно состоитъ изъ гимназическихъ классовъ, приготовляетъ прямо къ университету, состоитъ якобы подъ покровительствомъ нашего Министерства Народнаго Просвѣщенія, отъ котораго будто-бы и получаетъ своихъ преподавателей. Казалось, лучше ничего нельзя было придумать, и потому рѣшено было помѣстить меня туда. Остановившись на этомъ рѣшеніи, мы отправились, въ сопровожденіи одного моего дяди, кларанскаго жителя, пользовавшагося тамъ всеобщей извѣстностью, къ директору этого образцоваго учрежденія, чтобы навести болѣе обстоятельныя и непосредственныя справки и, кстати, представить ему меня—его будущаго воспитанника.

Онъ встрѣтилъ насъ съ большимъ достоинствомъ. Не смотря на хорошія рекомендаціи, которыми меня старались выставить передъ нимъ въ наиболѣе благопріятномъ свѣтѣ, онъ, однако, находилъ всякія препятствія къ моему поступленію въ его заведеніе. Онъ держалъ себя чрезвычайно сухо, точно стараясь показаться по возможности болѣе антипатичнымъ, и съ невѣроятной важностью объяснялъ, что я не подхожу подъ его требованія, такъ какъ познанія мои такого рода, что не позволяютъ мнѣ поступить ни въ одинъ классъ. Я былъ очень этимъ удивленъ: познанія мои соотвѣтствовали первымъ тремъ классамъ гимназіи—слѣдовательно, я долженъ былъ вполне подходить къ четвертому, и вдругъ такая неудача... Поразмысливъ немного, monsieur Parchet объявилъ, что онъ, пожалуй, согласился бы открыть для меня особый, новый классъ, несмотря на всѣ неудобства такой процедуры, въ томъ случаѣ, если ему будетъ заплачено 2.000 франковъ за одинъ годъ. Эта оговорка показалась намъ особенно подозрительной, а потому мы рѣшили сначала ближе познакомиться съ самымъ заведеніемъ. Дѣйствительность была очень далека отъ того, что говорили намъ объ этой «русской гимназіи». Прежде всего, въ ней не только не было русской программы и восьми классовъ, но даже и «гимназистъ»-то былъ всего лишь одинъ. Его готовили къ поступленію въ университетъ, которое должно было произойти черезъ годъ или два; очевидно, я не подходилъ къ столь высокому уровню познаній, а слѣдовательно, и не могъ быть принятъ въ этотъ «классъ». Въ другомъ и послѣднемъ классѣ находились многочисленныя дѣти самого г. Парше, да двѣ или три русскія дѣвочки, въ томъ числѣ и внучка моего дяди. Разумѣется, не могло быть и рѣчи о помѣщеніи меня съ этой мелюзгой, изъ которыхъ самый старшій былъ лѣтъ на шесть моложе меня; дѣйствительно, я не годился ни для какого класса «гимназіи». Штатъ преподавателей былъ еще бѣднѣе: самъ директоръ преподавалъ французскій языкъ и нѣмецкій; для преподаванія всѣхъ остальныхъ предметовъ имѣлся одинъ элегантный молодой человекъ, получившій, какъ говорили, по медали въ гимназіи и университетѣ, но продавшій ихъ для поддержанія старой и больной матери. Этотъ высокопоставленный юноша, англичанинъ по происхожденію, протестантъ по религіи, русскій по образованію и преподаватель всѣхъ наукъ по профессіи, училъ даже православному Закону Божію, такъ какъ г. Парше, въ цѣляхъ сокращенія расходовъ, рѣшилъ не приглашать на этотъ академическій годъ русскаго священника, жившаго въ Женевѣ. Таково было заведеніе, въ которое я рисковалъ попастьъ.

Оставивъ всякое помышленіе о «Pensionnat Russe. A. Parchet», надо было подумать о другомъ. Намъ очень рекомендовали Collège de Montreux — заведеніе, соответствующее, приблизительно, нашимъ гимназіямъ. Мнѣ, однако, перспектива поступленія въ швейцарскую гимназію далеко не улыбалась. Зная о тѣхъ гостепріимныхъ приемахъ, какими встрѣчаются новички не только въ нашихъ гимназіяхъ, но и въ гораздо болѣе высокопоставленныхъ и привилегированныхъ заведеніяхъ, я сильно побаивался вступленія въ среду мало развитыхъ и вообще непривѣтливыхъ гражданъ швейцарской республики. Но одинъ нашъ знакомый, русскій, уже оканчивавшій курсъ въ коллежѣ, очень сочувственно отзывался о немъ и убѣждалъ меня поступить къ нимъ. Мало-по-малу, мысль о хожденіи въ коллежъ становилась для меня менѣе страшной и я, наконецъ, сдался. Лобыли программу коллежа и стали обсуждать, въ какой классъ я долженъ буду по-пасть и какіе предметы изучать. Порѣшивъ эти вопросы, моя мать отправилась къ директору, г. Вариделю, чтобы разузнать объ условіяхъ относительно моего поступленія въ его заведеніе. Онъ былъ очень вѣжливъ и предупредителенъ, сказалъ, что я могу быть externe, то-есть, изучать лишь тѣ предметы, какіе я захочу, и не входить въ расчетъ при размѣщеніи класса по успѣхамъ; за это надо было платить по особой, сравнительно высокой, таксѣ; сколько мнѣ помнится, каждый ученикъ платилъ пять франковъ въ полугодіе за свое обученіе; экстернъ-же долженъ былъ вносить по пятнадцати франковъ въ полугодіе за каждый изучаемый имъ предметъ. Въ заключеніе mr. Varidel сказалъ, чтобы я пришелъ на другой день въ его кабинетъ, въ коллежѣ.

Не безъ волненія ожидалъ я назначеннаго часа. Коллежъ находился въ нѣсколькихъ шагахъ отъ пансіона (гостиницы), въ которомъ мы жили. Я вошелъ въ широко открытую дверь и попалъ на большую каменную лѣстницу, на первой площадкѣ которой находилась комната привратника. Это былъ здоровый швейцарецъ, въ обыденномъ костюмѣ—широкихъ рыжихъ брюкахъ изъ полосатаго бархата и голубой блузѣ, надѣтой поверхъ крахмальной рубахи. На стѣнѣ, возлѣ его двери, висѣлъ большой колоколъ, возвѣщавшій сразу всему коллежу начало и конецъ учебныхъ часовъ тремя рѣзкими ударами.

Поднявшись въ первый (или, по нашему, во второй) этажъ, я очутился въ широкомъ корридорѣ съ бѣлымъ досчатымъ поломъ и большими окнами на площадь съ одной стороны, съ другой—шли классныя двери, также не крашенныя, надъ которыми было написано, какими именно предметами занимаются въ томъ или другомъ классѣ.

За первую дверью находился классъ для «Français, Religion», за второй—для «Géographie, Physique, Chimie, Histoire naturelle», затѣмъ шли классы для «Histoire, Mathématique, Comptabilité» и, наконецъ, для «Allemand, Dessin». Сколько помнится, между естественно-исторической и исторической комнатою находился небольшой классъ для «latin, grec», въ который я, однако, никогда не входилъ. Напротивъ нея тонкой досчатой перегородкой была отдѣлена отъ корридора маленькая комнатка съ однимъ окномъ, въ которой и помѣщался кабинетъ директора. Крайняя простота, даже бѣдность обстановки, такъ мало напоминавшая помѣщенія большинства русскихъ начальниковъ, заставляла меня чувствовать себя какъ-то не по себѣ. Мнѣ хотѣлось бѣжать отсюда, отъ этой нищеты и убожества, которыя гнетущимъ образомъ дѣйствовали на меня, привыкшаго судить лишь по виѣшности; впрочемъ, внутренняя организація коллежа еще и не была мнѣ извѣстна.

Monsieur Varidel сидѣлъ въ своемъ кабинетѣ. Это былъ высокій, худощавый человѣкъ, лѣтъ сорока пяти съ небольшимъ, болѣзненный и желчный, съ густыми, еще черными, но уже начинавшими сѣдѣть волосами, умѣреншой, прямо подстриженной бородой и черными усами, съ умными, но грустными, задумчивыми глазами. Я часто встрѣчалъ его раньше на улицѣ; онъ всегда ходилъ медленной походкой слабаго человѣка, въ черномъ пальто и высокой черной фетровой шляпѣ, поэтому теперь я легко узналъ его. Онъ принялъ меня просто, привѣтливо, даже ласково; разспросилъ меня, какіе предметы были мнѣ уже извѣстны, какими я намѣреваюсь заниматься въ коллежѣ, далъ мнѣ росписание уроковъ, продиктовалъ списокъ необходимыхъ книгъ, какихъ-то особенныхъ тетрадей, карандашей, перьевъ и т. под. (форма въ коллежѣ была необязательна) и отпустилъ меня, сказавъ, чтобы я началъ ходить на уроки съ понедѣльника и что я принять въ «Seconde Industrielle». Выходя отъ Вариделя, я чувствовалъ себя гораздо легче: самый коллежъ казался мнѣ уже менѣе мрачнымъ и убогимъ, когда я увидѣлъ, что директоръ его простой, любезный и доступный человѣкъ. Эта человѣчность особенно подкупала въ его пользу.

Въ понедѣльникъ утромъ я явился въ коллежъ. Директоръ показалъ мнѣ моихъ товарищей и ушелъ, оставивъ меня одного среди незнакомой кучки людей. Вопреки моимъ ожиданіямъ, они были очень любезны и настолько великодушны, что воздержались отъ тѣхъ ошеломляющихъ новичка остротъ и насмѣшекъ, къ которымъ такъ любить прибѣгать русскіе гимназисты. Одинъ изъ нихъ сейчасъ-же по-

дошелъ ко мнѣ и отрекомендовался. Это былъ Фрейтагъ, сынъ перваго мѣстнаго парикмахера, своимъ видомъ очень напомнившій мнѣ нашихъ развязныхъ и безвкусно-щеголеватыхъ стригачей средней руки: большая копна черныхъ волосъ была сильно напомажена и граціозно расположена на головѣ; изъ подъ густыхъ бровей глядѣли быстрые, но не умные глаза, обличавшіе большаго вруна и пройдоху, а форменная блуза придавала всей его фигурѣ особенный видъ изящества среди разноцвѣтной толпы остальныхъ учениковъ. Онъ былъ чуть-ли не единственный ученикъ въ формѣ; всѣ прочіе были одѣты по домашнему—преимущественно въ свѣтлыхъ длинныхъ панталонахъ и короткихъ пиджакахъ. Одинъ былъ въ короткихъ рыжихъ панталончикахъ, доходившихъ ему немного ниже колѣна, изъ подъ которыхъ выглядывали сѣрые шерстяные чулки, и въ черномъ двубортномъ пиджакѣ; другой—въ какой-то вязаной фуфайкѣ—словомъ, смѣшеніе костюмовъ было полное. Но я не могъ разсмотрѣть ихъ всѣхъ въ подробностяхъ: раздались три удара колокола, возвѣщавшіе начало урока, и всѣ мои товарищи отправились наверхъ, въ тотъ этажъ, гдѣ находилась *école des filles*. Мнѣ сказали, чтобы и я шелъ съ ними. Въ большомъ классѣ сидѣли всѣ ученицы, разныхъ лѣтъ и также въ разныхъ платьяхъ; общимъ у нихъ было только то, что почти у всѣхъ рукава были спрятаны въ какіе-то черные мѣшки, завязывавшіеся повыше локтя: это дѣлалось для того, чтобы они не пачкались и не протирались. Мы прошли въ конецъ класса—стали у стѣны, разсѣлись по подоконникамъ. Вопиелъ самъ г. Варидель, въ черномъ сюртукѣ, съ сосредоточеннымъ видомъ, сѣлъ на кафедру, прочелъ нѣсколько стиховъ изъ евангелія и сталъ толковать ихъ просто, убедительно, искренно. Окончивъ свое краткое поученіе, онъ сдѣлалъ общую перекличку. Я все боялся, что не съумѣю достаточно непринужденно сказать: «present» и что меня поднимутъ на смѣхъ. Но все сошло благополучно, и мы отправились снова внизъ, на урокъ французскаго языка.

Но прежде чѣмъ говорить о методѣ преподаванія, расскажу вкратцѣ про внѣшній видъ и устройство классовъ.

Коллежъ соединялъ въ себѣ и классическое, и реальное училище. Поступавшіе въ классическое отдѣленіе (ихъ, впрочемъ, было весьма мало) совсѣмъ не проходили естественныхъ наукъ, физики и химіи; курсъ математики для нихъ былъ также значительно сокращенъ: классики старшаго (перваго) класса слушали алгебру и геометрію вмѣстѣ съ предпоследнимъ (вторымъ) классомъ реалистовъ. Такъ какъ греческій языкъ былъ мнѣ не нуженъ, а латинскій я зналъ довольно

порядочно и не хотѣлъ переучивать его на французскій ладъ, то я и избралъ реальное отдѣленіе, или такъ-называемую «industrielle». Изъ предметовъ, проходившихся въ моемъ классѣ, я остановился на тѣхъ, которые меня наиболѣе интересовали, или были мнѣ дѣйствительно нужны для предстоящаго экзамена въ Россіи, именно: зоологію, физику, исторію—новую и швейцарскую, рисованіе, географію, алгебру, геометрію и французскій языкъ. Въ трехъ старшихъ классахъ коллежа, изъ естественныхъ наукъ проходило, въ общемъ, довольно много—антропологія, зоологія, ботаника и минералогія, физика и химія.

Помѣщенія классовъ, какъ я уже говорилъ, предназначались не для отдѣльныхъ классовъ, а для извѣстныхъ предметовъ. Такимъ образомъ, почти послѣ каждого урока, весь коллежъ приходилъ въ движеніе, захватывавшее иногда и отдѣленіе для ученицъ, которыя являлись къ намъ, внизъ, на уроки физики и естественной исторіи.

Классы были не велики—человѣкъ по двадцати, рѣдко больше; классныя комнаты не отличались особенной просторностью, за исключеніемъ физическаго и математическаго класса, которые были больше другихъ. Полы вездѣ были бѣлые, столы, табуреты и каѳедра—также изъ некрашеннаго дерева. Устройствомъ своимъ столы напоминали тѣ, которые бываютъ въ нашихъ гимназіяхъ: каждый предназначался для двоихъ; между верхней, покатою, крышккой и дномъ находится открытое мѣсто для книгъ; только общія скамейки замѣнялись табуретами. Каѳедры, низкія, совѣмъ вѣродѣ тѣхъ, которыя попадаются въ нашихъ старыхъ заведеніяхъ, во всѣхъ классахъ были поставлены не по срединѣ, а въ дальнемъ правомъ углу, возлѣ оконъ. Только въ физическомъ классѣ, вмѣсто каѳедры, посреди стѣны стоялъ большой столъ, съ проведеннымъ къ нему газомъ, на которомъ и производились, по мѣрѣ чтенія курса, всѣ входящія въ него опыты. Поэтому, какъ въ самомъ физическомъ классѣ, такъ и въ корридорѣ, возлѣ двери его, стояли шкафы съ физическими и химическими аппаратами, которыхъ въ небогатомъ швейцарскомъ коллежѣ было, однако, несравненно больше, чѣмъ даже въ нашихъ богатыхъ и привилегированныхъ заведеніяхъ, получающихъ гораздо большія суммы за воспитанниковъ и отъ казны, чѣмъ какой-нибудь Collège de Montreux. Кромѣ того, на стѣнамъ этого класса, служившаго и для преподаванія географіи, висѣли разныя карты, тоже въ образцовомъ порядкѣ, большія черныя доски для естественныхъ наукъ, на которыхъ разноцвѣтнымъ мѣломъ рисовались разныя кровеносныя системы и тому подобныя вещи. Естественно-историческій кабинетъ въ коллежѣ былъ

тоже очень недурень, особенно когда подумаешь, что, по числу своих жителей, Монтрэ, въ сущности, есть небольшая деревня.

Уроки давались ежедневно, отъ восьми часовъ до одиннадцати и отъ двухъ до четырехъ. По субботамъ уроки бывали только до одиннадцати часовъ утра. Продолжались они каждый по часу, включая сюда и рекреацию, состоявшую въ перекочевкѣ изъ класса въ классъ. Когда классъ, въ который мы должны были перекочевать, освобождался, мы входили туда и сейчасъ-же занимали свои мѣста, ожидая прихода учителя. Мѣста, впрочемъ, не были строго опредѣлены, и мѣнять ихъ каждый могъ по своему усмотрѣнiю; должно быть, благодаря именно этому все обыкновенно придерживались своихъ старыхъ мѣстъ. Праздниковъ совсѣмъ не бывало. Только на Рождество и Новый годъ насъ отпускали недѣли на двѣ; даже Пасха—у насъ наиболѣе торжественный праздникъ—проходила тамъ незамѣченной, и я получилъ замѣчанiе за то, что пропустилъ послѣднiе дни страстной и первые пасхальной недѣли. Лѣтнiя каникулы, наступившiя послѣ экзаменовъ, продолжались тоже очень недолго: недѣли три съ небольшимъ; на столько-же, приблизительно, времени ученики отпускались и во второй половинѣ октября, для сбора винограда. Vendages—это было самое веселое время года: все мы отправлялись, мои товарищи съ родителями, я, съ знакомыми, въ окрестности Монтрэ, иногда довольно отдаленныя, и проводили тамъ цѣлыя дни съ утра до ночи, подкрѣпляясь сыромъ съ хлѣбомъ и, въ особенности, виноградомъ, чрезвычайно питательнымъ и сытнымъ, когда его ѣшь прямо съ вѣтки—полнымъ, сочнымъ и свѣжимъ.

Система оцѣнки познанiй была десятибалльная. Журналовъ для отмѣтокъ не существовало: каждый учитель выставлялъ ихъ у себя въ книжкѣ; у насъ-же были маленькiя тетрадки, какiя служатъ обыкновенно для выписки иностранныхъ словъ, которыя мы подавали директору въ концѣ каждой недѣли, надписавъ: *Semaine du* такого-то такого-то числа такого-то мѣсяца; учителя выставляли въ нихъ свои баллы за недѣлю и подписывали ихъ. Собственно за дурные баллы у насъ въ коллежѣ не наказывали; но за невниманiе, за разсѣянность, за мало-мальски дурное поведенiе налагались штрафныя работы (такъ называемое *pensum*) безъ конца, и часто довольно скучнаго и непрiятнаго вида. Такъ, на примѣръ, за шумъ въ классѣ приказывалось написать разъ пять глаголь «*tapager*», за драку—*le verbe «se battre»* и т. д. Однажды, помню, сидѣли мы въ классѣ математики и ждали учителя, который почему-то долго не являлся; я сидѣлъ въ первомъ ряду, между двумя учениками перваго класса

классическаго отдѣленія, которые, какъ я уже говорилъ, слушали математику съ нами. Соскучившись въ ожиданіи учителя, они стали, нутя, вытаскивать изъ подъ меня табуретъ, а я, чувствуя, что сейчасъ полечу на полъ, если не приму какихъ-либо мѣръ къ своей защитѣ, схватилъ свою линейку и началъ обороняться ею отъ нападающихъ. Мы до того увлеклись своей возней, что не слышали, какъ вошелъ учитель, и замѣтили его только тогда, когда онъ уже сѣлся на кафедру. Негодованіе его было велико, и онъ раздражительно провозгласилъ: «Vous me ferez trois fois le verbe se battre».—«Nous verrons ça», проворчалъ я себѣ подъ носъ; но мои товарищи услышали и, окруживъ меня послѣ урока, стали доказывать, что я не посмѣю уклониться отъ этого наказанія. Это подзадорило меня, конечно, и я нарочно явился на слѣдующій день безъ «глаголовъ», и когда мои сотоварищи по наказанію понесли свои «вербы» на кафедру, я остался на своемъ мѣстѣ. Учитель сдѣлалъ видъ, что не замѣтилъ этого, тѣмъ дѣло и кончилось. Вообще, такъ какъ я велъ себя всегда хорошо и особенно потому, что я былъ иностранецъ, ко мнѣ относились снисходительно.

Но гораздо большей популярностью среди нашихъ преподавателей пользовалась кулачная расправа. Это было, конечно, проще, чѣмъ штрафныя работы, да, къ тому-же, обладало всѣми свойствами, которыми должно обладать наказаніе: и дѣлимостью, и постепенностью и индивидуальностью,—и ужъ, конечно, бывало непосредственно связано во времени съ преступнымъ дѣяніемъ. Простодушные швейцарцы относились къ вопросу о тѣлесныхъ наказаніяхъ очень просто, не задаваясь никакими отвлеченными идеями; и дѣло преподаванія шло прекрасно, подгоняемое пинками и толчками учащихся и освѣжаемое воплями и ревомъ учащихся. Лупили всѣ учителя, хотя у каждаго была своя система: одинъ давалъ исключительно увѣсистые подзатыльники, другой колотилъ кулаками въ шею, третій хлесталъ по плечамъ и спинѣ бамбуковой тростью, четвертый бивалъ рѣдко, но мѣтко: кулакомъ по затылку: спеціальностью пятого было—драть за волосы, и ему случалось увлекаться до того, что онъ выпщипывалъ цѣлыя клоки изъ висковъ. Вообще, каждый въ своемъ родѣ выполнялъ эту функцію съ охотой и безграничной преданностью дѣлу; только одинъ гг. Bruand, историкъ, маленькій и худощавый человекъ, съ добрыми глазами и какой-то складкой нѣжности на губахъ, всегда чисто одѣтый въ неизмѣнный пепельно-сѣрый сюртукъ, съ русой бородкой, подстриженной клиномъ, и длинными рѣдкими волосами, зачесанными назадъ, никогда не сердился и не дрался. Всегда неизмѣнно тихій,

спокойный и ровный, онъ внушалъ безграничное уваженіе. Но каково было мое удивленіе, когда меланхолическій *mr. Varidel*, съ такимъ чувствомъ толковавшій по понедѣльникамъ евангеліе, схватилъ какъ-то за волосы одного нашего товарища, опоздавшаго на урокъ, и дралъ до тѣхъ поръ, пока не вырвалъ цѣлой пряди его бѣлесоватыхъ волосъ! И сносить это надо было терпѣливо: ревѣть позволяли далеко не всѣ—это допускали лишь особенно снисходительные учителя, которыхъ, впрочемъ, было немного. Большинство за такой признакъ малодушія душили еще сильнѣе, вырабатывая въ будущихъ гражданахъ Гельвеціи спартанское мужество...

Всѣхъ классовъ въ коллежѣ было пять, кромѣ приготовительнаго. Первый, какъ я уже говорилъ, былъ старшимъ. Кромѣ того, при коллежѣ и соотвѣтствующемъ ему училищѣ для дѣвочекъ, находилась еще начальная школа (*école primaire*), въ которой, какъ показываетъ уже самое ея названіе, преподавались предметы начального образованія; здѣсь не было ни математики, ни всеобщей исторіи, ни естественныхъ наукъ; это было убѣжище для мало способныхъ или малоуспѣшныхъ. Что-же касается самаго коллежа, то изъ него поступали обыкновенно въ *école industrielle*, изъ которой шли уже въ университеты или академіи. Вообще, нельзя не отдать Швейцаріи справедливости въ томъ отношеніи, что учебное дѣло поставлено въ ней очень хорошо и добросовѣстно. Каждый учитель проникнуть своимъ долгомъ, и въ такомъ, сравнительно, незначительномъ городишкѣ, какъ Монтрэ, весь составъ преподавателей былъ положительно образцовый, а отношеніе къ дѣлу самое добросовѣстное.

Г. Варидель преподавалъ французскій языкъ. Главное вниманіе онъ обращалъ на практическое знаніе его, хотя требовалъ основательнаго знанія также и грамматики, причемъ на каждое грамматическое правило мы должны были сами подбирать примѣры, а не приводить при отвѣтѣ лишь тѣ, которые находятся въ самомъ учебникѣ. Диктовки и сочиненія бывали очень часто. Правда и то, что мои товарищи отвратительно писали на своемъ-же родномъ языкѣ и умудрялись дѣлать на страницѣ по тридцати и болѣе ошибокъ; но во всякомъ случаѣ вина здѣсь падаетъ не на преподавателя, который всячески старался научить ихъ орфографіи. Ошибки бывали до того многочисленны, что самые безграмотные русскіе школьники, въ сравненіи съ швейцарскими *collégiens*, показались-бы знатоками своего языка. Поэтому тетради никогда не отбирались у насъ для поправки тутъ-же, а сначала перечитывались громко, по складамъ, причемъ Варидель поправлялъ и объяснялъ ошибки; послѣ этого исправлен-

ныя такимъ образомъ диктовки переписывались на-бѣло и шли на просмотръ самого учителя. Удивительно однако, что и тутъ находились сплошь да рядомъ чуть-ли не десятка ошибокъ. Первое время мнѣ было очень трудно слѣдить за этимъ быстрымъ чтеніемъ по складамъ, отъ котораго я такъ давно уже успѣлъ отвыкнуть. Читать начинали съ края первой скамейки, откуда слова, одно за другимъ, перебѣгали до послѣдней, опять переходили на первую и снова добирались до послѣдней, и такъ до конца диктовки; это называлось «érelég». И надо было видѣть, съ какимъ усталымъ и скучнымъ видомъ, однообразно громкимъ голосомъ «эпелировалось» слово за словомъ. Особенно бывало интересно, когда подвертывалось какое нибудь длинное слово, какое-нибудь «*préméditation*» положимъ; р, r, é—pré; m, é—mé, prémé; d, i,—di prémédi; t, a—ta, prémédita, t, i, o, n—tion, préméditation. Когда «эпелировавшій» вралъ, учитель останавливалъ, поправлялъ, говорилъ, какъ должно быть; и мы поправляли свои тетради. Сочиненія исправлялись сразу самимъ учителемъ, и потомъ также переписывались на бѣло; писались они въ классѣ, но тема указывалась иногда заранѣе,—въ тѣхъ случаяхъ, конечно, когда она могла требовать извѣстной предварительной подготовки. Большинство темъ были всегда практичны: что-нибудь въ родѣ *comment je construiraís une maison*, причемъ поправлялись не только грамматическія и часто логическія несообразности, но и ошибки архитектурнаго свойства. Поэтическія темы давались лишь изрѣдка. Мнѣ, впрочемъ, архитектурныя темы замѣняли всегда особенными, изъ снисхожденія къ моему полному невѣжеству въ этой отрасли знаній. Я писалъ о Петрѣ Великомъ «*L'hiver à Montreux et à St.-Pétersbourg*», «*Mon arrivée en Suisse*», и т. д. Очевидно, Варидель выбиралъ для меня такіе вопросы, отвѣты на которые могли быть интересны и для него самого. Кромѣ грамматики, диктовокъ и сочиненій, довольно видное мѣсто въ преподаваніи французскаго языка занимало изученіе стиховъ и чтеніе отрывковъ изъ прекрасной и очень интересной хрестоматіи Винэ (*Vinet*). Изученіе стиховъ опять-таки имѣло непосредственную практическую цѣль: исправленіе невозможнаго выговора жителей Водскаго-Лозаннскаго «кантона» (*Vaudois*). Изъ всѣхъ французско-швейцарскихъ нарѣчій это, дѣйствительно, самое плохое, и бѣдному Вариделю приходилось не мало останавливать и поправлять учениковъ, чтобы добиться хотя-бы только приличнаго чтенія. Кромѣ того, дикція у нихъ, вообще, была отвратительная; о какомъ-либо «чувствѣ» не могло быть и рѣчи, они самымъ безжалостнымъ образомъ рубили какіе угодно стихи на фразы—и въ этомъ ихъ трудно

было передѣлать, хотя Варидель всячески старался пробудить въ учащихъ интересъ къ стихамъ, выбирая всегда прекрасныя, сильныя, звучныя стихотворенія. За тотъ годъ мы выучили «La mort de Jeanne d'Arc» и «Les trois jours de Christophe Colomb» Делавиня, «Les Hirondelles» и «Les étoiles filantes» — всѣмъ извѣстныя граціозныя стихотворенія Бераинже и еще нѣсколько, не помню какихъ, произведеній.

Меня очень удивило обстоятельство, что нѣмецкій языкъ, обязательный, конечно, для каждаго швейцарца, проходилъ совсѣмъ плохо. Г. Лахбруннеръ, нѣмецъ, онъ-же и преподаватель рисованія, ничего не могъ добиться отъ своихъ учениковъ; его уроки очень напоминали мнѣ нѣмецкіе уроки въ нашихъ гимназіяхъ. На тѣхъ двухъ или трехъ урокахъ, которые я посѣтилъ, всѣ, поочередно, отвѣчали какіе-то нѣмецкіе стишки, каждый куплетъ которыхъ кончался: *Nein! sprach der Mörder, du bist mein, denn ich bin gross und du bist klein!* И это декламировалось съ такимъ видомъ откровенной бессмысленности, что я со слѣдующаго-же дня счелъ за благо прекратить посѣщеніе этихъ уроковъ.

Учитель математики, Мюллеръ, плотный швейцарецъ съ выбритыми щеками и небольшими усами подъ крючковатымъ носомъ, былъ холоденъ и строгъ. Онъ говорилъ съ сильнымъ нѣмецкимъ акцентомъ и какъ-то особенно старательно произносилъ каждое отдѣльное слово. Въ классъ онъ постоянно являлся въ черномъ пиджакѣ, изъ подъ котораго выглядывали громадныя воротнички безукоризненно чистой рубашки. Онъ чертилъ очень старательно и отчетливо, никогда не проводя круговъ отъ руки, а всегда съ циркулемъ, и даже прямыя рисуя почти всегда по линейкѣ. Учебниковъ по математикѣ у насъ не было. Геометрію онъ диктовалъ намъ самъ и внимательно слѣдилъ за чистотою нашихъ тетрадей и ясностью чертежей. На его уроки мы являлись всегда съ готовальнями и старательно воспроизводили каждый чертежъ, непременно отдѣляя одну теорему отъ другой толстой поперечной чертой. Диктовалъ онъ съ большой аккуратностью; прежде, чѣмъ начинать объясненіе, онъ возвѣщалъ: *Corollaire*, № такой-то; или *Théorème*, *Problème* № такой-то — и ни разу онъ не ошибся въ счетѣ. Мы писали теорему и подчеркивали слова ея одной чертой. Потомъ дѣлался чертежъ и записывалось доказательство. Когда Мюллеръ начиналъ стирать чертежъ на доскѣ, мы получали приказъ: «*faites la barre*», отчеркивали законченную теорему и приготавливались къ слѣдующей. Алгебра записывалась такимъ-же образомъ со словъ Мюллера; но тутъ, конечно, теорія имѣла лишь вспомогательное значеніе: уроки алгебры проходили главнымъ обра-

зомъ въ рѣшеніи задачъ; для нихъ мы покупали толстыя тетради, въ одну линейку, въ черномъ клеенчатомъ переплетѣ; номеръ задачи, по задачнику, надписывался въ лѣвомъ углу и подчеркивался. Каждая задача отдѣлялась отъ сосѣднихъ, такъ-же, какъ и теоремы, толстыми чертами. Какъ ни странно и даже, пожалуй, смѣшно можетъ показаться это правило, но оно достигало цѣли вполне и дѣйствительно пріучало къ порядку и чистотѣ въ тетрадяхъ, къ которымъ мы получали, въ концѣ-концовъ, чуть не религиозное уваженіе; сказать по правдѣ, я нигдѣ не видалъ такихъ чистыхъ тетрадей, какъ въ коллежѣ... Съ нами Мюллеръ былъ строгъ и держался отъ насъ какъ-то въ сторонѣ; мы его побаивались и не любили; онъ говорилъ своимъ ученикамъ-швейцарцамъ «ты» и не стѣснялся бранить ихъ дураками и дубинами, чего они, впрочемъ, рѣдко когда не заслуживали. Это были такіе почти невѣроятные тупицы, что могли-бы хотъ кого вывести изъ себя. Дрался онъ, однако, рѣдко, но когда бивалъ, то ужъ внушительно. Любимымъ его видомъ тѣлеснаго наказанія были подзатыльники — весьма увѣсистые и, въ крайнихъ случаяхъ, отпускавшіеся не ладонью, а кулаками. Впрочемъ, повторяю, это случалось рѣдко.

Большимъ любителемъ кулачной расправы былъ нашъ физикъ, естественникъ и географъ — г. Шардтъ. Впрочемъ, я выразился нѣсколько неправильно: онъ наказывалъ не кулаками, а тонкой бамбуковой тростью, служившей, собственно говоря, для указанія мѣстностей на географической картѣ; она рѣдко выходила изъ его рукъ, и то и дѣло гуляла по спинамъ и плечамъ моихъ несчастныхъ товарищей. Стоило Шардту только замѣтить, что кто-нибудь плохо слушаетъ его, невнимательно сидитъ въ классѣ или шалитъ за урокомъ—и онъ сейчасъ-же наказываетъ преступника. Онъ объяснялъ намъ всегда стоя, или гуляя по комнатѣ; я не помню, чтобы онъ когда-нибудь сѣлъ на кафедру. Это былъ молодой еще человекъ, довольно красивый, съ умными, немного насмѣшливыми глазами, дѣятельный, полный жизни. Онъ клалъ всю душу въ свое преподаваніе и, дѣйствительно, оживлялъ его. Мы все любили его за его очевидный интересъ къ дѣлу, за его старанія увлечь насъ, пробудить наше вниманіе и нашу мысль. Мы не могли сердиться на него за его частыя вспышки, во время которыхъ бамбуковая трость такъ и перепрыгивала со спины на спину. Его уроки физики были всегда въ высшей степени интересны. Ни одинъ урокъ не проходилъ у него безъ опытовъ; все, что рассказывалось на урокѣ, тутъ-же демонстрировалось, и только тогда уже пояснялось формулой, выводимой

на доскѣ. Благодаря такому разумному методу, мы дѣйствительно любили и знали физику и интересовались ей.

Такъ-же хорошо и интересно было поставлено и преподаваніе зоологіи, проходившейся во второмъ классѣ. Шардтъ не лѣнился водить насъ въ кабинетъ, а въ ясные дни иллюстрировалъ отдѣлъ о насѣкомыхъ при помощи солнечнаго микроскопа. Скелеты и система кровообращенія разныхъ животныхъ рисовались Шардтомъ на большой доскѣ, висѣвшей въ углу, разноцвѣтнымъ мѣломъ, вслѣдствіе чего всѣ эти чертежи выходили чрезвычайно просты, наглядны и понятны.

Изъ географіи изучалась Европа, и изучалась недурно. Меня въ особенности удивило, что о Россіи не сообщалось никакихъ неслѣпостей, какъ это обыкновенно бываетъ за-границей. Черченія картъ у насъ не существовало, и Шардтъ былъ даже удивленъ, когда я попросилъ его научить меня этому дѣлу, которое было необходимо мнѣ для экзамена въ Россію.

Нашъ историкъ, г. Брюанъ, о которомъ я упоминалъ уже выше, читалъ намъ новую исторію, именно, эпоху реформаціи, и исторію швейцарскую. Спрашивали насъ довольно рѣдко. Я изучалъ ту и другую. Брюанъ предпочиталъ рассказывать намъ всякіе добавочные къ учебнику эпизоды, читать отрывки изъ выдающихся историковъ, въ особенности изъ исторіи Франціи Гизо. Онъ, видимо, любилъ этого историка; *Histoire de France* была у него въ отличномъ переплетѣ, и по лицу Брюана видно было, какъ онъ боялся за свою книгу, когда давалъ ее намъ въ руки—посмотрѣть на историческіе портреты. Иногда, пройдя извѣстный отдѣлъ, Брюанъ задавалъ намъ письменную работу — изложить тѣ общіе взгляды, которые мы вынесли изъ пройденнаго. Поправлялись эти работы потомъ въ классѣ, причемъ мы должны были объяснять, на какомъ основаніи сдѣлали тотъ или иной выводъ. Система выучиванья наизусть не пользовалась его симпатіями; помню, впрочемъ, что мы зубрили «*le pacte de 1291*» — союзный договоръ трехъ основныхъ кантоновъ.

«Зубренье», однако, въ коллежѣ вообще было немного: предметы были по большей части интересные, учителя на урокахъ объясняли просто и понятно, а потому на приготовленіе уроковъ уходило не особенно много времени.

Во время перемѣнъ между уроками мало кто занимался; пятнадцатиминутная утренняя перемѣна цѣликомъ посвящалась отдохновенію и играмъ. Позади коллежа, пониже его, находилась небольшая площадка, окруженная каменной стѣной и засыпанная мелкимъ граве-

томъ; сюда-то и бѣжали мы съ урока побѣгать и повозиться въ теченіе четверти часа. Любимой игрой долго была «le serpent», состоявшая въ томъ, что человѣкъ десять брались за руки и бѣжали гуськомъ, сломя голову; передній вдругъ круто заворачивалъ, сильно дергая весь хвостъ за собой, вслѣдствіе чего онъ съ сильнымъ размахомъ описывалъ большую дугу, а крайніе, отрываясь, съ страшной силой летѣли прямо въ стѣну нашего коллежа. Но начальство, узнавши откуда-то про это препровожденіе времени, дѣйствительно сопряженное съ нѣкоторой опасностью, наложило на эту игру строгій запретъ. Тогда стали играть въ то, что у насъ называется «казаки и разбойники». При этомъ мы раздѣлялись обыкновенно на двѣ партіи и бѣгали одна вдоль, а другая поперекъ. Благодаря этому, нрѣдко возникали разныя мелкія непріятности. Я помню, какъ одинъ разъ въ нашей партіи «разбойниковъ» оставалось уже мало; мое самолюбіе было заинтересовано въ томъ, чтобы меня не поймали многочисленные «казаки», и я бѣгалъ изъ конца въ конецъ съ невѣроятной быстротой и силой. Наконецъ, разбѣжавшись, что было духу, я наскочилъ на кого-то изъ другой партіи, бѣжавшаго мнѣ на перерѣзъ, и, не въ состояніи будучи ослабить удара, свалилъ его съ ногъ и перелетѣлъ дальше. Онъ былъ страшно возмущенъ, а потому, когда я бѣжалъ назадъ, повидимому, захотѣлъ отплатить мнѣ тѣмъ-же, но, не разсчитавъ времени, опять попалъ подъ меня и покатился на землю. Вскочивъ немедленно на ноги, среди всеобщаго крика и хохота, онъ пустился за мной. Я остановился, выжидая его и готовясь къ битвѣ. Поровнявшись со мной, онъ смѣрилъ меня съ ногъ до головы, и, сжимая кулаки, началъ принимать все болѣе и болѣе угрожающую позу. Пришлось и мнѣ надуться, приготовляясь къ оборонѣ... Драка казалась на этотъ разъ неминуемой, какъ вдругъ, къ величайшему моему удивленію, негодованіе моего соперника какъ-то незамѣтно улеглось, и онъ удалился съ миромъ. Впрочемъ, драки въ коллежѣ бывали довольно рѣдко; ученики относились къ нимъ несочувственно, и чуть только начиналось что-нибудь похожее на серьезную свалку, какъ кто-нибудь въ ту-же минуту летѣлъ предупредить о томъ начальство и обратиться за его помощью. Зимой затѣвались цѣлыя войны въ снѣжки, — войны довольно опасныя, такъ какъ снѣгъ держался тамъ не долго, а обращался въ твердыя ледяныя крупинки, которыми можно было нанести очень сильный ударъ. Эта игра пользовалась правомъ гражданства, и съ ней волей-неволей приходилось мириться. Въ то время, какъ мы возились и бѣгали внизу, младшіе классы и ученики начальной школы—восьми-десятилѣтняя дѣтвора—

играли на площади передъ коллежемъ, гдѣ за ними могло быть болѣе надзора. Когда, черезъ четверть часа, раздавался звонъ училищнаго колокола, вся эта толпа, съ шумомъ и крикомъ, устремлялась обратно въ классы и снова тихо и спокойно принималась за дѣло. По окончаніи утреннихъ классовъ наступала большая перемена, и все учащіяся расходились группами по домамъ, завтракать, съ тѣмъ, чтобы къ двумъ часамъ снова собраться въ коллежѣ. Такъ шли дни за днями, ровно, спокойно, но все-же весело...

И. Мечниковъ.

13 марта 1890 г.

ТОЖЕ ДА НЕ ТОЖЕ.

(Изъ воспоминаній учителя духовной семинари).

Когда мнѣ исполнилось девять лѣтъ, отецъ мой, московскій священникъ, приказавъ мнѣ принарядиться въ сюртучекъ, что одно уже указывало на важность предстоящаго событія, повезъ меня къ одному изъ московскихъ протоіереевъ, ректору духовнаго Андроніевскаго училища. Послѣдній, переговоривъ съ отцомъ, послѣ испытанія меня въ чтеніи и письмѣ и еще въ чемъ-то, согласился записать меня въ число учениковъ упомянутаго училища; но я не могу сказать, чтобы съ этой поры началось мое училищное мытарство. Не знаю, возможно ли это въ настоящее время, при теперешнихъ духовно-учебныхъ порядкахъ; но въ то время, къ которому относится начало моего ученія, позволялось вести дѣло такъ: мальчикъ заносился въ списокъ учениковъ того или другаго училища, но могъ не посѣщать его ежедневно, какъ обязаны были дѣлать это другіе, а жилъ и учился дома и лишь обязанъ былъ являться въ училище на экзамены, два раза въ годъ; сообразно съ тѣмъ, какимъ оказывался на нихъ, онъ и заносился въ списокъ по извѣстному разряду подъ извѣстнымъ номеромъ и переводился въ слѣдующій классъ, или оставался въ томъ-же. Такихъ счастливцевъ, впрочемъ, было немного, но я принадлежалъ къ числу ихъ и, благодаря этому обстоятельству, всѣ прелести тогдашнихъ духовныхъ училищъ, когда учителями являлись окончившіе курсъ семинаристы, чуждые всякой педагогической подготовки, не всегда безукоризненные относительно самаго своего поведенія и считавшіе главными началами воспитанія и образованія битые и драбые розгами, — эти прелести остались для меня неизвѣстными и неиспытанными. Что творилось въ стѣнахъ училища, о томъ я знаю лишь изъ рассказовъ другихъ; во время-же экзаменовъ, когда я являлся въ училище, все было мирно, тихо, чисто и прибрано. Такимъ обра-

зомъ я всѣ четыре года училищнаго ученія провелъ дома, имѣя при себѣ для занятій постояннаго учителя изъ окончившихъ семинарскій курсъ студентовъ, которые и жили, какъ тогда выражались, на хлѣбахъ отца моего, едва-ли даже получая какое-нибудь денежное вознагражденіе. Отецъ мой, вышедшій изъ тѣхъ семинаристовъ, которые по горло были налитаны латынью, очень былъ озабоченъ тѣмъ, чтобы я не отсталъ въ своихъ знаніяхъ отъ училищныхъ требованій и не осрамился-бы на экзаменахъ, и постоянно напоминалъ учителю, чтобы онъ, какъ говорится, не зѣвалъ; но дѣло шло хорошо и исправно, безъ особенныхъ усилій и затрудненій, и по прошествіи четырехъ лѣтъ я былъ переведенъ изъ училища въ Московскую духовную семинарію.

Съ поступленіемъ въ семинарію, моя училищная льгота прекратилась; теперь я обязывался нести службу въ полной амуниціи, то-есть, ежедневно посѣщать классы наравнѣ съ другими учениками. Нужно при этомъ сказать, что мое поступленіе въ семинарію совпало съ тѣмъ временемъ, когда приводилось въ исполненіе преобразование духовныхъ семинарій въ томъ смыслѣ, что изъ старыхъ, негодныхъ зданій онѣ переводились въ новыя благоустроенныя помѣщенія. Московская семинарія была въ этомъ отношеніи одной изъ первыхъ; изъ стариннаго зданія Заиконоспасскаго монастыря она была переведена во вновь отдѣланное помѣщеніе на Садовой улицѣ, близъ Каретнаго ряда, въ домъ бывшій графа Остерманна. Это — большое барское зданіе, отлично обновленное и дополненное нѣсколькими новыми постройками, съ параднымъ подъѣздомъ, мраморной парадной лѣстницей, съ домовою церковью, съ теплыми корридорами, удобными спальнями для пансіонеровъ, съ свѣтлыми классами и т. п. Прежніе простые столы и стулья замѣнились для наставниковъ каедрами изъ краснаго дерева, вмѣсто бѣлыхъ половъ явились крашеные; не обошлось даже и безъ каминовъ въ классахъ. Просторная столовая соединялась съ главнымъ зданіемъ теплымъ корридоромъ; она помѣщалась во второмъ этажѣ, куда кушанье подавалось посредствомъ подъемной машины. Не мудрено, что переводъ семинаріи въ такое зданіе явился въ глазахъ духовенства важнымъ событіемъ и имѣлъ большое вліяніе на самое семинарское обученіе и бытъ семинаристовъ. Вышность, безспорно, въ пѣкоторыхъ случаяхъ имѣетъ большое значеніе и играетъ важную роль; такую роль она и сыграла относительно московскихъ семинаристовъ, поступившихъ въ реформированную семинарію. Лишь только семинаристъ переступалъ порогъ этого новенькаго и прекраснаго зданія, какъ уже невольно чувствовалъ себя не тѣмъ, чѣмъ былъ прежде,

понимая, что тутъ и ступить надо съ осторожностью, и нельзя вести себя по старому, разгильдяемъ, а необходимо подтянуться и разстаться съ давнишними привычками. Уже нельзя было, какъ прежде, сидѣть въ классѣ въ томъ одѣяніи, въ какомъ пришелъ, не снимая верхняго платья, какимъ во многихъ случаяхъ служили овчинные тулупы, а необходимо было оставлять его внизу, въ особой раздѣльной комнатѣ. Прежнее пестрое разнообразіе костюмовъ, на которое никто не обращалъ и не считалъ нужнымъ обращать вниманіе и которое своей непригодностью напоминало горькую нищету и бѣдность, исчезло вслѣдствіе обязательнаго постановленія, чтобы всѣ ученики были одѣты въ одинаковое форменное платье: шинель, сюртукъ и панталоны сѣраго (впослѣдствіи замѣненнаго темнозеленымъ) сукна, и даже фуражка требовалась форменная. Не мало, надо сказать, это требованіе причинило горя и заботъ на первыхъ порахъ и родителямъ нѣкоторыхъ семинаристовъ, и самимъ семинаристамъ. Бѣдняки-родители: сельскіе дьяконы, дьячки, пономари, просвири, не скоро могли найти средства сшить для дѣтей форменное платье, стоившее во всякомъ случаѣ не дешево, а между тѣмъ дѣти ихъ подвергались наказанію: всѣ, являвшіеся не въ форменномъ платьѣ, лишались мѣсть въ классѣ и должны были во время уроковъ стоять у доски. Но, видно, и впрямь нужда рождаетъ деньги; прошло нѣсколько времени, и указанное затрудненіе было устранено, и на всѣхъ ученикахъ явилось одинаковое одѣяніе, съ чѣмъ вмѣстѣ исчезли и валенки, замѣнившіеся кожаными сапогами, а пестрые платки на шеѣ уступили мѣсто чернымъ галстукамъ. Въ то-же время, черезъ четверть часа послѣ звонка въ корридоръ являлся дежурный субъ-инспекторъ и наблюдалъ, чтобы ученики не толпились и не баловались въ корридорѣ и чтобы не шумѣли и не безобразили въ самыхъ классахъ, а инспекторъ упорно преслѣдовалъ длинные волосы и даже обзавелся солдатомъ-цирюльникомъ, къ которому и препровождалъ тѣхъ, кто не хотѣлъ добровольно разстаться съ своими «космами». И вообще отъ инспектора ни въ этомъ, ни въ какомъ другомъ, касавшемся вышняго порядка и приличія, случаѣ никому изъ учениковъ спуска не было. Онъ былъ свѣтскій, изъ давнишнихъ и почтенныхъ наставниковъ семинаріи и человекъ, по природѣ, добрый и мягкій, но желаніе ввести и поддержать въ реформированной семинаріи новые порядки и благочиніе было въ немъ до того сильно, что онъ не зналъ покоя и почью, и доводило его до того, что онъ являлся для большинства семинаристовъ въ нѣкоторомъ родѣ пугаломъ; съ нимъ боялись встрѣчаться, отъ него убѣгали, и о немъ ходило много прекуръезныхъ разсказовъ. Всѣ строгости были, впро-

чемъ, временными; скоро всѣ свыклись съ новыми требованіями и порядками; семинаристы явились похожими на учениковъ другихъ среднихъ учебныхъ заведеній, переставъ быть какимъ-то особеннымъ стадомъ.

Такимъ образомъ, миновавъ безобразія духовнаго училища, я попалъ въ семинарію реформированную, не испытавъ и ея прежнихъ беспорядковъ и недостатковъ. Кажется, впрочемъ, что преобразование коснулось главнымъ образомъ вышшняго порядка и благочинія, но въ уставахъ и программахъ никакихъ существенныхъ измѣненій сдѣлано не было, и лишь нѣсколько позднѣе въ кругъ предметовъ семинарскаго образованія были введены: естествознаніе, сельское хозяйство и народная медицина. И въ реформированной семинаріи осталось прежнее дѣленіе на классы: низшій, или классъ риторики, словесности; средній, или классъ философіи и высшій—классъ богословія. Первый раздѣлялся на три параллельныя отдѣленія, второй на два, а послѣдній былъ одинъ. Судя по этому, можно сказать, что только треть изъ поступавшихъ въ семинарію достигала послѣдняго класса и кончала курсъ, а двѣ трети или увольнялись изъ семинаріи по неспособности и за дурное поведеніе, или-же задерживались въ предъидущихъ классахъ. Въ каждомъ классѣ необходимо было пробыть два года, а потому полный семинарскій курсъ равнялся шести годамъ. Кромѣ ученія, въ судьбѣ семинариста играло большую роль поведеніе. Но случаи пьянства, буйства и подобныхъ важныхъ провинностей были, сколько помнится, очень рѣдки; чаще всего расплачивались за куреніе табаку, хожденіе въ театръ, чтеніе романовъ и грубость начальству.

Изъ трехъ отдѣленій риторики я поступилъ въ третье, въ которомъ преподавателемъ этого предмета былъ Гавріилъ Ивановичъ Нектаровъ. Онъ былъ главнымъ лицомъ въ классѣ, такъ какъ предметы преподаванія въ семинарскомъ курсѣ принято было раздѣлять на главные и второстепенные и даже третьестепенные, и такое раздѣленіе держалось до того сильно, что семинаристы могъ плохо учиться по всеобщей, напр., исторіи или алгебрѣ и ничего не терять въ отношеніи мѣста въ общемъ спискѣ, если былъ хорошо аттестованъ наставникомъ риторики. То-же велось и повторялось и въ среднемъ и высшемъ классахъ. Вниманіе экзаменаторовъ сосредоточивалось преимущественно на главныхъ предметахъ, вслѣдствіе чего и все вниманіе учащихся сосредоточивалось на тѣхъ-же предметахъ и ихъ преподавателяхъ. Но эти главные наставники въ сущности были несчастными тружениками. По своей службѣ они никакими преимуществами и особенными выгодами не пользовались, даже скудное

наставническое жалованье ихъ ни на одну копѣйку не превышало жалованья другихъ, а между тѣмъ на ихъ долю приходилась масса работы, какой не знали другіе наставники, такъ какъ имъ необходимо было постоянно прочитывать письменныя упражненія учениковъ и исправлять ихъ. Да и чего стоило одно сознаніе, что классъ лежитъ на твоихъ плечахъ и ты—главный отвѣтчикъ за успѣхъ его! А это сознаніе рождалось неизбежно, само собой. Въ частности о наставникахъ риторики можно сказать, что отъ ихъ заботъ и усердія зависѣлъ успѣхъ учащихся въ послѣдующихъ классахъ. Чтобы это не показалось преувеличеніемъ, необходимо дополнить, что въ духовныхъ училищахъ, не исключая и тѣхъ, которыя считались лучшими, преподаваніе велось очень плохо. Какъ ни усердно сѣкли учениковъ, а развить ихъ и порядочно выучить, чему слѣдовало, не умѣли. Вслѣдствіе этого, въ семинарію поступали, въ большинствѣ, питомцы, плохо подготовленные и недостаточно въ умственномъ отношеніи развитые, а потому наставникамъ риторики приходилось трудиться не только надъ тѣмъ, что составляло ихъ прямую задачу и съ чего имъ слѣдовало начинать, но и надъ исправленіемъ и дополненіемъ того, чего не сдѣлали несвѣдущіе училищные педагоги. вмѣсто того, чтобы учить правильному и ясному изложенію мыслей, наставники риторики вынуждались начинать съ грамматики. Это, конечно, и затрудняло ихъ, и отнимало у нихъ много времени, а оно и безъ того было имъ нужно и дорого. Но весь трудъ проходилъ какъ-то незамѣченнымъ и никто изъ этихъ тружениковъ не вопіялъ и не заявлялъ никакихъ протестовъ, потому что это были люди смиренные и терпѣливые, свыкшіеся съ нуждой, а равно и съ той мыслью, что въ духовномъ вѣдомствѣ никакихъ недовольствъ высказывать не полагалось и не дозволялось, а также и потому, что каждый питомецъ академіи, — а изъ нихъ-то и назначались наставники семинаріи, — считалъ своимъ священнымъ долгомъ отслужить четыре года семинарской службы за четыре года обученія въ академіи на казенномъ содержаніи.

Гавріилъ Ивановичъ Нектаровъ былъ уже изъ старыхъ наставниковъ семинаріи, то-есть, онъ уже прослужилъ четыре года обязательной службы, и затѣмъ продолжалъ ее нѣсколько лѣтъ по собственному желанію. Какъ ни страннымъ можетъ показаться, что при скудномъ жалованьи, не оплачивавшемъ трудъ, могли находиться охотники тянуть семинарскую службу безъ всякаго принужденія, тѣмъ не менѣе это не было рѣдкимъ и исключительнымъ явленіемъ: одни изъ наставниковъ предпочитали оставаться на службѣ, имѣя въ виду занять получше священническое мѣсто, другіе — по привычкѣ, а третьи —

съ одной стороны по нежеланію облечься въ рясу, а съ другой — по боязни уволиться изъ духовнаго званія и поступить на гражданскую службу. Изъ этихъ-то старыхъ, то-есть, добровольно остающихся на службѣ наставниковъ и выходили тѣ опытные педагоги, которыми, можно сказать, держалось семинарское образованіе. Къ числу такихъ и принадлежалъ Гавріиль Ивановичъ. И у духовнаго начальства, и среди московскаго духовенства онъ пользовался извѣстностью не только умнаго человѣка, но и опытнаго преподавателя, такъ что иные отцы хлопотали даже о томъ, чтобы ихъ дѣти при поступленіи въ семинарію были зачислены въ его отдѣленіе. И мой отецъ былъ очень обрадованъ, узнавъ, что я поступилъ въ отдѣленіе Г. И. Нектарова.

Ему было лѣтъ около сорока, и вся его фигура и осанка невольно внушали уваженіе къ нему. Роста довольно высокаго, съ умнымъ продолговатымъ лицомъ, съ большимъ лбомъ, съ выразительными глазами и уже съ порядочной плѣшью на головѣ, онъ ходилъ нѣсколько сгорбившись и подаваясь на правую ногу; видъ имѣлъ всегда серьезный и лишь изрѣдка на лицѣ можно было встрѣтить улыбку; при всей серьезности и на лицѣ, и въ глазахъ его, и во всемъ обращеніи съ учениками выражалась сердечная доброта. О немъ можно сказать, что его и боялись, и любили; ни одному, даже записному, баловнику не приходило на умъ выкинуть какой-нибудь купшюкъ, неприятный для Гавр. Ив., и не столько изъ боязни наказанія, сколько потому, что въ отношеніи его это являлось дѣломъ неподходящимъ, которое не встрѣтило бы поддержки въ другихъ.

Войдя въ классъ тихимъ шагомъ и съ серьезной миной, онъ направлялся къ каѳедрѣ и, занявъ на ней мѣсто, принимался за спрашиванье заданнаго урока и за объясненіе того, какой назначался на другой день. Никакіе обычныя ученическіе фокусы, въ родѣ подсказыванья, заглядыванья въ тетрадку, списыванья, при немъ были невозможны: по одному ученику вызывалъ онъ къ каѳедрѣ и здѣсь производилъ испытаніе, которое и давало ему возможность изучить каждаго ученика, какъ говорится, вдоль и поперекъ, а это изученіе вело къ тому, что иныхъ учениковъ онъ спрашивалъ особенно часто, особенно налегалъ на нихъ и зорко слѣдилъ за ихъ письменными занятіями. Нужно замѣтить, что письменныя упражненія всегда играли важную, вѣрнѣе — первостепенную роль въ семинарскомъ обученіи; такое-же значеніе придавалъ имъ и Нектаровъ, обращая на нихъ особенное вниманіе и стараясь пріучить къ нимъ учащихся, поэтому и оставался очень недоволенъ, если попадалось ему упражненіе или списанное, или-же написанное не самимъ ученикомъ. Всѣ его заботы

были направлены къ тому, чтобы заставить каждаго ученика достигать всего своими собственными силами и трудомъ, и Гавр. Ив. превосходно достигалъ этой цѣли.

Мой отецъ принадлежалъ къ числу тѣхъ сердобольныхъ родителей, которые постоянно, причинно и безпричинно, дрожатъ за судьбу своихъ дѣтей, а потому, когда я началъ совершать ежедневныя хожденія въ семинарію, онъ всегда боялся, какъ-бы я, по непривычкѣ къ училищнымъ порядкамъ, не оказался-бы нарушителемъ ихъ, а затѣмъ какъ-бы не отсталъ отъ товарищей и въ самомъ ученіи; вслѣдствіе этого, оставивъ при мнѣ домашняго учителя, особенно интересовался тѣми письменными упражненіями, какія были задаваемы на домъ. Онъ требовалъ, чтобы я, написавъ такое упражненіе, прежде чѣмъ переписать его на бѣло, показалъ ему или учителю, и тогда начинались разныя внушенія мнѣ и поправка всего написаннаго мной, и только послѣ этихъ мытарствъ я получалъ позволеніе переписать задачу. Выходило такимъ образомъ нѣчто странное: не то мое, не то чужое; но дѣлать было нечего, и приходилось волей-неволей обманывать Гавріила Ивановича. Но для меня и эта процедура исправленія и эта выдача чужого за свое были очень непріятны и тяжелы, какъ потому, что самое исправленіе было сопряжено съ не всегда веселыми для меня объясненіями съ отцомъ и учителемъ, такъ и потому, что зналъ, какъ нехорошо смотритъ на подобный обманъ Гавріиль Ивановичъ, наконецъ, и потому, что какъ отецъ и учитель ни хлопотали надъ моими упражненіями, а я за нихъ не получалъ отзыва лучше, какъ: «довольно хорошо» и, рѣдко, «хорошо», а между тѣмъ подъ упражненіями рядомъ сидящихъ товарищей, у которыхъ не было помощниковъ ни отцовъ, ни учителей, красуются, смотришь, подписи: «весьма хорошо» и «очень хорошо». И такое-же коротенькое упражненіе, какъ и мое, а похвала лучше. Что-же это такое? думалъ я. Неужели эти товарищи умнѣе и отца моего, и учителя? И хотѣлось мнѣ и на моихъ упражненіяхъ видѣть такую-же похвалу, какъ у нихъ... Но, кромѣ того, меня затрогивало живо и то, что Гавріиль Ивановичъ, каждый разъ какъ возвращалъ мое упражненіе, посматривалъ на меня такимъ взглядомъ, который казался мнѣ взглядомъ сожалѣнія; мнѣ представлялось, что онъ какъ будто собирается сказать мнѣ что-то, но каждый разъ откладываетъ такое намѣреніе. Что-же онъ хочетъ сказать и внушить мнѣ? Зачѣмъ и почему такъ смотритъ на меня? размышлялъ я. А что, если онъ догадывается, что я не самъ сочиняю, а обманываю его? И какъ будетъ мнѣ стыдно, если онъ при всемъ классѣ выскажетъ это? Но какъ быть? Попробовать подать упраж-

неніе въ томъ видѣ, какъ напишу самъ, значить нарушить волю отца и обмануть его, и, притомъ, что какъ такое упражненіе выйдетъ изъ рукъ вонъ плохо? Тогда и отецъ не погладить по головкѣ, и передъ Гавріиломъ Ивановичемъ придется осрамиться... Такіе вопросы и сомнѣнія роились въ моей головѣ, какъ мальчика, поставленнаго среди двухъ огней: съ одной стороны—требованіе отца, съ другой—наставника и собственное сознаніе, что послѣдній вопль правъ, требуя, чтобы каждый ученикъ справлялся съ занятіями по мѣрѣ собственныхъ силъ. Находясь въ такомъ раздумьи, я близокъ былъ къ тому, чтобы потерять всякую охоту къ письменнымъ упражненіямъ; съ уроками, благодаря хорошей памяти, я справлялся безъ затрудненія, но письменныя упражненія начинали становиться для меня бременемъ и непріятными: идешь, бывало, съ заданнымъ упражненіемъ домой—знаешь, что предстоитъ долгое объясненіе съ отцомъ и учителемъ; а затѣмъ такія будутъ помарки и поправки, въ которыхъ себя не узнаешь; идешь съ написаннымъ упражненіемъ въ классъ—дрожишь, какъ воръ и обманщикъ, сознавая, что несешь не свою работу, а потому можно подвергнуться осмѣянію и порицанію. И надо думать, что эта моя юношеская борьба безъ особеннаго толчка и побужденія не кончилась-бы въ пользу Гавріила Ивановича и самостоятельности моего труда.

Разъ Гавріиль Ивановичъ Нектаровъ заявилъ, что онъ задастъ намъ написать письменное упражненіе въ классѣ, въ продолженіи четырехъ часовъ, съ 8 до 12 утра. Это являлось въ нашихъ глазахъ очень важнымъ событіемъ: дѣло было передъ экзаменами и, значить, Гавріиль Ивановичъ по упомянутымъ задачкамъ намѣренъ судить о способностяхъ и занятіяхъ своихъ учениковъ, а потому всѣ мы и отнеслись съ большою робостью, тѣмъ болѣе, что самое испытаніе было обставлено такъ, что все давало понять особенную цѣль и значеніе его. Не велѣно, напримѣръ, было приносить съ собой никакихъ книгъ и ничего, кромѣ принадлежностей для письма; самъ Гавріиль Ивановичъ, давая тему, оставался все время въ классѣ и съ каедръ зорко слѣдилъ за занятіями учениковъ, такъ что никому не откуда было ожидать помощи, а оставалось ограничиться собственными силами. Предложено было составить «Описаніе осени». Къ двѣнадцати часамъ упражненія были отобраны отъ всѣхъ учениковъ; кто успѣлъ переписать написанное набѣло, тотъ подавалъ переписанное, а кто не успѣлъ, тотъ отдавалъ чернякъ. Я успѣлъ свое произведеніе перебѣлать. Когда я вернулся домой, и отецъ и учитель оказались очень заинтересованными, что я написалъ, но когда прочи-

тали, остались не очень довольны. «Много всякихъ пустяковъ написалъ ты — сказалъ мнѣ отецъ — къ чему-то приплелъ и мальчишекъ съ кубарями, и воронъ, вечеромъ съ крикомъ собирающихся въ садахъ; прочтешь все это Гавріилъ Ивановичъ и подумаетъ, что ты самъ — кубарникъ, ходящій по улицамъ и считающій воронъ». Выслушавъ такую строгую критику, я былъ убѣжденъ, что погибъ, какъ шведъ подъ Полтавой. И зачѣмъ, въ самомъ дѣлѣ, думалось мнѣ, я далъ волю своимъ юнымъ чувствамъ и наблюденіямъ?.. И приготовился я получить назадъ мое творчество съ подписью неудовлетворительной, въ родѣ: «порядочно» или «нехудо». Томительно и скучно прошли для меня нѣсколько дней, пока Гавріилъ Ивановичъ читалъ и оцѣнивалъ напи ученическія произведенія; наконецъ, онъ явился съ кипой ихъ въ классъ и началъ раздавать ихъ по принадлежности. Когда очередь дошла до меня, я стоялъ передъ нимъ ни живъ, ни мертвъ, ожидая суроваго и безпощаднаго приговора, а онъ, отдавая мнѣ мой листокъ, ласковымъ и нѣжнымъ голосомъ сказалъ: «Всегда такъ старайся, молодцомъ будешь», и посмотрѣлъ при этомъ на меня, показалось мнѣ, не прежнимъ, хорошо извѣстнымъ мнѣ, взглядомъ сожалѣнія, а ласково, тепло, привѣтливо. Сѣлъ я на свое мѣсто, заглянулъ въ свой листокъ и глазамъ не повѣрилъ; подписано: «весьма хорошо». Что я почувствовалъ, впервые узрѣвъ такую подпись, и притомъ подъ собственнымъ произведеніемъ, и сказать трудно: мнѣ хотѣлось-бы и сейчасъ-же схвативъ шапку въ охапку, бѣжать опретью домой, чтобы похвастать своимъ успѣхомъ, и хотѣлось-бы сейчасъ-же приняться за новое упражненіе и писать — писать безъ усталости и конца. О! какъ я сразу выросъ въ своихъ глазахъ!

Когда я возвратился изъ семинаріи домой и показалъ свое произведеніе съ полученной отмѣткой отцу и учителю, то они, казалось, были озадачены моимъ успѣхомъ не менѣе меня, и на этотъ разъ о кубаряхъ и воронахъ не было и слова, а отецъ коротко и ясно изрекъ: «умникъ». Итакъ, сразу: «молодецъ» и «умникъ». Какъ-бы то ни было, съ этой задачки совершился переворотъ въ моихъ занятіяхъ, и вопросъ о письменныхъ упражненіяхъ разрѣшился въ моей юной головѣ тѣмъ, что нужно трудиться собственными силами, и потому, когда было дано новое письменное упражненіе, я уже осмѣлился просить отца дозволить мнѣ подать его Гавріилу Ивановичу такимъ, какимъ я напишу его самъ, и отецъ, вѣроятно, подъ вліяніемъ успѣха моего перваго дебюта, не протестовалъ. Такимъ образомъ я выступилъ на путь самостоятельныхъ занятій.

Пробывъ шесть лѣтъ въ семинаріи, я потомъ, по назначенію се-

минарскаго начальства, поступилъ въ Московскую духовную академію, а по окончаніи въ ней курса, былъ назначенъ въ ту-же Московскую семинарію, въ которой воспитывался самъ, преподавателемъ риторики или словесности. Въ теченіе десяти лѣтъ, уже протекшихъ со времени переимѣненія семинаріи изъ Заиконоспасскаго монастыря въ новое зданіе, семинарія нисколько не измѣнилась; разъ заведенные порядки держались прочно и строго. Гавріила Ивановича Нектарова я уже не засталъ въ ней; онъ принялъ монашество и, въ званіи архимандрита, ректорствовалъ въ Виѳанской духовной семинаріи. Понятно само собой, что, занявъ въ семинаріи ту-же должность, какую занималъ и онъ, я невольно часто вспоминалъ его, смотрѣлъ на него, какъ на образецъ для себя, и желалъ подражать ему. Не знаю, какъ теперь, но въ мое время вопроса о томъ, способенъ или неспособенъ быть преподавателемъ окончившій академическій курсъ магистръ или кандидатъ и какой предметъ онъ можетъ лучше преподавать,—не существовало, а дѣло рѣшалось просто: чему прикажутъ учить, тому и учи, безъ отговорокъ и какъ знаешь. Но отсюда выходили иногда прекуръезные случаи, совершенно понятные при томъ раздѣленіи вредметовъ ученія на главные и неглавные, о которомъ было упомянуто выше: иному приходилось сдѣлаться преподавателемъ того, чему онъ самъ плохо учился: а, главное, всѣ вновь назначаемые наставники были людьми неопытными въ дѣлѣ педагогики, незнакомыми съ ней. Вслѣдствіе этой-то неопытности и приходилось вести дѣло или какъ Богъ на душу положить, или руководствуясь примѣрами другихъ. Немудрено, что при такихъ условіяхъ я, въ двадцать три года очутившись въ совершенно неизвѣстной мнѣ роли наставника пятнадцати и шестнадцати-лѣтнихъ дѣтушекъ, и притомъ наставника главнаго предмета, избралъ своимъ образцомъ глубокоуважаемаго бывшаго моего наставника Гавріила Ивановича Нектарова. Подобно ему, я налегалъ на упражненіе учениковъ въ письменныхъ работахъ, придавая имъ главное значеніе, какъ средству умственнаго развитія учащихся; подобно ему, старался всѣхъ заставить заниматься дѣломъ и отучить отъ желанія загребать жаръ чужими руками, вызывая каждого на собственный трудъ; наконецъ, подобно ему-же, я старался дѣйствовать тихо, ласковымъ словомъ убѣжденія и вразумленія. И я былъ убѣжденъ, что дѣйствую правильно и все идетъ у меня отлично, а на дѣлѣ вышло не совсѣмъ такъ и встрѣтилась непріятность, какой я не ожидалъ.

Въ числѣ моихъ учениковъ находился сынъ одного почтеннаго московскаго протоіерея,—юноша возрастной, но избалованный и лѣнивый, видимо, надѣявшійся на значеніе и вліяніе своего батюшки.

Мальчикъ онъ былъ не безъ способностей и могъ-бы учиться очень порядочно, но не хотѣлъ. Въ классѣ ротозѣйничалъ и былъ невнимателенъ, уроковъ не училъ, а затѣмъ мнѣ не трудно было убѣдиться, что онъ подаетъ мнѣ письменныя упражненія не свои, а къ-мъ-то другимъ составляемыя. Я рѣшился, какъ говорится, подтянуть его и заставить заниматься дѣломъ. Начавъ каждый день испытывать его въ знааніи урока и въ повтореніи объясненій его, я достигъ переменъ въ немъ къ лучшему: онъ волей-неволей явился болѣе внимательнымъ къ урокамъ. Тогда я пожелалъ вызвать его и на самостоятельныя письменныя упражненія. Разъ, имѣя въ рукахъ одно изъ его упражненій, явно принадлежащихъ не ему, я заставилъ его передъ всѣмъ классомъ сознаться, что оно дѣйствительно не его, а составлено его почтеннымъ родителемъ. Выказавъ всѣ доказательства того, какъ и насколько нехорошо и неблаговидно выдавать чужой трудъ за свой и обманывать наставника, и замѣтивъ, что я наставникъ—его, а не его родителя, относительно познаній котораго мнѣ нѣтъ нужды знать, я началъ его убѣждать самому заниматься письменными занятіями, прибавивъ въ заключеніе: «пиши самъ, какъ умѣешь; это и для тебя будетъ полезнѣе, и для меня пріятнѣе, а чужихъ издѣлій мнѣ не подсовывай, чьи-бы они ни были». Все это было сказано во всеуслышаніе, спокойно, скорѣй ласково, чѣмъ строго, и съ единственной цѣлью исправить лѣнтяя. Мнѣ казалось, что противъ этого желанія и всего мной сказаннаго не можетъ быть никакихъ возраженій или недовольства и что мнѣ въ этомъ случаѣ самъ родитель паренька будетъ лишь сочувствовать. Однимъ словомъ, я былъ убѣжденъ въ томъ, что совершенно правъ въ своихъ требованіяхъ и лишь исполняю, высказывая ихъ, свою обязанность. А между тѣмъ надъ моею головою уже собиралась тучка.

Прошло недѣли двѣ послѣ упомянутаго объясненія съ ученикомъ, какъ однажды получилъ я приглашеніе явиться къ ректору. Являюсь, вполне увѣренный, что рѣчь будетъ идти о чемъ-нибудь обычномъ.

— Я, сказалъ мнѣ о. ректоръ, принявъ меня и усадивъ въ гостиной,—вынужденъ объяснить съ вами по одному очень щекотливому и, откровенно заявлю, очень непріятному дѣлу, и потому прошу васъ раскрыть всю правду, чтобы я могъ знать и сообразить, какъ без-ошибочнѣе и лучше поступить въ этомъ случаѣ.

Такое неожиданное и серьезное предисловіе о. ректора сразу ошеломило меня и ясно указывало на то, что надо мной виситъ какое-то обвиненіе, которому ректоръ придаетъ важность и которымъ самъ обезпокоенъ. Но такъ какъ я никакой особенной вины за собой не

чувствовать и скрывать мнѣ было нечего, то я охотно далъ честное слово отвѣчать на всѣ вопросы по чистой совѣсти, ничего не извращая и не утаивая

— Дѣло, высказался ректоръ, — вотъ въ чемъ: у меня было одно очень почтенное лицо изъ здѣшняго духовенства и принесло мнѣ жалобу на васъ въ томъ, что вы въ классѣ позволяете себѣ внушать ученикамъ чувства неуваженія и неповиновенія родителямъ. Вы, прибавилъ о. ректоръ, — и сами теперь поймете, какъ серьезна такая жалоба и что я не могу оставить ее безъ разслѣдованія.

Озадаченный такими словами и зная, что о неповиновеніи родителямъ никогда не было и не могло быть и рѣчи, я спокойно отвѣчалъ, что и самъ желаю разъясненія и усерднѣйше прошу его высокопреподобіе о томъ, такъ какъ не только никогда не высказывалъ того, въ чемъ обвиняюсь, но даже и въ умѣ не имѣлъ.

— Такъ-то такъ, и я совершенно вѣрю вамъ, продолжалъ о. ректоръ, — но я все-таки не могу допустить, чтобы почтенное лицо стало приписать жалобу безъ всякаго повода и основанія; былъ-же, вѣроятно, какой-нибудь поводъ; не можете-ли, по крайней мѣрѣ, объяснить этого.

Все еще совершенно далекой отъ мысли, что такимъ поводомъ могли послужить мои внушенія ученикамъ своими силами справляться съ письменными упражненіями и отвергать въ этомъ случаѣ постороннюю помощь, и видя, что въ томъ родѣ, въ какомъ они ведутся, мои объясненія съ ректоромъ ни къ чему не приведутъ и ничего не разъяснятъ, я обратился къ нему съ просьбой назвать то почтенное лицо, которое являлось къ нему съ жалобой.

— Тогда, сказалъ я, — съ вашего согласія я сейчасъ-же отправлюсь къ нему, все разъясню и надѣюсь, что изъ всего выйдетъ мыльный пузырь.

Какъ ни законна была эта моя просьба, но о. ректоръ долго не соглашался исполнить ее. Но я продолжалъ настаивать на томъ, что разъ принесена на меня жалоба, то уже нѣтъ основанія скрывать того, кто принесъ ее, иначе не можетъ быть и оправданія. Доводы мои наконецъ подѣйствовали, и ректоръ назвалъ того протоіерея, съ сыномъ котораго я объяснялся по поводу подачи имъ мнѣ не своихъ, а родительскихъ сочиненій. Тутъ мнѣ уже стало ясно все и, я уже могъ рассказать подробно, въ чемъ дѣло и что я внушалъ и говорилъ.

— И надѣюсь, заключилъ я, — что я былъ правъ, требуя отъ ученика его собственнаго труда и не поощряя его обмана.

— И больше ничего не было? спросилъ все еще не успокоившійся начальникъ.

— Ничего, отвѣчалъ я,—и свидѣтелемъ можетъ быть весь классъ.

— Очевидно, лѣнтяй и глупецъ перевралъ и перепуталъ все; я такъ и объясню отцу протоіерею, заключилъ о. ректоръ, отпуская меня отъ себя.

Оказалось потомъ, что лѣнтяй при первомъ-же случаѣ нагрубилъ отцу, а когда отецъ началъ вразумлять его, онъ въ свое оправданіе сослался на меня, приписавъ мнѣ то, чего я въ умѣ не имѣлъ. Какъ ни какъ, но рассказанный мной случай остался въ моей памяти и приходитъ мнѣ на умъ каждый разъ, когда я слышу разсужденія, что на мѣстѣ-де такого-то нѣтъ и не было ничего труднаго и мудренаго поступить такъ, какъ онъ поступилъ, и что при тѣхъ-же условіяхъ, въ какихъ онъ находился, и всякій поступилъ-бы такъ-же и сдѣлалъ-бы то-же самое. Такое мнѣніе—одно изъ ходячихъ и часто повторяемыхъ, но въ томъ-то и дѣло, что не въ одномъ положеніи и условіяхъ, въ какихъ находится дѣятель, заключается самый успѣхъ его дѣятельности, а и въ способности и умѣніи взяться за дѣло и повести его. Иначе и выйдетъ то-же да не то-же. Мой незабвенный наставникъ Гавріилъ Ивановичъ Нектаровъ умѣлъ вызвать меня на путь самостоятельныхъ занятій безъ всякихъ объясненій, воспользовавшись удобнымъ моментомъ возбудить во мнѣ энергію; я старался въ моей дѣятельности, совершенно схожей съ дѣятельностью его, подражать ему и навлекъ-было на себя большую непріятность.

А. Хитровъ.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ И ЧИТАТЕЛЬНЫЯ БЕСѢДЫ.

(Матеріалы для біографіи В. Я. Стоюнина).

Владиміръ Яковлевичъ Стоюнинъ окончилъ третью гимназію въ 1846 году, въ числѣ восемнадцати человѣкъ, составлявшихъ девятнадцатый выпускъ этого заведенія. Экзамены для В. Я. прошли довольно успѣшно, какъ это видно изъ аттестата гимназіи, въ которомъ значится, что, при *отличномъ* поведеніи, на окончательномъ испытаніи имъ были оказаны слѣдующіе успѣхи: по Закону Божію, русской словесности и логикѣ—отличные (5), по физикѣ и исторіи—хорошіе (4); по математикѣ, географіи, языкамъ: греческому, латинскому, нѣмецкому и французскому — достаточные (3). На основаніи этихъ отмѣтокъ совѣтомъ гимназіи ему назначено *девятое* мѣсто въ числѣ восемнадцати, окончившихъ курсъ въ 1845—1846 учебномъ году.

Разсматривая эти отмѣтки, мы видимъ, что В. Я. уже въ періодъ школьнаго обученія обнаружилъ особые успѣхи въ словесныхъ наукахъ, на поприщѣ которыхъ впоследствии онъ стяжалъ себѣ такую почетную извѣстность. Дѣйствительно, историко-литературныя занятія и особенно словесность составляли любимые предметы В. Я., что можно заключить, между прочимъ, изъ слѣдующаго обстоятельства. Последніе годы ученія В. Я. въ гимназіи совпали съ управленіемъ Петербургскимъ учебнымъ округомъ М. Н. Муссинымъ-Пушкинымъ. Поощряя занятія русскимъ языкомъ и словесностью, послѣдній, вскорѣ послѣ вступленія въ управленіе округомъ, издалъ распоряженіе, которымъ ввелъ въ подвѣдомственныхъ ему гимназіяхъ особыя *литературныя бесѣды*. Цѣль этихъ «бесѣдъ», какъ говорилось въ предписаніи попечителя, заключается въ желаніи возбудить соревнованіе между воспитанниками гимназій Петербургскаго учебнаго округа въ ихъ занятіяхъ словесностью и литературою. Эти бесѣды происходили

въ двухъ старшихъ классахъ въ особо отведенные часы, сначала каждую недѣлю, а позднѣе по два раза въ мѣсяць. На литературныхъ бесѣдахъ читались и разбирались сочиненія учениковъ двухъ старшихъ классовъ, написанныя ими на свободно избранныя темы, въ присутствіи начальства заведенія, преподавателя словесности, который руководилъ «бесѣдой», и преподавателя того предмета, къ которому относилось написанное сочиненіе. Послѣ разбора на литературной бесѣдѣ эти сочиненія съ замѣчаніями преподавателя словесности пересылались директоромъ въ округъ, откуда возвращались съ замѣчаніями профессоровъ, и въ циркулярахъ попечителя дѣлалась оцѣнка особо выдающихся трудовъ учениковъ, съ указаніемъ фамилій авторовъ и названія ихъ произведеній. Въ началѣ 1846 года въ третьей гимназій была первая такая бесѣда, на которой читались и разбирались два сочиненія, изъ нихъ одно подъ заглавіемъ: «Бѣглый взглядъ на исторію образованія», принадлежало ученику седьмого класса Владиміру Стоюнину. Объ этомъ сочиненіи въ циркулярѣ было сказано: «Во всемъ сочиненіи замѣтна нетвердость, неопытность автора; нигдѣ не видно, что собственно разумѣетъ онъ подъ образованіемъ. Есть, впрочемъ, замѣчанія основательныя. Выборъ темы, кажется, не по силамъ автора, но можетъ служить доказательствомъ его любознательности и наблюдательности».

По окончаніи курса гимназій, В. Я. поступилъ въ Петербургскій университетъ своекоштнымъ студентомъ «по философскому факультету, перваго разряда, втораго отдѣленія», какъ значится въ собственно-ручной отмыткѣ В. Я. въ вѣдомости, представленной попечителю учебнаго округа. Какіе мотивы руководили В. Я. при избраніи философскаго факультета, историко-филологическаго отдѣленія, разряда восточной словесности, мы знаемъ по обнародованнымъ выдержкамъ изъ дневника В. Я.: поступаая на этотъ факультетъ, В. Я. мечталъ о службѣ въ Персіи или въ Турціи при нашемъ посольствѣ. Это поприще манило его потому, что какъ нельзя болѣе отвѣчало мечтательному характеру его, привыкшему жить воображеніемъ и испытывавшему уныніе и раздраженіе отъ окружающей его дѣйствительности, которая, къ слову сказать, была для В. Я. особенно суровой, благодаря неблагоприятно сложившимся семейнымъ матеріальнымъ обстоятельствамъ. Кто-то сказалъ В. Я., что кандидатъ по восточной словесности можетъ поступить въ Министерство Иностранныхъ Дѣлъ въ приготовительный пансіонъ, откуда черезъ два года быть посланнымъ на службу при нашемъ посольствѣ въ Константинополь, Тегеранъ или Каиръ. «Мнѣ представлялось столько поэзій въ жизни Во-

стока, что я не прельщался болѣе ничѣмъ, и мой выборъ былъ сдѣланъ» *).

Въ дополненіе къ этимъ мотивамъ поступленія В. Я. на восточное отдѣленіе философскаго факультета добавимъ, что изъ числа восемнадцати товарищей-однокурсниковъ тотъ-же факультетъ избрали десять человѣкъ, и, сверхъ того, одинъ поступилъ вмѣстѣ съ В. Я. также на восточное отдѣленіе факультета.

В. Я., какъ извѣстно, принадлежалъ къ сословію мѣщанъ; поэтому, окончивъ гимназію, онъ получилъ только временное свидѣтельство, которое не давало ему права поступить ни въ гражданскую службу, ни въ студенты университета; для полученія-же аттестата онъ долженъ былъ представить увольнительное свидѣтельство отъ своего общества.хлопоты объ этомъ увольненіи затянулись до конца 1846 г., и В. Я. получилъ возможность формально попасть въ университетъ только въ январѣ 1847 года, хотя лекціи В. Я. посѣщалъ съ начала академическаго года. Увольнительное свидѣтельство В. Я. было получено въ октябрѣ 1846 года.

На основаніи этого увольнительнаго свидѣтельства, въ декабрѣ 1846 года послѣдовалъ указъ Правительствующаго Сената объ исключеніи Стоюнина изъ подушнаго оклада, о чемъ въ январѣ 1847 года и увѣдомилъ гимназическое начальство попечитель учебнаго округа съ предписаніемъ выдать В. Я. надлежащій аттестатъ объ окончаніи гимназіи, давшій ему формальное право зачислиться въ студенты университета.

Четыре года университетскихъ занятій прошли для В. Я. очень быстро. Сначала увлеченный идеей посвятить себя службѣ на Востоку, В. Я., по его собственнымъ словамъ, ревностно принялся за изученіе арабскаго, а затѣмъ и персидскаго языковъ; но плохой составъ профессоровъ скоро охладилъ въ немъ этотъ пылъ. По счастливой случайности, лица, занимавшія профессорскія кафедрѣ по другимъ предметамъ, оказались вполне на высотѣ своего положенія. Это были Устряловъ, читавшій исторію, Плетневъ — исторію русской литературы, и Никитенко, читавшій русскую словесность. Вліяніе лекцій этихъ профессоровъ, особенно-же двухъ послѣднихъ, было чрезвычайно полезно для В. Я. Благодаря имъ, В. Я. вскорѣ отдается исключительно изученію поэзіи и словесности, склонность къ кото-

*) «Истор. Вѣстн.» 1889 г. № 2. «В. Я. Стоюнинъ», Б. Б. Глинскаго.

рымъ, какъ мы видѣли, онъ обнаружилъ еще на школьной гимназической скамьѣ.

Вмѣстѣ съ этою склонностью В. Я. вынесъ изъ своего пребыванія въ университетѣ еще одно качество, которое не только помогло ему на первыхъ порахъ самостоятельной жизни въ борьбѣ за существованіе, но вмѣстѣ съ тѣмъ сохранило его мечтательную натуру отъ пессимизма и поддержало въ немъ энергію жизни. Мы уже упоминали, что В. Я. слушалъ исторію литературы у Плетнева, который въ это время издавалъ «Современникъ», унаслѣдовавъ его отъ Пушкина. Плетневъ, не говоря о его другихъ достоинствахъ, по свѣдѣтельству самого В. Я., «умѣлъ возбудить въ слушателяхъ охоту пробовать силы свои въ разныхъ родахъ литературныхъ произведеній». И вотъ подъ этимъ-то вліяніемъ, еще съ дѣтства тлѣвшія постояннымъ огнемъ идеальныя стремленія, влекшія его, по личному сознанію В. Я., къ какой-то широкой дѣятельности и притомъ свободной, словомъ—поприще писателя, получаютъ сильный толчекъ, и развиваются въ немъ въ видѣ тѣхъ устоевъ, которые впоследствии послужили прочнымъ основаніемъ его литературной извѣстности. Еще на университетской скамьѣ онъ пишетъ сочиненіе на историко-литературную тему, за которое получаетъ почетный отзывъ. Затѣмъ, пользуясь знаніемъ итальянской литературы, пріобрѣтленнымъ благодаря талантливому лектору этого языка въ университетѣ г. Манцини, В. Я. пишетъ самостоятельную статью, которую и печатаетъ въ 1848 году въ «Библіотекѣ для чтенія» подъ заглавіемъ: «Искусство и литература въ древнемъ и новомъ мірѣ» *).

Литературныя труды вмѣстѣ съ уроками въ частныхъ домахъ даютъ жизненные средства В. Я. на первыхъ порахъ по окончаніи университетскаго образованія. Въ это время онъ печатаетъ въ «Библіотекѣ-же для чтенія» новую статью: «Яковъ Борисовичъ Княжичъ» и участвуетъ въ «Вѣдомостяхъ С.-Петербургской Городской Полиціи» и въ «Сынѣ Отечества». Педагогическія-же занятія въ частныхъ домахъ, доставлявшія ему средства еще на школьной скамьѣ, постепенно развиваютъ въ немъ склонность къ дѣятельности этого рода, которой онъ наконецъ и рѣшаетъ себя посвятить. Съ этою цѣлью въ началѣ 1851 года онъ обращается съ письмомъ къ попечителю Кавказскаго учебнаго округа, прося его доставить мѣсто преподавателя въ одной изъ гимназій въ Закавказскомъ округѣ. Въ этомъ избраніи

*) «Истор. Вѣстн.», февраль 1889 г. Д. Д. Языковъ, «Учено-литературныя труды В. Я. Стоюнина».

округа, намъ кажется, сказалась забытая-было слабость къ Востоку, опредѣлившая, какъ мы уже видѣли, и избраніе факультета. Эта просьба В. Я., однако, остается безъ отвѣта до мая слѣдующаго года, когда новый попечитель Кавказскаго учебнаго округа обратился въ Петербургскій округъ съ требованіемъ свѣдѣній «о поведеніи и нравственныхъ качествахъ» В. Я. «и объ оказанныхъ успѣхахъ въ наукахъ», предполагая удовлетворить просьбу В. Я. Это предложеніе оказалось, однако, запоздалымъ, такъ какъ въ это время В. Я. уже получилъ занятіе въ воспитавшей его третьей гимназіи. Дѣйствительно, еще въ февралѣ 1852 года В. Я. былъ «допущенъ въ видѣ опыта къ преподаванію русской словесности въ IV и V классахъ» гимназіи, а по выдержаніи въ университетѣ экзамена на старшаго учителя гимназіи, утвержденъ въ этомъ званіи лѣтомъ того же года. При такихъ обстоятельствахъ В. Я., конечно, отвѣчалъ отказомъ на сдѣланное ему предложеніе попечителя Кавказскаго учебнаго округа. Вотъ что онъ писалъ въ своемъ объясненіи по этому поводу Петербургскому попечителю округа Муссину-Пушкину. «Въ прошломъ 1851 году, не надѣясь скоро получить служебнаго мѣста въ С.-Петербургѣ и не имѣя надежныхъ занятій, которыя мнѣ могли-бы доставить вѣрныя средства для содержанія, я просилъ чрезъ письмо г. попечителя Кавказскаго учебнаго округа объ учительскомъ мѣстѣ въ Закавказскомъ краѣ; но въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ не получалъ никакого извѣстія. Въ началѣ-же нынѣшняго года, узнавъ объ отставкѣ г. попечителя Кавказскаго учебнаго округа, я сталъ считать мою просьбу забытою, и потому уже не ожидалъ никакого приглашенія. Въ концѣ февраля мѣсяца, съ разрѣшенія его превосходительства г. попечителя Петербургскаго учебнаго округа, вслѣдствіе моей просьбы, я занялъ, какъ частный учитель, нѣсколько классовъ по русской словесности въ 3-й с.-петербургской гимназіи; если его превосходительство найдетъ меня достойнымъ занимать это мѣсто, то петербургскую гимназію я всегда предпочту гимназіи всякаго другаго края, потому что въ Петербургѣ представляется довольно средствъ безъ затрудненій заниматься наукою, которой я посвятилъ себя, а тѣмъ болѣе для меня будетъ лестно служить въ той гимназіи, которая меня воспитала, подъ ближайшимъ надзоромъ вашего превосходительства».

На первыхъ-же шагахъ своей дѣятельности въ качествѣ преподавателя русской словесности въ старшихъ классахъ гимназіи В. Я. поручается отвѣтственное дѣло веденія «литературныхъ бесѣдъ», о

которыхъ мы выше упоминали. Въ бумагѣ, которой директоромъ возлагалась на В. Я. эта обязанность, между прочимъ, говорилось: «Исполняя постановленныя правила для литературныхъ бесѣдъ въ третьей петербургской гимназiи, вы будете вести счетъ бесѣдамъ и въ концѣ каждаго семестра, къ 20-му декабря и 10-му iюня, представлять мнѣ свѣдѣнiя: 1) сколько было литературныхъ бесѣдъ, въ какiя числа и въ какiе дни; 2) сколько вообще прочитано сочиненiй въ бесѣдахъ; 3) какiя именно сочиненiя читаны на каждой бесѣдѣ, какими воспитанниками и какихъ классовъ; 4) какiя изъ прочитанныхъ сочиненiй наиболее заслужили одобренiя и 5) кто изъ воспитанниковъ преимущественно успѣваетъ въ словесности изученiемъ теорiи и своими сочиненiями». Обязанности наблюдателя и руководителя литературными бесѣдами В. Я. и исполнялъ за все остальное время существованiя этихъ бесѣдъ въ гимназiи, т.-е. до 1856 года.

Литературныя бесѣды, какъ мы уже имѣли случай сказать, были введены попечителемъ Петербургскаго учебнаго округа М. Н. Муссинымъ-Пушкинымъ въ 1845 году при гимназiяхъ Петербургскаго учебнаго округа. Цѣль этихъ бесѣдъ слѣдующимъ образомъ формулирована въ § 1 особыхъ правилъ: «Для усиленiя успѣховъ въ русской словесности и возбужденiя по сему предмету соревнованiя между учениками VI и VII классовъ гимназiй Петербургскаго учебнаго округа, учреждаются при каждой изъ нихъ литературныя бесѣды два раза въ мѣсяць по назначенiю директора по полтора часа въ свободное отъ другихъ занятiй время». На этихъ литературныхъ бесѣдахъ ученики двухъ старшихъ классовъ поочередно читали свои сочиненiя, написанныя на свободно избранныя темы. По прочтенiи сочиненiя, товарищи слушатели должны были дѣлать свои замѣчанiя о достоинствѣ прочитанныхъ работъ или недостатковъ. Замѣчанiя эти не являлись случайными и безцѣльными разсужденiями, а должны были, какъ говорится въ тѣхъ-же правилахъ, касаться: избранiя самой темы и точки зрѣнiя, съ которой молодой авторъ смотритъ на нее, расположенiя входившихъ въ нее статей, вѣрности и полноты сообщаемыхъ свѣдѣнiй и, наконецъ, выраженiя, т.-е. исполненiя условiй въ отношенiи языка и слога. Въ свою очередь, авторъ имѣлъ право и даже обязывался защищаться и отстаивать свой способъ изложенiя. По истеченiи каждаго мѣсяца, сочиненiя, прочитанныя на литературныхъ бесѣдахъ, представлялись въ округъ въ черновомъ и исправленномъ видѣ, откуда возвращались съ замѣчанiями профессора, которому попечителемъ была поручена сравнительная оцѣнка представленныхъ работъ гимназiй всего округа; вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ мы

уже сказали, эта оцѣнка доводилась до общаго свѣдѣнія въ циркулярахъ по учебному округу.

Таковы въ общихъ чертахъ цѣль и условія исполненія литературныхъ бесѣдъ. Какъ видитъ читатель, дѣло было поставлено весьма серьезно. Поэтому, говоримъ мы, роль руководителя этихъ бесѣдъ являлась въ высшей степени важной, трудной и отвѣтственной. А этимъ лицомъ являлся преподаватель словесности. Онъ предварительно просматривалъ сочиненія, написанныя учениками; на него возлагалось главное руководство этими бесѣдами, хотя на нихъ, согласно съ тѣми же правилами, обязаны были присутствовать директоръ, инспекторъ и преподаватель того предмета, по которому избрана тема сочиненія. Преподаватель-же словесности обязанъ былъ руководить преніями на литературныхъ бесѣдахъ, а по окончаніи взаимнаго обмѣна мыслей между учениками, давать нѣчто въ родѣ резюме, въ которомъ ему вмѣнялось въ обязанность объяснить степень справедливости сдѣланныхъ возраженій, сдѣлать самому во всѣхъ отношеніяхъ подробный разборъ и оцѣнку прочитанному сочиненію и наконецъ исправить оказавшіяся погрѣшности.

Таковы въ главныхъ чертахъ были формальныя обязанности руководителя литературныхъ бесѣдъ, преподавателя словесности; но этимъ дѣло само собою не ограничивалось. Выше мы сказали, что тема для сочиненій избиралась свободно. Само собою разумѣется, что понятіе «свободно» должно быть принято въ данномъ случаѣ съ извѣстнымъ ограниченіемъ: несомнѣнно, что на этотъ свободный выборъ темъ вліяніе В. Я. сказывалось въ сильной степени, выражалось-ли оно прямо въ указаніи темъ, согласно просьбѣ самихъ воспитанниковъ, или въ формѣ совѣта, рекомендаціи и т. п. Да иначе, конечно, и быть не могло, такъ какъ только такимъ путемъ и возможно было достигнуть извѣстнаго единства и опредѣленной цѣли въ этого рода литературныхъ занятіяхъ.

Въ теченіи четырехъ лѣтъ (съ 1852 по 1856 годъ) руководства В. Я. бесѣдами ихъ было всего шестьдесятъ восемь; на нихъ было прочитано сто восемнадцать сочиненій. Не смотря на глубокой интересъ, мы, конечно, не имѣемъ возможности сдѣлать подробное обзорѣніе всѣхъ темъ такого значительнаго количества литературныхъ работъ и должны ограничиться только самыми общими выводами.

При первомъ взглядѣ на темы сочиненій, прочитанныхъ на литературныхъ бесѣдахъ подъ руководствомъ В. Я., невольно удивляешься ихъ разнообразію. Здѣсь прежде всего вы встрѣчаете работы по всѣмъ отдѣламъ словесности: есть и повѣствованія, и описанія, и критиче-

скіе разборы, и разсужденія и т. д. При этомъ предметы для сочиненій избираются самыя разнообразныя, и это разнообразіе, на нашъ взглядъ, является краснорѣчивымъ свидѣтельствомъ широты взгляда В. Я. и энергіи его труда. Для примѣра мы приведемъ темы сочиненій, написанныхъ въ первую половину 1852—1853 учебнаго года, т.-е. на первыхъ-же шагахъ дѣятельности В. Я. въ этой области. Въ теченіе времени съ августа по январь мѣсяць всего было девять литературныхъ бесѣдъ; на нихъ было прочитано пятнадцать сочиненій на слѣдующія темы: историческія: «Разореніе Іерусалима Титомъ» и «Генрихъ IV»; описательныя: «Жизнеописаніе мухи» и «Описаніе города Пинска»; повѣствовательныя: «Путевыя записки», «Воспоминанія дѣтства» и «Тройка»; критико-литературныя: разборъ стихотворенія Жуковскаго «Лебедь», «Характеръ скупого, представленный Гоголемъ и Пушкинымъ», «О басняхъ Крылова», «Разборъ драматической сцены у Пушкина: Моцартъ и Сальери», разборъ поэмы Гоголя «Тарасъ Бульба»; наконецъ разсужденія: «Мысли о русской странѣ» и «Выставка картинъ въ Императорской академіи художествъ».

Само собою разумѣется, что съ теченіемъ времени опытъ въ веденіи литературныхъ бесѣдъ оказываетъ свое вліяніе и на В. Я. Преобладаніе критико-литературныхъ темъ въ первое, напр., полугодіе въ извѣстной степени свидѣтельствуетъ о специализаціи этого рода литературныхъ упражненій въ интересахъ непосредственныхъ успѣховъ въ изученіи русскаго языка и словесности. Съ теченіемъ-же времени взглядъ В. Я. расширяется все болѣе и болѣе, и онъ начинаетъ смотрѣть на литературныя бесѣды, главнымъ образомъ, какъ на средство нравственнаго развитія учащихся и возбужденія ихъ самостоятельнаго мышленія. Доказательство этого мы видимъ въ постепенной смѣнѣ темъ, взятыхъ изъ области словесности и литературы, темами разсужденій по предметамъ, имѣющимъ самое отдаленное отношеніе къ предмету преподаванія В. Я. въ тѣсномъ смыслѣ слова; укажемъ на нѣкоторыя изъ темъ этого рода: «О русской свободѣ», «О церкви св. Петра въ Римѣ», «Впечатлѣніе, произведенное выставкою картинъ въ Академіи Художествъ», «Завѣтныя мысли русскаго», «Русскія литературныя общества XIX столѣтія», «Юность и просвѣщеніе», «Дѣтство и родина», «Двѣ картины», «Столѣтіе Московскаго университета», «О поэтѣ», «Дума на могилѣ Ломоносова», «Почему варяго-русь, поселившіеся въ землѣ славянской, утратили свою народность» и т. п.

М. Н. Муссинъ-Пушкинъ, инициативѣ котораго, какъ мы видѣли, принадлежали литературныя бесѣды, чрезвычайно ревниво слѣдилъ

за успѣхомъ своего нововведенія. Въ началѣ онъ требовалъ донесеній о литературныхъ бесѣдахъ отъ начальства гимназій по полугодіямъ, а съ 1854 года о литературныхъ бесѣдахъ вмѣнялось въ обязанность доносить въ ежемѣсячныхъ рапортахъ. Вниманіе, съ какимъ относился М. Мусситъ-Пушкинъ къ литературнымъ бесѣдамъ, свидѣтельствуется также еще его циркулярами, представляющими любопытный документъ въ исторіи нашего просвѣщенія. Эти циркуляры издавались по одному и тому-же типу. Сначала приводились общія цыфры сочиненій, прочитанныхъ въ гимназіяхъ Петербургскаго учебнаго округа и количество представленныхъ въ округъ каждой изъ нихъ. Далѣе слѣдовала общая-же характеристика этихъ сочиненій, также похожая одна на другую; для сравненія мы приведемъ нѣкоторыя изъ нихъ: «Общее направленіе всѣхъ сочиненій—говорится въ одной изъ нихъ—найдено мною вполне удовлетворительно: всѣ сочиненія проникнуты патріотическимъ чувствомъ, исполнены благородства и чистоты въ образѣ мыслей, вездѣ видно стремленіе къ усовершенствованію, за что вмѣняю въ пріятную обязанность директорамъ всѣхъ гимназій изъявить совершенную мою благодарность». «Приличнымъ выборомъ темъ, направленіемъ всѣхъ этихъ сочиненій и тщательностью обработки ихъ—говорится въ другомъ циркулярѣ—я вообще доволенъ и нахожу представленные въ настоящемъ году (1855) сочиненія удовлетворительнѣе прежнихъ въ томъ отношеніи, что рѣшительно слабыхъ между ними не замѣчается ни одного. Особеннаго одобренія моего заслуживаютъ 56 сочиненій, которыя, на основаніи § 5 утвержденныхъ мною правилъ о литературныхъ бесѣдахъ, предлагаю въ каждой гимназіи по принадлежности вписать въ особую существующую для этой цѣли книгу». Такія книги хранились въ бібліотекахъ гимназій и составляютъ одинъ изъ любопытныхъ документовъ для исторіи каждой гимназіи.

За такого рода общюю характеристику слѣдовала общая-же краткая оцѣнка сочиненій по гимназіямъ, съ перечисленіемъ наилучшихъ работъ. Мы приведемъ нѣкоторыя изъ этихъ характеристикъ, относящихся къ періоду руководительства бесѣдами В. Я. «Сочиненія учениковъ третьей гимназіи могутъ быть названы весьма удовлетворительными—говорится въ циркулярѣ, оцѣнивающимъ литературныя бесѣды за первую половину 1852—1853 учебнаго года, т.-е. первый годъ руководительства В. Я.—Основательность направленія и тщательная самостоятельная обработка темъ по источникамъ составляютъ главное ихъ достоинство». «Сочиненія учениковъ третьей гимназіи—говорится въ болѣе позднемъ циркулярѣ—отличаются особенною ло-

гическою стройностью изложенія, на что обращено здѣсь полное вниманіе». «По выбору темъ сочиненій—читаемъ въ третьемъ циркулярѣ—третья гимназія представляетъ большое разнообразіе; но особенною обработкою отличаются сочиненія на историческія темы» и т. п. Эти характеристики приобретутъ особое значеніе, если мы сопоставимъ ихъ, напр., съ такого-же рода оцѣнкой дѣятельности другихъ гимназій въ этой области. Вотъ, напр., что говорится о сочиненіяхъ, представленныхъ витебской гимназіей: «Въ сочиненіяхъ учениковъ витебской гимназіи желательно было-бы видѣть болѣе основательности; нѣкоторыя историческія сочиненія написаны наскоро и состоятъ изъ простыхъ извлеченій и выписокъ; сочиненія въ описательномъ родѣ сухи, или исполнены общихъ мѣстъ, а на темы по теоріи языка нѣтъ ни одного сочиненія» и т. д.

Въ заключеніе каждаго циркуляра обыкновенно дѣлались нѣкоторыя общія указанія къ руководству на будущее время, вытекавшія изъ рассмотрѣнныхъ сочиненій. Такъ, напр., въ одномъ изъ циркуляровъ за 1852 годъ дѣлаются слѣдующія указанія относительно выбора темъ, обработки ихъ по источникамъ и языка:

«Изъ 260 темъ, обработанныхъ въ настоящемъ академическомъ году на литературныхъ бесѣдахъ, замѣчены мною шесть темъ, превышающихъ кругъ познаній воспитанниковъ гимназіи, или по общности своей не представляющихъ собою никакой пищи для надлежащей ихъ обработки. На устраненіе этого недостатка предлагаю обратить особое вниманіе гг. преподавателей. Темы по части исторіи вообще и русской въ особенности я вполне одобряю. Необходимо только, чтобы темы эти обрабатывались по прямымъ источникамъ. Упражняясь въ русскомъ языкѣ, ученикъ вмѣстѣ съ тѣмъ знакомится съ отечественною исторіею, съ нравами и обычаями предковъ. Кромѣ того, при выборѣ предмета изъ отечественной исторіи, воспитанникъ, читая лѣтописи, знакомится съ древнимъ русскимъ языкомъ и знакомится, такъ сказать, нечувствительно: это самый легкій, практический способъ изученія нашего древняго языка. Темы, имѣющія предметомъ разборъ замѣчательныхъ литературныхъ произведеній, какъ возбуждающія самодѣятельность мышленія и развивающія въ воспитанникѣ вкусъ къ изящному, я также признаю вполне полезными и соответствующими цѣли учрежденія литературныхъ бесѣдъ. Но для разнообразія и большаго оживленія литературныхъ бесѣдъ, не слѣдуетъ ограничиваться исключительно этими темами». А вотъ что говорится относительно обработки ихъ по источникамъ: «Въ сочиненіяхъ воспитанниковъ указываются источники вообще, но не дѣлаютъ

ся болѣ частныхъ ссылокъ на отдѣльные мѣста, что необходимо. Такое указаніе одинаково полезно и для автора, и для тѣхъ изъ его товарищей, которые будутъ дѣлать ему замѣчанія: авторъ съ большимъ вниманіемъ прочтетъ книгу, служащую ему руководствомъ, и будетъ отчетливѣе въ изложеніи; возражающій также заглянетъ въ книгу, чтобы оцѣнить, какъ воспользовался ею сочинитель.

«Языкъ составляетъ главный предметъ, на который должно обращать вниманіе въ сочиненіяхъ воспитанниковъ: легко можно простить ученику гимназіи, если онъ считаетъ несомнѣнною истину, въ которой еще сомнѣваются глубокіе ученые; но нельзя простить синтаксическихъ и орфографическихъ ошибокъ, какія встрѣчаются еще, къ сожалѣнію, въ сочиненіяхъ воспитанниковъ нѣкоторыхъ гимназій. Строгое исполненіе этого правила подтверждаю имѣть въ виду на будущее время всѣмъ гг. преподавателямъ».

Въ циркулярѣ 1853 года мы находимъ слѣдующія указанія относительно способа изложенія и обработки языка:

«Для ученика несравненно полезнѣе подробное изложеніе содержанія какого-либо литературнаго произведенія, нежели характеристика писателя въ общихъ чертахъ, какъ это замѣчено въ нѣкоторыхъ разборахъ. Такой способъ знакомиться съ словесностью отечественною и иностранною есть самый вѣрный по основанію и самый полезный по слѣдствіямъ. Привыкнувши отдавать себѣ отчетъ въ прочитанныхъ сочиненіяхъ, ученикъ самъ собою придетъ къ убѣжденію, что занятіе словесностью не есть только пріятное препровожденіе времени, а занятіе серьезное, способствующее и умственному и нравственному образованію. Всякая истина дѣйствуетъ сильнѣе, когда является въ видѣ болѣе доступномъ, а для молодаго ума всего доступнѣе форма произведеній изящной словесности, гдѣ часто самая глубокая мысль изложена съ увлекательною простотою и ясностью. При каждомъ новомъ опытѣ ученикъ сдѣлаетъ шагъ впередъ и въ отношеніи слога: излагаемое произведеніе необходимо перечитать нѣсколько разъ, а при этомъ истинно прекрасныя выраженія нечувствительно останутся въ памяти ученика и сдѣлаютъ слогъ его лучшимъ.

«Полезно было-бы обращать вниманіе не только на содержаніе и слогъ вообще представляемыхъ на бесѣды сочиненій; но разбирать даже отдѣльныя выраженія, вызывать автора и другихъ учениковъ—находить неточность въ такихъ выраженіяхъ, которыя съ перваго взгляда кажутся правильными. Нельзя перебрать всѣ выраженія, но можно и должно наиболѣе замѣчательныя. Изъ приписокъ на поляхъ видно, что возраженія учениковъ касаются преимущественно содер-

жанія, а не способа выраженія, между тѣмъ какъ послѣдній долженъ-бы былъ вызвать много возраженій, опровергнуть которыя было-бы истинною честью для автора. Весьма полезно было-бы касаться при возраженіяхъ всѣхъ свойствъ языка, не забывая ни извѣстныхъ прилагательныхъ, не въ надлежащемъ смыслѣ употребленныхъ при существительныхъ, ни неточнаго употребленія предлоговъ и союзовъ и т. п. Пусть лучше ученикъ будетъ слишкомъ строгъ и разборчивъ при опредѣленіи правильности выраженія, нежели слишкомъ расточителенъ на выраженія неправильныя. Какъ нельзя оставить безъ вниманія ни одной мысли въ сочиненіи, такъ нельзя пренебречь ни одного выраженія, потому что прямая цѣль литературныхъ бесѣдъ состоитъ сколько въ содѣйствіи къ умственному и нравственному развитію воспитанниковъ, столько и въ возможно полномъ и близкомъ ознакомленіи ихъ со всѣми свойствами и сокровищами отечественнаго языка».

Наконецъ, приведемъ еще одно заключеніе циркуляра, характеристичное, между прочимъ, своею, такъ сказать, непосредственностью въ указаніи особыхъ сторонъ литературныхъ работъ, выраженнаго съ тою прямою, какою отличался М. Муссинъ-Пушкинъ.

«Между сочиненіями учениковъ гимназій замѣчено мною нѣсколько извлеченій изъ трудовъ, принадлежащихъ извѣстнымъ писателямъ. Подобныя извлеченія, подробно ознакомляя учениковъ съ замѣчательными произведеніями литературы, дѣйствительно приносятъ несомнѣнную пользу; но вмѣстѣ съ тѣмъ я считаю необходимымъ, чтобы извлеченія эти дѣлались не по той системѣ, по которой расположенъ трудъ, составляющій предметъ извлеченія. При этомъ условіи и въ самомъ извлеченіи будетъ замѣтенъ самостоятельный трудъ ученика: ибо тогда всякая мысль будетъ обдумана и ясно сознаана ученикомъ, а это обстоятельство весьма важно для его умственнаго развитія.

«Разборы историческихъ драмъ на основаніи историческихъ источниковъ я вполне одобряю и на будущее время предписываю слѣдовать при подобныхъ разборахъ этой методѣ, дающей обильную пищу соображенію воспитанниковъ».

«Сравнительные разборы писателей, принадлежащихъ къ разнымъ эпохамъ, я считаю также весьма полезными. Подобныя сравненія могутъ дать ученику и болѣе вѣрное понятіе о предметѣ, предохраняя его отъ односторонности и нечувствительно приводя къ убѣжденію, что заслуги писателя имѣютъ неоспоримое право на уваженіе, къ какому-бы времени онъ ни принадлежалъ и какъ-бы различно ни смотрѣли на значеніе его литературной дѣятельности».

«Для переводовъ полезнѣе выбирать мѣста изъ сочиненій, не обширныя по объему, но замѣчательныя по употребленнымъ въ нихъ выраженіямъ и оборотамъ. При переводѣ подобныхъ оборотовъ на русскій языкъ представляются трудности, преодоленіе которыхъ и составляетъ главную задачу подобныхъ упражненій. Въ этомъ отношеніи особенно полезны переводы трудныхъ мѣстъ изъ древнихъ классиковъ».

«Къ крайнему моему сожалѣнію, въ сочиненіяхъ учениковъ ви-тебской и въ особенности могилевской и динабургской гимназій замѣчены грубыя орфографическія ошибки. За такую небрежность я дѣлаю преподавателямъ словесности сихъ гимназій (слѣдуютъ фамиліи) строгій выговоръ и предписываю директорамъ гимназій (также слѣдуютъ фамиліи) обратить полное вниманіе на устраненіе подобнаго недостатка, нетерпимаго въ сочиненіяхъ учениковъ высшихъ классовъ гимназій».

«Предлагая вамъ, милостивый государь, принять всѣ эти замѣчанія къ надлежащему исполненію—говорится въ заключеніи циркуляра—въ дополненіе къ правиламъ о литературныхъ бесѣдахъ, и возвращая вамъ сочиненія учениковъ съ частными замѣчаніями на каждое изъ нихъ, я предписываю вамъ по одному экземпляру этого циркуляра, сообщить инспектору гимназій и преподавателямъ какъ русской словесности и русскаго языка, такъ исторіи и новѣйшихъ языковъ, а также передать для прочтенія воспитанникамъ высшихъ классовъ гимназій».

Мы остановились съ особенною подробностью на характеристикѣ литературныхъ бесѣдъ, чтобы показать, какое значеніе въ свое время придавалось имъ въ общей системѣ средняго образованія. Изъ всего того, что нами сказано, намъ кажется ясна степень важности этого значенія какъ по непосредственнымъ ихъ результатамъ, упражненіи въ древне-русскомъ и новомъ языкахъ и въ основательномъ ознакомленіи съ образцовыми произведеніями, отечественными и иностранными литературными произведеніями, такъ еще въ большей степени по вліянію этихъ бесѣдъ на умственное и нравственное развитіе учащихся, привычкѣ отдавать себѣ отчетъ въ прочитанномъ, въ возбужденіи самостоятельнаго мышленія и развитіи вкуса къ изящному. Въ виду этихъ обстоятельствъ, оцѣнка литературныхъ работъ, исполненныхъ подъ руководствомъ В. Я., приобретаетъ особенное значеніе, а эта оцѣнка, какъ мы уже видѣли изъ разныхъ циркуляровъ попечителя, формулирована слѣдующимъ образомъ: «большое разнообразіе въ выборѣ темъ», «особенно тщательная и само-

стоятельная обработка ихъ», «логичная стройность изложенія и обработка языка»,—вотъ тѣ качества, которыми отличались работы учениковъ В. Я. Намъ кажется, не нужно быть специалистомъ, чтобы понять, какого знанія дѣла, сколько энергіи и трудовъ требовалось для достиженія отмѣченныхъ нами результатовъ.

Свидѣтельство важнаго значенія литературныхъ бесѣдъ въ системѣ образованія, какъ съ чисто утилитарной ихъ стороны, способствующей успѣхамъ въ занятіяхъ русскимъ языкомъ и словесностью, такъ и для развитія умственныхъ силъ учащихся, мы находимъ и въ другомъ официальномъ документѣ—въ ежегодныхъ историческихъ запискахъ заведенія, гдѣ работалъ В. Я. Приведемъ нѣсколько характерныхъ выдержекъ по этому предмету. Въ запискѣ за 1854 годъ, напр., говорится: «Полезьа литературныхъ бесѣдъ съ каждымъ годомъ становится очевиднѣе: онѣ побуждаютъ воспитанниковъ къ дѣльнымъ сужденіямъ и производятъ между ними споры, пріучающіе ихъ вдумываться въ предметы разговоровъ и выражаться опредѣлительнѣе и свободнѣе. Въ письменномъ значеніи обработка сочиненій по источникамъ заранѣе пріучаетъ ихъ къ самостоятельнымъ трудамъ, за которые похвала товарищей служить лестною наградою». «Конечно—замѣчаетъ записка—дѣльныя сочиненія могутъ составлять только болѣе даровитые ученики. Выходя изъ гимназіи, они уже нѣсколько знакомы съ тѣмъ, какъ нужно обходиться съ матеріалами и извлекать изъ нихъ существенное. Но и менѣе развитые ученики также получаютъ пользу, слушая замѣчанія своихъ товарищей и участвуя въ спорѣ, по крайней мѣрѣ они обращаютъ вниманіе на возможную обработку языка. Поэтому литературныя бесѣды составляютъ хотя вспомогательную, но существенную часть въ занятіяхъ русскимъ языкомъ и словесностью».

Въ исторической запискѣ за 1855 годъ мы читаемъ слѣдующее: «Въ кругу учебныхъ занятій третьей гимназіи литературныя бесѣды занимаютъ значительное мѣсто, доставляя учащимся обязательный поводъ представлять результаты своихъ розысканій и соображеній, отдавать отчетъ въ своихъ мысляхъ и выводахъ не въ тѣсномъ кругу класса, но предъ лицомъ начальства, преподавателей и товарищей: объяснять свое заключеніе и защищать свое мнѣніе живымъ словомъ, при возраженіи оппонентовъ. Собраніе матеріаловъ, составленіе сочиненія и способъ возраженія—все это побуждаетъ, конечно, автора вдумываться въ предметъ своего разсужденія и чрезъ то способствуетъ настроенію его умственныхъ силъ. Это одна, но весьма важная сторона литературныхъ бесѣдъ, которой дѣйствіе непремѣнно

должно быть значительнѣе, чѣмъ подобныя-же занятія, приготовляемыя воспитанниками для прочтенія въ классѣ предъ учителемъ. Являясь на бесѣду, авторъ знаетъ, что отдастъ свое мнѣніе на судъ не одного своего наставника, но всего собранія и особенно подвергается, такъ сказать, привязчивости товарищей, изъ которыхъ каждый возражающій побуждаетъ автора къ быстрому соображенію въ отвѣтахъ».

Литературныя бесѣды, какъ мы уже сказали, продолжались до 1856 года, когда, послѣ назначенія М. Н. Муссина-Пушкина сенаторомъ, управление округа перешло въ руки князя Щербатова. Послѣдній формально не отмѣнилъ литературныхъ и читательныхъ (о нихъ ниже) бесѣдъ, но отмѣнилъ только доставленіе срочныхъ свѣдѣній о нихъ въ округъ, причемъ въ предписаніи по этому предмету говорилось, что, признавая эти практическія упражненія въ русскомъ языкѣ полезными, попечитель предоставляетъ «порядокъ и способъ веденія этихъ бесѣдъ, равно какъ другихъ пріемовъ по предметамъ гимназическаго курса, изученіе котораго вообще должно быть существенною цѣлью, непосредственному усмотрѣнію и ближайшимъ соображеніямъ гимназическаго начальства и преподавателей». Послѣ этого литературныя бесѣды въ гимназіяхъ происходили уже рѣже, а наконецъ и вовсе были прекращены. Впрочемъ, въ послѣдній годъ управленія округомъ Муссинымъ-Пушкинымъ значеніе литературныхъ бесѣдъ въ значительной степени пошатнулось, благодаря нѣкоторымъ новымъ стѣснительнымъ формальнымъ условіямъ, уронившимъ ихъ внутреннее значеніе. За то, когда въ педагогическомъ дѣлѣ повѣяло новымъ духомъ и явились болѣе благоприятныя обстоятельства для практической дѣятельности, явилась мысль о возобновленіи литературныхъ бесѣдъ. Такой благоприятный моментъ представился снова въ 1860 году, и мы видимъ, что педагогическій совѣтъ гимназіи, въ числѣ мѣстныхъ распоряженій по учебной части признаетъ полезнымъ возстановить прежде существовавшія литературныя бесѣды, «сохраняя для нихъ одну существенную цѣль, съ устраненіемъ излишества (формальнаго), обременявшаго преподавателя словесности, въ ущербъ внутреннему значенію этихъ занятій». «Отъ возобновленія бесѣдъ — говорится въ постановленіи — совѣтъ ожидаетъ много пользы для образовательнаго значенія учащихся». Къ сожалѣнію, у насъ нѣтъ данныхъ относительно того, осуществилось-ли возрожденіе литературныхъ бесѣдъ, и если да, то долго-ли онѣ продолжались на этотъ разъ и съ какимъ успѣхомъ.

Одинъ изъ біографовъ В. Я. Стоюнина, писавшій подъ живымъ

впечатлѣніемъ неожиданной и тяжелой утраты этого замѣчательнаго педагога, касаясь дѣятельности В. Я. въ качествѣ преподавателя русской словесности, говоритъ между прочимъ, что, «видя живой интересъ учащихся къ русской литературѣ и сознавая высоко-образовательную силу этого предмета, Стоюнинъ сверхъ уроковъ устраиваетъ съ учениками старшихъ гимназическихъ классовъ такъ называемыя «читательныя бесѣды», на которыхъ, какъ видно изъ собственныхъ отчетовъ его, читались учениками и разбирались ими-же, подъ руководствомъ преподавателя, образцовыя произведенія и отрывки изъ нихъ, доступныя ученикамъ. Но дѣлю не ограничивалось только художественными произведеніями; читались иногда статьи біографическія и критическія, касающіяся произведеній, извѣстныхъ ученикамъ, и такимъ образомъ они мало-по-малу пріучались къ серьезному чтенію» *).

Въ приведенномъ отрывкѣ изъ біографіи В. Я. заключаются двѣ неточности. Съ одной стороны, почтенный составитель очерка приписываетъ инициативу устройства «читательныхъ бесѣдъ» В. Я., что несправедливо, такъ какъ эти бесѣды были введены тѣмъ-же попечителемъ Петербургскаго учебнаго округа М. Н. Муссинымъ-Пушкинымъ, которому, какъ мы видѣли, принадлежитъ устройство разсмотрѣнныхъ нами литературныхъ бесѣдъ. Съ другой стороны, по смыслу этого отрывка, учрежденіе бесѣдъ должно быть отнесено къ болѣе позднему времени, чѣмъ это было на самомъ дѣлѣ: «читательныя бесѣды» введены Муссинымъ-Пушкинымъ въ гимназіяхъ Петербургскаго округа въ 1852 году, т.-е. въ годъ поступленія В. Я. на службу въ качествѣ преподавателя русской словесности въ старшихъ классахъ третьей гимназіи.

Дѣйствительно, инициатива устройства читательныхъ бесѣдъ принадлежитъ Муссину-Пушкину, который прилагалъ особенную заботливость къ усиленію занятій русскимъ языкомъ и словесностью и для этой цѣли обращался къ всевозможнымъ средствамъ, въ числѣ которыхъ, безспорно, очень видное мѣсто занимаютъ «читательныя бесѣды». Этотъ родъ литературныхъ упражненій былъ введенъ согласно предписанію попечителя въ «наставленіи преподавателямъ русскаго языка и словесности», которымъ опредѣлялись обязанности преподавателей въ отношеніи занятій русскимъ языкомъ и словесностью. Параграфомъ 32-мъ этого наставленія предписывалось учредить «читательныя бесѣды» подъ надзоромъ инспектора или учителя, по рас-

*) «Вѣстн. Евр.» № 2, 1889. «В. Я. Стоюнинъ», В. Д. Сиповскаго.

поряженію директора. На такихъ бесѣдахъ поручалось читать статьи историческія, путешествія и т. д., «но отнюдь не журнальныя повѣсти и романы». Самая цѣль новаго рода словесныхъ упражненій заключалась въ томъ, чтобы «поощрить учениковъ къ успѣхамъ въ словесности и пріохотить ихъ къ чтенію».

Читательныя бесѣды дѣлились на такъ-называемыя «постоянныя», для которыхъ отводились опредѣленные часы въ общемъ распредѣленіи уроковъ—такія бесѣды происходили въ каждомъ классѣ сначала по разу въ недѣлю, а позднѣе по два раза въ мѣсяцъ, и «случайныя», производившіяся въ часы, свободные отъ занятій вслѣдствіе отсутствія преподавателей, или по другимъ какимъ-либо причинамъ. На этихъ бесѣдахъ читались иногда преподавателями, чаще-же всего самими учениками цѣлыя небольшія произведенія или отрывки изъ образцовыхъ русскихъ и иностранныхъ писателей. При этомъ преподаватель объяснялъ непонятныя термины и болѣе или менѣе рѣдко употребляемые слова, а по окончаніи чтенія происходила живая бесѣда по поводу прочитаннаго, причемъ передавалось содержаніе отрывка или произведенія и обращалось особенное вниманіе на новые факты и понятія, сообщавшіяся прочитаннымъ. Такія бесѣды велись во всѣхъ классахъ гимназіи, по нѣсколькимъ предметамъ, а именно: по Закону Божію (въ теченіе великаго поста), по русскому языку и словесности, по географіи, исторіи, языкамъ французскому, нѣмецкому, латинскому и—только въ третьей гимназіи—еще по греческому языку. Бесѣды, какъ мы уже сказали, производились преподавателями соотвѣтствующихъ предметовъ подъ непосредственнымъ наблюденіемъ инспектора, которому онѣ были специально поручены. Въ третьей гимназіи ввести бесѣды предполагалось въ началѣ учебнаго 1852 года, но, по случаю прибавленія въ этомъ году уроковъ по классическимъ языкамъ и необходимости дать установиться новому росписанію, бесѣды открылись только съ начала октября.

М. Н. Мусинъ-Пушкинъ слѣдилъ за «читательными бесѣдами» съ неменьшимъ вниманіемъ, чѣмъ и за «литературными бесѣдами». Для этого въ каждой гимназіи была заведена особая книга, въ которую отмѣчалось: а) когда происходила бесѣда (съ означеніемъ числа мѣсяца, дня и часа); б) кто присутствовалъ на бесѣдѣ; в) кто изъ воспитанниковъ или учителей читалъ; д) что именно было читано; е) кѣмъ предложена статья для чтенія; ф) какое впечатлѣніе произвела на воспитанниковъ и, наконецъ, г) мнѣніе о бесѣдѣ инспектора и оцѣнка качества чтенія воспитанниковъ. На основаніи этой книги,

директоръ давалъ въ теченіе года два раза отчеты о ходѣ читательныхъ бесѣдъ попечителю, который въ своихъ циркулярахъ ежегодно дѣлалъ сравнительную оцѣнку бесѣдамъ по всему округу. Наконецъ, съ 1856 года надъ читательными бесѣдами было установлено еще особое наблюденіе въ лицѣ профессора Срезневскаго, который неоднократно присутствовалъ на читательныхъ бесѣдахъ.

Мы выше упомянули, что формально читательныя бесѣды были поручены инспектору гимназіи. На самомъ-же дѣлѣ вся тяжесть этого труда да и отвѣтственность, какъ мы сейчасъ увидимъ, лежали на В. Я., какъ на преподавателѣ словесности и какъ на секретарѣ педагогическаго совѣта, которымъ онъ состоялъ въ теченіе семи лѣтъ, съ 1852 по 1859 годъ. Въ качествѣ преподавателя словесности и секретаря онъ обязанъ былъ представлять отчеты о годичномъ кругѣ занятій русскимъ языкомъ и словесностью по всѣмъ классамъ, а въ томъ числѣ также и занятіями литературными и читательными бесѣдами. Кстати замѣтимъ, что на его-же обязанности лежали отчеты и о занятіяхъ переводами съ иностранныхъ языковъ и о составленіи воспитанниками историческихъ статей; послѣдніе два рода упражненій обязаны своимъ существованіемъ также М. Н. Мусину-Пушкину.

Такимъ образомъ, мы видимъ на основаніи всего сказаннаго, на сколько серьезны и сложны были обязанности В. Я. въ дѣлѣ читательныхъ бесѣдъ даже съ чисто формальной стороны. Но трудъ его въ этой области получаетъ еще большее значеніе, если мы обратимся къ внутренней сторонѣ этой отрасли дѣятельности В. Я. Въ этомъ отношеніи заслуживаетъ особеннаго вниманія выборъ матеріала для читательныхъ бесѣдъ и условія, какими онъ были обставлены.

Въ одной изъ историческихъ записокъ за 1855 годъ мы находимъ слѣдующій перѣчень главныхъ источниковъ для чтеній. По Закону Божію были читаны статьи: изъ библіи, изъ исторіи пресвященныхъ: Филарета и Иннокентія, изъ исторіи священника Рудакова, изъ патріаршихъ грамотъ, изъ твореній св. отцовъ, изъ правилъ исповѣданія, изъ бесѣдъ Св. Іоанна, изъ книги: «Попеченіе православной церкви о спасеніи міра», изъ «Путешествія по Св. Землѣ» Норова. По предметамъ общеобразовательнымъ статьи избирались изъ сочиненій: Карамзина, Жуковскаго, Пушкина, Гоголя, Глѣдича, Озерова, изъ исторіи Беккера, Географическаго сборника Фролова, изъ древней Вифлѳеики, изъ сочиненій Арсеньева, Плетнева, Бабста, Муравьева, Медовикова, изъ періодическихъ изданій: «Журнала Ми-

нистерства Народнаго Просвѣщенія», «Журнала для дѣтей» Чистякова, журнала «Звѣздочка», «Журнала естественныхъ наукъ» и др.

Съ другой стороны вышеупомянутая книга для записыванія читательныхъ бесѣдъ даетъ намъ прекрасный матеріалъ для характеристики содержанія читанныхъ произведеній. Въ этомъ отношеніи обращаетъ на себя вниманіе единство и строгій планъ этихъ чтеній вмѣстѣ съ замѣчательнымъ ихъ разнообразіемъ. Такъ, напримѣръ, ученики IV класса знакомятся съ лучшими эпическими произведеніями: Иліадой, Одиссеей, Рустемомъ и Зорабомъ (изъ книги Шахъ-Намэ). Вмѣстѣ съ этимъ дается знакомство съ наиболѣе популярными изъ отечественныхъ писателей: Крыловымъ, Ломоносовымъ, Державинымъ и др., въ образцовыхъ біографіяхъ, Савельева (Державинъ), Плетнева (Крыловъ), Полеваго (Ломоносовъ). Дается понятіе о Карамзинѣ, Жуковскомъ; о первомъ ученики получаютъ понятіе по лучшимъ отрывкамъ изъ «Писемъ русскаго путешественника», «Замѣчаній на путешествіе въ Троицу», на отрывкахъ изъ его «Исторіи государства Россійскаго»; о второмъ они получаютъ понятіе по его письмамъ изъ Швейцаріи, по «Взгляду на землю и небо», по «Неожиданному свиданію», «Двумъ былямъ и еще одной» и др. Наконецъ, ученики знакомятся также и съ легкими разсужденіями, напр., въ такого рода статьяхъ, какъ: «Характеры изъ русской исторіи для художниковъ и воспитателей», и «Русская старипа» Карамзина.

Не меньшее разнообразіе и систему представляютъ чтенія учениковъ трехъ старшихъ классовъ, отличаясь при томъ болѣею серьезностью. Здѣсь усиливается біографическій матеріалъ, причемъ рядомъ съ жизнеописаніемъ того или другаго писателя читается одно изъ лучшихъ его произведеній, и такимъ образомъ получается цѣлостная характеристика извѣстнаго литературнаго имени. Въ послѣднихъ двухъ классахъ, сверхъ того, особенное вниманіе обращается на ознакомленіе учениковъ съ классическими произведеніями всеобщей литературы въ такихъ, напр., образцахъ, какъ «Пильонскій узникъ», «Орлеанская дѣва», «Король Лиръ», «Божественная комедія», «Фаустъ». Рядомъ съ этимъ читаются серьезные статьи критико-литературнаго содержанія, какъ, напр., лучшіе разборы извѣстныхъ русскихъ писателей; читались, напр., статьи Шевырева: «О теоріи старофранцузской поэзіи», «Историческое развитіе теоріи поэзіи», «Ученіе Платона о поэзіи», «Объ индѣйской поэзіи»; отрывки изъ разбора Плетнева сочиненій Жуковскаго (изъ «Извѣстій II-го отдѣленія академіи наукъ»), извѣстныхъ уже ученикамъ; отрывки изъ со-

чиненій Булича «Сумароковъ и современная ему критика»; отрывки изъ сочиненія Вяземскаго «Фонъ-Визинъ» и т. п.

Значеніе этихъ чтеній еще увеличивалось, благодаря умѣнью обставить ихъ наиболѣе выгодными условіями. Мы уже видѣли нѣкоторыя указанія по этому предмету; такъ, напр., мы видѣли, что вмѣстѣ съ чтеніемъ біографіи какого-либо выдающагося писателя, читались и лучшія его произведенія, и такимъ образомъ получалось исполнѣ цѣлостное представленіе о данномъ писателѣ. Въ старшихъ же классахъ В. Я. привлекалъ учениковъ къ большей самостоятельности. Обыкновенно съ чтеніемъ соединялось устное изложеніе жизни писателя, а также разборъ и объясненіе нѣкоторыхъ его мыслей, критическій взглядъ на цѣли сочиненія и т. п. При чтеніи же отрывка изъ классическаго произведенія, напр., «Фауста», «Освобожденіе Іерусалима» и т. п. ученики передавали содержаніе цѣлаго произведенія, что ясно указывало на ихъ знакомство съ этимъ произведеніемъ; наконецъ очень часто самому чтенію такого отрывка предшествовало выясненіе главной идеи произведенія.

Каждое полугодіе въ концѣ декабря и мая мѣсяцевъ В. Я., въ качествѣ преподавателя словесности и секретаря совѣта, обязанъ былъ составлять отчеты о ходѣ занятій читательными бесѣдами, которые и отсылались въ округъ вмѣстѣ съ книгами, заключавшими въ себѣ записи о читательныхъ бесѣдахъ. Эти отчеты составлялись имъ на основаніи извѣстной уже намъ книги, личныхъ впечатлѣній и записокъ преподавателей исторіи, географіи, французскаго, нѣмецкаго, латинскаго и греческаго языковъ, раздѣлявшихъ трудъ веденія читательныхъ бесѣдъ и заключавшія въ себѣ объясненія, чѣмъ каждый изъ нихъ руководствовались при выборѣ статей для чтенія, при порядкѣ чтенія въ каждомъ классѣ и наконецъ при назначеніи времени для бесѣды.

Читательныя бесѣды имѣли большое значеніе въ общемъ дѣлѣ гимназическаго образованія. Признаніе этого значенія мы встрѣчаемъ изъ году въ годъ въ ежегодныхъ отчетахъ и историческихъ запискахъ гимназій. Вотъ, напр., что мы читаемъ по этому предмету въ исторической записки за 1854 годъ. «Читательныя бесѣды, съ учрежденіемъ бесѣдъ по духовнымъ предметамъ, распространились на всѣ классы гимназій. Воспитанники постепенно пріобрѣтаютъ къ нимъ склонность и весьма охотно, по мѣрѣ возможности, обращаются къ классному чтенію, принимая на себя, подъ руководствомъ распорядителей, объясненіе прочитаннаго. Распорядители, съ своей стороны, заботятся, чтобы читательныя бесѣды соотвѣтствовали своему назна-

ченію и служили къ образованію ума, развитію благонравія и пріобрѣтенію полезныхъ свѣдѣній. Для читательныхъ бесѣдъ заимствовались статьи изъ отечественныхъ и иностранныхъ писателей. Содержаніе чтеній, поясненное читавшимъ и развитое, если нужно, распорядителемъ, составляютъ родъ классныхъ занятій учащихся, обращаются для нихъ въ практическій урокъ. Черезъ такое примѣненіе читательныя бесѣды болѣе и болѣе будутъ содѣйствовать распространенію между воспитанниками понятій, которыя хотя и не имѣютъ непосредственной связи въ настоящее время, впоследствии принесутъ имъ обильный плодъ пользы, какъ зачатки познаній, изъ которыхъ развивается духовный составъ человѣка». «Читательныя бесѣды—говорится въ другой запискѣ—открыли новый путь къ дѣятельности для учащихся, доставивъ имъ многообразныя свѣдѣнія и развивая въ нихъ способность вникать въ предметъ читаемаго, всматриваться въ подробности его и передавать прочитанное съ ясностью... Каждая статья бесѣды имѣла назначеніе возбудить вниманіе слушателей важностью своего содержанія въ умственномъ и нравственномъ отношеніи и оставить слѣды въ памяти для развитія душевныхъ способностей или для утвержденія правилъ нравственности».

Такое-же серьезное значеніе придавалъ читательнымъ бесѣдамъ и М. Н. Муссинъ-Пушкинъ. Онъ съ немалымъ вниманіемъ слѣдилъ и за этого рода литературными упражненіями и на основаніи донесеній, о которыхъ мы говорили, дважды въ годъ дѣлалъ бесѣдамъ общую оцѣнку, которую и опубликовывалъ во всеобщее свѣдѣніе въ своихъ циркулярахъ. Въ одномъ изъ этихъ циркуляровъ онъ слѣдующимъ образомъ объясняетъ цѣль подобной оцѣнки. «Разсмотрѣніе записныхъ книгъ и описей читательныхъ бесѣдъ въ гимназіяхъ Петербургскаго округа—говорится въ этихъ циркулярахъ—убѣдило, меня въ томъ, что большая часть лицъ, принявшая участіе въ этихъ бесѣдахъ, исполняла свое дѣло съ усердіемъ, понимая пользу его. Почему считаю нужнымъ для ободренія однихъ и поощренія другихъ циркулярно сообщить выводы о ходѣ читательныхъ бесѣдъ». Мы познакоимъ читателя съ общимъ характеромъ этихъ циркуляровъ по одному изъ нихъ, представлявшему отчетъ о читательныхъ бесѣдахъ за первое полугодіе 1854—1855 академическаго года.

Циркуляры Муссина-Пушкина о читательныхъ бесѣдахъ, подобно циркулярамъ о литературныхъ бесѣдахъ, также составлялись по одному и тому-же плану. Въ началѣ слѣдовало опредѣленіе общаго количества бесѣдъ. Въ разсматриваемое полугодіе ихъ было во всѣхъ тринадцати гимназіяхъ Петербургскаго округа 2.859, т.-е. среднимъ